Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 3433 07855340 5

QCA
Orchestra

Из книги (серии Тимева.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

Павла Свиньина.

Любить Отечество — велитъ природа,
Богъ;
А знать его — вотъ честь; достоинство
и долгъ.

Часть II.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.
1819.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
760552 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

НЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, одинъ для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

Санктпетербургъ, Ноября 30 дня 1818 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ

И. Тимковской.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I.) Записка о жизни Фельдмаршала Князя Николая Ивановича Салтыкова 3

II.) Бѣдствія отъ замка 26

III.) Смоленское Кладбище или встрѣча съ Рускимъ слѣпцемъ — поэтомъ 73

IV.) Сибиряковъ, природный Спихопворецъ 95

V.) Нѣчто о Яковлевѣ, славномъ Россійскомъ прагикѣ 122

VI.) Лекція Г. Власова объ Электричествѣ, или новый практическій способъ дѣлать простые и вѣрные громовые отводы на домахъ 146

VII.) Прогулка на Васильевскій островъ 204

VIII.) Паровыя Теплицы 213

JAN 18 1935

IX.) Жизнь Механика Кулибина и его изобрѣтенія 225
X.) Смѣсь 318
1.) Жели-ла-Туръ незгараемый.
2.) Великанъ и карлица.
3.) Небольшая книжка — очень полезная.
4.) Свѣденія о Федорѣ и Ангеликѣ — Герояхъ романа бѣдствія отъ замка.
5.) Черты характера Вельможъ Екатеринина вѣка.

ЗАПИСКА

О ЖИЗНИ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА САЛТЫКОВА.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный:
Мегапаловъ превыше онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстропечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! весь я не умру — но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить....

Державинъ.

Въ прошедшемъ 1816 году Россія лишилась одного изъ избраннѣйшихъ сыновъ своихъ, потеряла мужа, отличившагося храбростію на поприщѣ воинской службы, мудростію на совѣтѣ правленія, всѣми гражданскими добродѣтелями украшеннаго, и по трудному поприщу истинныхъ и великихъ заслугъ, достигшаго высшаго сана, выс-

шей степени уваженія своихъ современниковъ и потомства, и благодарности своихъ соотечественниковъ.

Конечно, подробное описаніе жизни и дѣяній такого Мужа было бы любопытно для всѣхъ и пріятно для его соотечественниковъ; но кто можетъ взять на себя обязанность теперь быть его историкомъ? Жизнь Князя Николая Ивановича не есть жизнь обыкновеннаго гражданина: права пріобрѣтенныя достоинствами, долговременною службою, и довѣренность къ нему Монарховъ, дѣлали его блюстителемъ важнѣйшихъ тайнъ Государственныхъ и охранителемъ важнѣйшихъ пользъ его; слѣдовательно близость событій многія изъ нихъ должна покрыть на нѣкоторое время еще завѣсою тайны. Притомъ собственная скромность его, сей истинный характеръ добродѣтели и величія души, украшавшій всю жизнь его и дѣянія, предоставляетъ такъже времени открыть и описать ихъ, и конечно одно потомство можетъ совер-

шишь сіе предпріяшіе съ должнымъ успѣхомъ. Но приближимся съ благоговеніемъ къ праху сего добродѣтельнаго Мужа, прольемъ слезы душевной скорби и благодарносши, пройдемъ сколь можно жизнь его, и симъ слабымъ воспоминаніемъ отдадимъ долгъ отечества!

Г. Рюльеръ и многіе другіе Писашели неправильно выводяшъ фамилію Россійскихъ отъ Польскихъ Салтыковыхъ. Сіи послѣдніе происходятъ отъ Михайлы Глѣбовича Салтыкова-Морозова, бывшаго Бояриномъ при Царяхъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, Членомъ Верховнаго Совѣша, учрежденнаго въ междоцарствіе, по низверженіи съ престола Царя Василія Ивановича Шуйскаго, и полномочнымъ Посломъ въ Польшѣ, гдѣ онъ при началѣ XVII столѣтія, въ смушныя шогдашняго времени обстоятельства и осшался; потомки же его, принявъ вѣру Римско-Каѳолическую, занимали шамъ знашнѣйшія Государственныя мѣста.

Особливо между ними извѣстенъ былъ Кайпанъ Салтыкъ, Епископъ Краковскій и Герцогъ Сѣверскій, съ твердостію защищавшій права Республики при началѣ царствованія Станислава Августа. Родъ же нашихъ Салтыковыхъ воспріялъ начало отъ Михайлы Прушанина, прибывшаго съ многочисленною свитою около половины XIII столѣтія въ Новгородъ Великій, къ Великому Князю Александру Ярославичу Невскому, служить подъ побѣдоносными знаменами его противу Шведовъ и Лифляндцевъ. Сей Михаилъ Прушанинъ происходитъ отъ древнихъ Владѣтелей Пруссіи, Славянскаго поколѣнія, которые будучи утѣсняемы въ отечествѣ своемъ Крыжаками и Германцами, искали себѣ убѣжища на Сѣверѣ. Сіе свидѣтельствуетъ и общій гербъ разныхъ фамилій, отъ него начало свое воспріявшихъ, какъ-то: Шеиныхъ, Морозовыхъ, Русалкиныхъ и прочихъ, который есть Прусскій, съ Княжескою короною и маншіею, и въ недавнемъ вре-

мени еще находился въ рашушѣ города Торуня.

Отецъ Князя Николая Ивановича Салтыкова, Иванъ Алексѣевичь, Генералъ-Аншефъ и разныхъ орденовъ Кавалеръ, былъ внучатный племянникъ Императрицы Анны Іоанновны и Герцогини Мекленбургской Екатерины Іоанновны, коихъ мать Царица Параскевія Ѳеодоровна, супруга Царя Іоанна Алексѣевича, была изъ роду Салтыковыхъ. Иванъ Алексѣевичь имѣлъ въ супружествѣ Графиню Наталью Петровну Толстую, внуку Графа Петра Андреевича Толстова, столь знаменитаго при Императорѣ Петрѣ Великомъ. Николай Ивановичь родился 31го Октября 1736 года, началъ службу, не смотря на знатность рода своего, рядовымъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку, и былъ въ походѣ на Рейнѣ съ корпусомъ, посланнымъ Императрицею Елисавешою, вскорѣ по заключеніи Ахенскаго мира, на помощь Маріи Терезіи, при которомъ находился отецъ его.

Въ семилѣтнюю войну уже отличился онъ и былъ посланъ съ донесеніемъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ о побѣдѣ, одержанной при Франкфуртѣ надъ Фридрихомъ Великимъ, за что и произведенъ въ Полковники.

Въ 1762 году за осаду Колберга, во время коей находился онъ подъ начальствомъ Графа Петра Александровича Румянцова, произведенъ Петромъ III въ Генералъ-Маіоры. Съ 1763 года до 1768 Князь Николай Ивановичь предводительствовалъ попеременно въ Польшѣ Россійскимъ войскомъ (*). Въ

(*) Вотъ что, между прочимъ, говоритъ о его при семъ дѣйствіяхъ Полковникъ Рульеръ, (A. Rulière) во 11й части histoire de l'Anarchie, page 84, писатель рѣдко отдающій справедливость Русскимъ. „Cette armée, (l'armée Russe) restait à quelques lieues de Vilna dans une égale inaction. Elle était commandée par un jeune général Soltikoff, qui ayant reçu un ordre de porter la terreur en Pologne démentait par l'honnêteté de son caractère les menaces qu'il faisait quelquefois pour remplir son personnage

1768 году, будучи уже однимъ изъ старшихъ полководцевъ Россійской арміи, собравшейся при Турецкихъ границахъ, велъ онъ Молдавскую компанію, прекрашившуюся взятіемъ Хотина, и, предъ самою сдачею города, особенно отличился въ значительномъ сраженіи; но не отданная ему настоящая справедливость, въ донесеніи Князя Голицына, и слабость здоровья, побудили Князя Николая Ивановича въ 1770 году оставить армію и выѣхать въ чужіе краи, хотя и предлагаемо было ему мѣсто *Правителя* въ новоприобрѣтенныхъ провинціяхъ Молдавіи и Валахіи (*).

et qui marié depuis peu à une des plus belles personnes de Russie, une nièce des infortunés Dolgorouky, venait d'être employé malgré lui à l'oppression de la Courlande, avait laissé à Mittau sa jeune épouse dans le palais du boureau de sa famille, était impatient de retourner auprès d'elle et ne désirait pas de prolonger un commandement si extraordinaire. "

(*) Болѣе всего отказался онъ отъ сего лестнаго назначенія изъ признательности къ Гра-

Путешествіе Князя Николая Ивановича продолжалось три года, въ теченіи коихъ былъ онъ, для возстановленія своего здоровья, на Пирмонтскихъ и Ахенскихъ водахъ, провелъ нѣкоторое время при Дворѣ Фридриха II, и одну зиму въ Парижѣ. Между тѣмъ, произведенъ онъ въ 1773 году Генералъ-Аншефомъ и Вице-Президентомъ Военной Коллегіи, коею управлялъ до того Фелдьмаршалъ Захаръ Григорьевичь Чернышевъ. Возвращясь въ Россію, поступилъ онъ, по случаю первой помолвки Императора Павла I, на мѣсто Графа Никиты Ивановича Панина, который, удалясь въ то время отъ Двора, удержалъ только управленіе Департаментомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Проведя десять лѣтъ сряду при Государѣ Павлѣ Петровичѣ, находился онъ съ нимъ въ Берлинѣ во время вторичнаго его брака съ Императрицею Маріею Ѳеодоровною, и провождалъ его въ путешествіи по ино-

фу Петру Александровичу Румянцову, зная, что сіе было бы ему весьма непріятно.

страннымъ землямъ, которое Его Высочество совершалъ тогда подъ именемъ Сѣвернаго Графа. Въ 1783 году, по прибытіи въ Россію, Князю Николаю Ивановичу поручено было воспитаніе Великихъ Князей Александра Павловича, нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра I, и Великаго Князя Константина Павловича, а вскорѣ за симъ произведенъ Генералъ-Адъютантомъ Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II, въ Подполковники Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полку, пожалованъ Сенаторомъ, Членомъ Государственнаго Совѣта и поступилъ на мѣсто Генералъ-Фельдмаршала Князя Потемкина въ Военномъ Департаментѣ, которымъ управлялъ онъ въ обѣ компаніи противу Шведовъ и Турокъ, — съ 1788 года до кончины Императрицы Екатерины II, за что и пожаловано ему было, при заключеніи мира съ первыми, Графское достоинство, а съ послѣдними 5,000 душъ крестьянъ въ новоприобрѣтенной

Польшѣ; за воспитаніе же Великихъ Князей получилъ 100 тысячь рублей единовременно и сверхъ того 25 тысячь рубл. годоваго пенсіона, домъ въ С. Петербургѣ и серебряной сервизъ. Въ 1796 году Императоромъ Павломъ I Князь Николай Ивановичь произведенъ въ Генералъ-Фельдмаршалы и въ Президенты Военной Коллегіи, а въ 1799 году сдѣланъ Поручикомъ Его Величества и Гофмейстеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго; въ послѣдствіи же Старшиною Греческаго Пріорства. Князь Николай Ивановичь былъ Кавалеромъ всѣхъ Россійскихъ орденовъ 1й. степени, кромѣ ордена Св. Георгія, который учрежденъ по оставленіи имъ военной службы. Сверхъ того имѣлъ онъ отъ Французскаго Двора ордена Кармелитской Богородицы и Св. Лазаря; а отъ Польскаго Короля Станислава Августа ордена Бѣлаго Орла и Станислава. При коронованіи Государя Императора Александра Павловича, Его Величество пожаловалъ ему свой пор-

шрешъ, алмазами украшенный. Наконецъ, въ первую войну съ Наполеономъ, въ 1806 году, Князь Николай Ивановичь управлялъ Комитетомъ учрежденнаго въ семъ году земскаго войска (милиціи), а въ достопамятномъ 1812 году предсѣдательствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Г. Г. Министровъ. Сіи послѣднія мѣста занималъ онъ, не смотря на глубокую старость свою, до возвращенія Государя Императора въ 1816 году. Въ 1814 году 30 Августа возведенъ въ потомственное достоинство Россійскаго Князя, и Высочайшимъ приказомъ, даннымъ того же числа, опредѣленъ къ нему Офицерскій караулъ. (*)

Вотъ продолжительное и блиста-

(*) Подлинныя слова сего приказа:

„ Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія Нашего къ долговременной службѣ Генералъ-Фельдмаршала Князя Салтыкова и къ знаменитымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ отечеству, назначаемъ ему въ отличіе офицерскій караулъ. “

шельное поприще Генералъ-Фельдмаршала Князя Николая Ивановича Салтыкова, на коемъ основывается столь справедливо имъ пріобрѣтенная признательность его современниковъ, и сіе поприще блистательно не только важностію должностей его, но и тою добродѣтелью, которая во всѣхъ дѣлахъ его была ему руководителемъ и основаніемъ.

Въ военномъ званіи показалъ онъ дѣятельность, благоразуміе полководца и соучастіе къ человѣчеству. Рѣшалъ ли участь ближняго на судѣ закона? правосудіе твердою рукою держало вѣсы безпристрастія; но бѣдный и слабый имѣлъ ближайшій путь къ его сердцу. Отечество сознало его заслуги, Государи отдали ему свою довѣренность. Опредѣленіе его при покойномъ Императорѣ Павлѣ, конечно, основано было на личномъ уваженіи къ нему Императрицы Екатерины; а производство его въ Фельдмаршалы доказываетъ признательность Императора: ибо

сія награда была одною изъ первыхъ по восшествіи Павла на престолъ. Порученіе воспитанія Императора Александра и Великаго Князя Константина Павловича, столь важное избраніе безсмертной Екатерины, руководимой мудростію и нѣжною любовію ко внукамъ — удостовѣряетъ въ полномъ убѣжденіи Ея въ строгихъ правилахъ, въ усердіи и благоразуміи воспитателя; совершеніе же онаго есть незабвенный памятникъ всѣмъ его достоинствамъ и добродѣтелямъ.

Князь Николай Ивановичь не щадилъ своего покоя для пользы отечества и посвятилъ на службу его всю долголѣтнюю жизнь свою. Природа столь щедро осыпала его дарами своими, что и во время самой преклонности лѣтъ пользовался еще всѣмъ присутствіемъ разума и свѣжестію памяти. Послѣдній постъ, занимаемый имъ съ 1812 по 1816 годъ, во время отсутствія Государя изъ отечества, столь высокое предопредѣленіе, гдѣ вручалось ему

кормило правленія, есть послѣднее незабвенное свидѣтельство его величія и дѣяній.

Не смотря на высокій санъ свой, покойный Фельдмаршалъ былъ доступенъ для всякаго, привѣтливъ въ обхожденіи, охотно выслушивалъ имѣющихъ нужду въ его покровительствѣ и съ удовольствіемъ подавалъ пособіе. Онъ великодушно снисходилъ къ недостаткамъ другихъ и отдавалъ должную справедливость достоинству. Будучи добръ — всегда былъ убѣжденъ въ пользу человѣка, и если опытность дѣлала его осторожнымъ въ довѣренности, то благородство характера не позволяло ему, безъ основательной причины, оскорблять своею недовѣрчивостію. На пропивъ, тѣмъ, которыхъ испытывалъ онъ, съ удовольствіемъ открывалъ свою душу и, кажется, находилъ въ томъ наслажденіе. И онъ имѣлъ неблагодарныхъ; но сіе не ослабляло его любви къ благотворенію. И онъ имѣлъ злодѣевъ; но мщеніе

было ниже его правилъ. Дѣлать добро — было священнымъ для него закономъ; и естьли по обстоятельствамъ долженъ былъ унять дерзновеннаго и наказать неисполнявшаго своей обязанности, то и сіе стоило ему истиннаго огорченія. Вѣра была первымъ его свѣтильникомъ и приверженность къ Богу сильнѣйшимъ и сладчайшимъ для сердца его чувствомъ, чувствомъ, коему предавался онъ съ восторгомъ и умиленіемъ ревностнѣйшаго Христіанина. Озаренный чистѣйшимъ ученіемъ, онъ не приступалъ къ ежедневнымъ занятіямъ своимъ, не призвавъ на помощь Всевышняго, и вставая очень рано, посвящалъ молитвѣ болѣе часу. Но и въ сію минуту, когда онъ всемъ сердцемъ и душею предавался Богу, всякій, имѣющій до него нужду — имѣлъ право прерывать ея — и онъ снова обращался къ молитвѣ.

Князь Николай Ивановичъ имѣлъ въ супружествѣ Наталью Владиміровну, дочь Князя Владиміра Петровича Дол-

горькаго, бывшаго при Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Рижскимъ и Ревельскимъ Губернаторомъ. Провидѣніе благословило его счастіемъ семейственной жизни: въ супругѣ своей видѣлъ онъ истиннаго и нѣжнаго себѣ друга, въ дѣтяхъ – (*) оправдывающихъ надежды своего родителя и плащящихъ почтеніемъ и привязанностію за его попеченія. Онъ любилъ ихъ съ нѣжностію и, можно сказать, что лишь въ нихъ любилъ себя. Семейство его могло служить примѣромъ согласія и благодѣнствія. Съ супругою своею провелъ онъ 50 лѣтъ, почти безразлучно, и когда 1812 года 7 Сентября смерть пресѣкла жизнь ея (**), потеря

(*) Князь Николай Ивановичь оставилъ послѣ себя трехъ сыновъ: Князя Димитрія Николаевича; Князя Александра Николаевича и Князя Сергія Николаевича; онъ имѣлъ еще дочь, которая скончалась въ малолѣтствѣ.

(**) Княгиня скончалась на 76 году отъ рожденія и погребена во Владимірской деревнѣ

сія была для него столь чувствительна, что не думали, чтобъ онъ перенесъ ея. Когда пришли объявить ему кончину супруги его, то нашли Князя стоявшимъ на колѣнахъ предъ образомъ Спасителя и читавшимъ слѣдующую молитву: «Боже! ты соединилъ насъ на земли, »не разлучи и на небесахъ, и какой »ударъ ни пошлешь на меня — вѣра моя »къ тебѣ не ослабнетъ.» Онъ не измѣнилъ молитвѣ сей, и важная потеря сія, можетъ быть, приближила его еще къ Богу. Одна вѣра спасла егоотъ отчаянія и возвратила страждущему человѣчеству. Предметы, воспоминавшіе памятъ супруги его, хотя были для него любезны; но производили нѣкоторымъ образомъ всегда тягостное содроганіе. Съ потерею супруги онъ, казалось, потерялъ все: и слѣдовательно

въ церкви, при коей Князь построилъ покойную обитель для призрѣнія странныхъ и бѣдныхъ, положа достаточную сумму на содержаніе оной въ Опекунской Совѣтъ.

уже жилъ въ прошедшемъ и въ вѣчности; но еще почти 4 года потомъ провелъ на службѣ отечества, имѣлъ попеченіе о благоденствіи его и до запада жизни своей — зрѣлъ еще славу и торжество Россіи, стяжанное Питомцемъ его, безсмертнымъ Монархомъ.

Живя въ обществѣ и будучи въ столь обширномъ сношеніи съ людьми всѣхъ состояній, образъ жизни своей соглашалъ съ общимъ: домъ и столъ его были открыты для всѣхъ. Послѣ обѣда занимался дѣлами или проводилъ въ кругу родныхъ своихъ и знакомыхъ. Нравъ его былъ веселый и кроткій, и можетъ быть, ни кто не видалъ Князя Николая Ивановича сердитымъ, не смотря на чрезвычайную живость и силу его характера; но это потому, что онъ умѣлъ повелѣвать собою, чувствуя опасность и вредъ въ положеніи его необузданности. Можетъ быть, никогда не видали его печальнымъ; но сердце его всегда чувствовало сильно огорченія: скорбь свою умѣлъ скрывать

въ глубинѣ онаго, дабы видомъ даже не огорчать людей къ нему приверженныхъ, а отъ того въ поступкахъ своихъ казался всегда равенъ и пріятенъ, и умѣлъ заставить каждаго быть къ нему откровеннымъ, безъ принужденія, и въ обращеніи забывать высокій санъ его и могущество.

Въ образѣ жизни своей Князь Николай Ивановичь былъ простъ и умѣренъ: причиною сему, конечно, сколько равнодушіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, столько и отвращеніе къ роскоши, которую почиталъ онъ вредною. Но бережливость его не была скупость, или стремленіе къ стяжанію богатствъ: въ ней находилъ онъ удовольствіе сберегать пользы своего семейства и своихъ служителей, коихъ любилъ онъ какъ дѣтей своихъ. Доказательствомъ тому служитъ, что крестьяне села Черкутина подавали ему просьбу, чтобъ онъ вмѣсто платимаго ими прежде оброка по 10 рубл., наложилъ на нихъ по 20 руб., по при-

мѣру другихъ помѣщиковъ; но Князь сіе отринулъ. Никогда бѣдный, требующій помощи, не выходилъ изъ его дому, не получивъ пособія

Наконецъ физическія силы его утомились подъ бременемъ долговременной, безпрерывной службы пятерымъ Монархамъ, и начали ослабѣвать отъ безпрестанной дѣятельности, заботъ и огорченій; въ концѣ 1815 года открылась у него водяная болѣзнь. Успѣхи оной были чрезвычайно быстры, не смотря на искусство и усилія медиковъ. Вскорѣ потомъ сдѣлался въ ногахъ антоновъ огонь и конецъ его былъ рѣшенъ и неизбѣженъ. Хотя сначала и старались скрывать отъ него опасность, но онъ ея чувствовалъ и молчалъ; взглянувъ разъ на свою ногу, онъ не спросилъ уже потомъ никогда у доктора о болѣзни своей. Переносилъ страданія съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и никто не слыхалъ ни жалобы, ни ропота. Твердость его была безпримѣрна и даже до того, что во время

сильныхъ страданій болѣзни онъ безпрестанно старался успокоивать родныхъ своихъ и приближенныхъ. Государь Императоръ чувствовалъ потерю друга, друга истинно преданнаго ему душею и сердцемъ, и въ прискорбіи своемъ неоднократно навѣщалъ его, а за нѣсколько минутъ до кончины Князя, получилъ отъ него послѣднее благословеніе. Покойный, не будучи въ силахъ сказать уже ни слова, прижалъ къ сердцу руку Царя и возведя свою къ небу — казалось, испрашивалъ ему благость Всевышняго. 16 Маія 1816 года въ 8мъ часу по полудни онъ преселился отъ здѣшней жизни къ вѣчной, на 80 году престарѣлости и посвятя 68 лѣтъ, до послѣдней минуты, на службу отечеству.

Александръ Павловичь и всѣ первые чиновники Государства шествовали за гробомъ его до Казанскаго Собора, и присутствовали при отправленіи Божественной литургіи. Чрезъ шесть недѣль тѣло покойнаго, по желанію его,

вывезено въ село Снигирево, близъ Владиміра, и пріобщено къ праху супруги его, близъ коего, при своей жизни еще, приказалъ онъ пріуготовить для себя могилу, выкладенную камнемъ.

Триста человѣкъ крестьянъ за 50 верстъ встрѣтили тѣло и несли оное на себѣ до мѣста погребенія. Не приворныя слезы и благословенія ихъ, возносясь на небо, воздали досподолжную память сему другу человѣчества.

Миръ праху твоему, мужъ доблестный и добродѣтельный, честь отечества, примѣръ потомства и скорбь современниковъ!

Послѣ Князя Николая Ивановича осталось много Высочайшихъ къ нему писемъ и рескриптовъ Императрицы Екатерины II, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императоровъ Павла I и Александра Павловича, чрезвычайно любопытныхъ по содержанію своему и служащихъ неоспоримымъ свидѣтель-

ствомъ знаменитыхъ услугъ его Отечеству и чувствъ къ нему Монарховъ.

Извѣстна также въ ученомъ свѣтѣ инструкція, полученная Княземъ Николаемъ Ивановичемъ отъ Екатерины II, при назначеніи его къ воспитанію Великихъ Князей. Она въ первый разъ напечатана мною на Россійскомъ языкѣ 1818 года въ Пантеонѣ славныхъ Россійскихъ мужей; хотя Императрица и намѣрена была приказать перевесть ея и издать подобно Наказу на всѣхъ языкахъ, и для переводу на Еллино-Греческій отдана уже была Ею славному Евгенію Булгару. — Екатерина гордилась симъ произведеніемъ своего пера и нѣжности. Въ кабинетѣ Ея находилось всегда нѣсколько копій сей инструкціи, хорошо переписанныхъ, кои жаловала Она вельможамъ и знаменитымъ путешественникамъ въ знакъ отличнаго благоволенія.

БѢДСТВІЯ ОТЪ ЗАМКА.

It is better to suffer without a cause, than that there should be a cause for one suffering.
Sir R. l'Estrange.

Пусть говорится въ Свѣтѣ, что наружность обманчива; пусть строгая, хладная философія запрещаетъ судить о людяхъ по ихъ наружному виду: я никакъ не умѣю подчинить себя сему правилу; скажу болѣе — я люблю предаваться сужденію о людяхъ по ихъ наружности; люблю отыскивать печать, положенную Природой, въ чертахъ, въ походкѣ; люблю читать душу во взглядахъ, сердце въ улыбкѣ! Можетъ быть долгія странствованія по вселенной пріучили меня къ тому; можетъ быть скорые переѣзды изъ страны въ страну, частыя встрѣчи съ чуждыми, незнакомыми лицами тому

причиною: какъ бы то ни было, рѣдко, весьма рѣдко предчувствія на щетъ людей меня обманывали; признаюсь даже, что я имѣлъ пріятныя минуты — торжество въ выборахъ моихъ по взгляду.

Въ одну изъ сихъ минутъ наблюдательности, когда, сидя за чашкою кофе, я дожидался на почтовой станціи въ городѣ N... лошадей, и спокойно разсматривая, изучивалъ безпрестанно приходящихъ и уходящихъ людей — вдругъ входитъ молодой человѣкъ въ сертукѣ изъ толстаго сукна, однимъ словомъ, въ одеждѣ, показывающей низкій классъ его состоянія. (Вскорѣ изъ разговора его съ почтовымъ приставомъ узнаю я, что онъ полковой писарь.) Не понимаю, отъ чего невольное чувство влекло меня къ сему незнакомцу: въ большихъ черныхъ глазахъ его крылась томность; лице его блѣдно, но пріятно; поступь твердая, благородная изображала надежду на собственное достоинство и какъ бы

свидѣтельствовала, что онъ рожденъ выше своего званія. Я невольно приближился къ нему и съ чувствомъ искренности, понятной для сердецъ благородныхъ и чистыхъ, пожалъ его руку и пригласилъ выпить со мною чашку чаю. Незнакомецъ быстро взглянулъ на меня, и какъ будто проникнувъ въ душу мою, съ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе. Мы вышли въ другую комнату.

— Вы нещастливы! — сказалъ я послѣ довольно долгаго молчанія. „Ахъ! М.Г., нещастнѣйшій изъ смертныхъ!“ отвѣчалъ онъ: „но не растворяйте моей раны — дайте мнѣ оставаться въ забвеніи...“ — По крайней мѣрѣ не могу ли вамъ оказать какой нибудь услуги? смѣю ли предложить хотя малое пособіе? ... — „Благодарю васъ, великодушный незнакомецъ!“ сказалъ онъ трогательнымъ голосомъ: „Богъ, кажется, прекратилъ гнѣвъ свой на меня: мнѣ позволено надѣяться, и я съ часу на часъ ожидаю пере-

мѣны судьбы своей! “ — Душевно радуюсь, и если искренное участіе или совѣтъ могутъ быть вамъ пріятны... — „ Понимаю, понимаю, сударь; несчастія научили меня нѣсколько узнавать людей — я ни сколько не сомнѣваюсь въ вашей искренности, и могу ли отказать себѣ и вамъ въ удовольствіи? Вотъ моя исторія:

„Я сынъ отставнаго Капитана, служившаго отечеству 30 лѣтъ. Отецъ мой, не смотря на бѣдность свою, старался дать мнѣ порядочное воспитаніе. Когда я кончилъ курсъ ученія въ Гимназіи, престарѣлый дядя мой, провинціальный Землемѣръ и Архитекторъ, взялъ меня къ себѣ, и будучи доволенъ моими успѣхами въ Математикѣ и рисованьи, вознамѣрился, съ согласія отца моего, усыновить меня и даже сдать мнѣ прибыльную и покойную свою должность. Но сердце юноши, сына заслуженнаго солдата, могло ли любить покойную жизнь? Разсказы отцовскіе о знаменитыхъ по-

ходахъ, чтеніе Исторіи родили во мнѣ желаніе отличиться на полѣ брани; воинскій духъ погдашняго времени, безпрестанный бой барабановъ, стройные ряды, ходящіе въ задъ и впередъ по улицѣ съ побѣдною музыкой, наконецъ, товарищи мои въ щегольскихъ мундирахъ — всё обворожало пылкое воображеніе юноши, всё пищало и усиливало страсть мою къ воинской службѣ Я убѣдительно просилъ отца и дядю позволить мнѣ записаться въ полкъ; но они, или не желая со мной разстаться, или полагая въ мирной жизни болѣе для меня счастія — лишили меня всякой надежды пріобрѣсти славу на воинскомъ поприщѣ. Мнѣ оставалось одно средство — уйти попихоньку въ столицу и тамъ записаться въ милицію, куда я надѣялся быть принятъ Офицеромъ, ибо по званію Архитекторскаго помощника — былъ уже въ семъ чинѣ. Долго колебался я — но вдругъ начали набирать войска, и заговорили о войнѣ; казалось, что я видѣлъ всѣхъ моихъ сверстни-

ковъ увѣнчанными лаврами побѣдъ; мнѣ стыдно было показаться на улицу, и я въ одну ночь оставилъ мирный кровъ родныхъ моихъ. . .

„ Пришедъ въ первый разъ въ столицу, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи полюбоваться на прекрасныя зданія, ее украшающія, и положилъ на передъ осмотрѣть городъ. Проходя на другой день по одной широкой улицѣ, я замѣтилъ нѣчто блестящее у ногъ моихъ, и, поднявъ — увидѣлъ, что то былъ изломанный замокъ. И этотъ замокъ, М. Г., былъ причиною всѣхъ моихъ нещастій! Въ то время, какъ разсматривалъ я его — вдругъ пораженъ былъ голосомъ сидящаго у воротъ человѣка. „ Ей! что ты смотришь; или сломалъ гдѣ дверь, или сундукъ? “ Сколь ни непріятно было для меня такое привѣтствіе дороднаго, краснощекаго мѣщанина, но я довольно покойно отвѣчалъ, что онъ ошибается; что я сей часъ поднялъ замокъ на дорогѣ и что съ удовольствіемъ

уступаю его, если ему онъ надобенъ! „Врешь, бездѣльникъ!“ вскричалъ онъ: „ты укралъ его!“ и, подойдя ко мнѣ, схватилъ меня за-воротъ и закричалъ караулъ. Разумѣется, что кровь во мнѣ взволновалась отъ такого оскорбленія; сильно оттолкнулъ я наглеца, и, чтобъ не заводить дальнѣйшей ссоры, поспѣшалъ его оставить; но въ ту самую минуту явились полицейскіе служители, и меня, по свидѣтельству богатаго мѣщанина, взяли подъ караулъ — за кражу замка и буянство. Я хочу говорить — меня не слушаютъ; предлагаю мои оправданія — ихъ не принимаютъ. И такимъ образомъ изъ одной шюрмы препровождали меня въ другую, какъ уличеннаго въ воровствѣ, пока не достигъ городской темницы. Здѣсь до рѣшенія судьбы и приговора за преступленіе мое — кинули меня въ обширное подземелье, наполненное бродящими тѣнями. Одна молодость подкрѣпила меня перенесть сіе положеніе! одна Вѣра удержала меня нало-

жишь на-себя руки! — я не смѣлъ приближишься ни къ одному изъ заключенныхъ — страшась ихъ какъ преступниковъ; но вспомня собственную участь свою, невинность — увидѣлъ въ нихъ нещастныхъ собратій злополучія! Это меня нѣсколько утѣшало. Сердце мое было полно, требовало изліянія скорби! Тусклое мерцаніе лампы не распространяло даже достаточно свѣта, чтобъ различишь можно было съ перваго разу лица заключенныхъ — и я, вооружась терпѣніемъ, сѣлъ въ самомъ отдаленномъ углу темницы. Семь дней, М. Г., томили меня въ сей преисподней. Сердце ваше облилось бы кровію, естьлибъ пересказашь вамъ половину того, что я видѣлъ и слышалъ тамъ! Сколько жертвъ коварства, властолюбія, отпорженныхъ изъ нѣдръ семействъ своихъ, томящся въ страхѣ, трепешѣ и ужасѣ о неизвѣстности судьбы своей. Наконецъ чрезъ недѣлю тюремщикъ произнесъ имя мое. Приближаюсь къ дверямъ

шемницы — суровый голосъ переспросилъ мое имя, велѣлъ за собой слѣдовать и чрезъ часъ или болѣе очутились мы у городской заставы. Мнѣ всунули въ руки бумагу и вытолкали за шлахбаумъ, запретивъ впередъ показываться.

„Здѣсь въ первый разъ вздохнулъ я свободно. Послѣ всѣхъ со мною несправедливостей и жестокостей не могъ ли я ожидать чего нибудь ужаснаго, постыднаго, особливо, когда вывели меня изъ шюрмы и съ сильнымъ карауломъ въ полночь повели за городъ! Признаюсь, что я даже обрадовался моей свободѣ. Мнѣ весьма хотѣлось прочесть, что написано было въ бумагѣ; но за темнотою ни слова не могъ разобрать, а потому и пошелъ далѣе по дорогѣ. Отойдя съ одну милю, расположился въ лѣсу ожидать свѣта. Сколь ни предупрежденъ былъ я противу справедливости, но немогъ вообразить такого уничиженія, презрѣнія правъ человѣчества, чтобъ не вы-

слушавъ оправданій обвинишь человѣка и навѣкъ замарашь имя его — названіемъ вора! На оборотѣ моего аттестата написано было, что „ за кражу замка „ въ 30 крейцеровъ высланъ я загородъ“ и что „ запрещалось мнѣ навсегда „ входишь въ столицу. “ —

„ Нѣтъ! думалъ я: нѣтъ не возможно, чтобъ Правительство было причастно такимъ насиліямъ; нѣтъ, возвращусь въ столицу, обличу предъ Градоначальникомъ злодѣйскіе поступки нѣкоторыхъ злыхъ его подчиненныхъ, о коихъ онъ конечно не вѣдаетъ. Онъ вѣрно не только окажетъ мнѣ справедливость, но будетъ и благодаренъ за сіе открытіе. Съ сими утѣшительными мыслями возвращаюсь я въ столицу и иду напередъ на свою квартиру, гдѣ оставлено было маленькое мое имущество. — Въ продолженіе трехъ дней усилія мои были напрасны увидѣть Градоначальника: — меня не допустили до него; напротивъ, снова схватываютъ и препровождаютъ въ Ма-

гистрашъ, какъ преступника и ослушника Правительства. Здѣсь ввергаютъ меня въ темницу, смрадную, темную, вмѣстѣ съ государственными злодѣями, презрѣнными убійцами! Корка чернаго хлѣба и кружка гнилой воды — были единственною пищею моею въ продолженіе 10 дней; десять дней дышалъ я однимъ воздухомъ съ извергами рода человѣческаго, слышалъ стоны отчаянныхъ, упреки, богохульства закоренѣлыхъ въ преступленіяхъ, видѣлъ какъ палачи, составляющіе почетнѣйшихъ членовъ сего сословія, готовили презрѣнное орудіе правосудія, или омывали съ равнодушіемъ запекшуюся кровь съ остріевъ сѣкиръ своихъ... Этаго мало — меня каждой день мучили вопросами отъ имени Бургомистра — къ какой городъ я хочу быть сосланъ на жительство? Хочу остаться здѣсь, отвѣчалъ я съ твердостію: хочу остаться здѣсь, доколѣ не докажу своей невинности, не обличу несправедливыхъ. — Скорѣе умрешь въ этой

ямѣ — было ушѣшительнымъ мнѣ отвѣтомъ. Наконецъ успѣлъ я пронуть черствое сердце Секретаря, и съ помощію его пособія представленъ былъ въ десятый день моего мученія предъ лице Бургомистра. — Но, Боже мой! тотъ, кто возведенъ въ сіе важное, почтенное званіе, чтобъ быть заступникомъ, утѣшителемъ нещастныхъ, тотъ, кому ввѣрены вѣсы правосудія, чтобъ клонились они всегда на сторону угнетеннаго, тотъ, кто долженъ быть зерцаломъ истины, великодушія, терпѣнія, поразилъ меня ужаснымъ вопросомъ: избралъ ли я городъ для жительства? Милостивый государь, отвѣчалъ я, будьте моимъ защитникомъ, позвольте объясниться.... — Бездѣльникъ! вскричалъ онъ: городъ, или крѣпость! — Я невиненъ.... Злодѣй! городъ, или рудокопня... И въ отчаяніи именовалъ я городъ М.... какъ ближайшій къ столицѣ, не смѣя назвать мѣста моей родины, не смѣя предстать предъ престарѣлаго отца

моего преслушнымъ, обезчещеннымъ, наказаннымъ за неповиновеніе его волѣ! “

Дайте отдохнуть — вы меня измучили вашею повѣстію : . . .

„ Увы! милостивый государь! это еще ничто въ сравненіи съ тѣми несправедливостями, жестокостями, кои терпѣлъ я въ послѣдствіи. . . .

„ Отъ Бургомистра меня отвели обратно въ тюрму, и на другой день рано отправили по пересылкѣ въ городъ М... съ шестерыми заклейменными разбойниками. Почти въ безпамятствѣ кинули меня на дровни и везли, или, лучше сказать, тащили два дня. Я опомнился отъ сильнаго удара палкою, спрашнаго шуму и сумятохи; открываю глаза и вижу, что одинъ изъ провожатыхъ — держалъ меня за воротъ. Что ты хочешь? спрашиваю его. — Чтобъ не ушелъ — отвѣчалъ онъ. . . . Между тѣмъ шумъ увеличивается, разбойники нападаютъ на моего караульнаго, прогоняютъ его

страшными побоями и кричатъ мнѣ: спасайся, товарищь! Скоро ошаюсь я одинъ посреди лѣса, въ сумеркахъ, не зная, что дѣлать, куда итти. Собравъ немного силъ, съ Божіею помощію пустился впередъ по дорогѣ, и едва выбрался изъ лѣсу, какъ увидѣлъ неподалеку городъ. Не много спустя встрѣчается крестьянинъ, который увѣдомилъ меня, что городъ сей есть М..., тотъ самый, въ который былъ я посланъ. Я несказанно тому обрадовался, и имѣя чистую совѣсть, увѣренный въ моей невинности, поспѣшалъ предстать предъ Бургомистра. Разсказываю ему о возмущеніи разбойниковъ, и объявляю, что по извѣстной на меня клеветѣ городъ сей назначенъ мнѣ въ жительство. Примѣтно было удивительное смущеніе Бургомистра: онъ не зналъ, вѣрить ли моимъ словамъ, какъ вдругъ является старшій провожатый нашъ, избитый, окровавленный и подаетъ ему бумагу, въ коей были написаны имена разбѣжавшихся

колодниковъ, отправленныхъ изъ столицы. Бургомистръ взглянулъ на мое имя и съ гнѣвомъ обратился ко мнѣ: Ты обманулъ меня, бездѣльникъ; ты присланъ сюда не на жительство, а въ крѣпостную работу; вотъ имя твое въ бумагѣ на ряду съ другими колодниками и безъ всякой отмѣтки ... — Я изумился, кинулся на колѣни, клялся въ моей невинности, божился, что вѣрно забыли меня отмѣтить какъ слѣдовало. — Нельзя повѣрить, говорилъ Бургомистръ, чтобъ въ присутственномъ мѣстѣ могла сдѣлаться такая забывчивость, когда дѣло идетъ объ участи человѣка; напротивъ, слова твои заставляютъ меня думать, что ты самый опасный, подозрительный мошенникъ, имѣешь какіе нибудь преступные виды на общее спокойствіе — и приказываетъ заклепать меня въ железа, отвести за карауломъ въ башню. Мнѣ надѣваютъ на шею, на руки и на ноги тяжелыя цѣпи, и такъ бросаютъ въ сырую яму.

Здѣсь физическія силы оставляютъ меня, исчезаетъ надежда на справедливость человѣческую; — однимъ желаніемъ, одною молитвою моею — была смерть.... Не знаю, долго ли былъ я въ семъ положеніи, только пришелъ въ себя отъ сильнаго движенія и чистаго воздуха... Меня везли на широкой шелегѣ, къ которой былъ я прикованъ по рукамъ, ногамъ и даже спиною. На сторонѣ сидѣлъ подлѣ меня драбантъ съ обнаженною шпагой. Я спрашиваю, куда везутъ меня? — Узнаешь, отвѣчалъ суровой голосъ. Страхъ объялъ чувства мои... Чрезъ нѣсколько часовъ показались зубцы древней готической крѣпости. На сѣрыхъ гранитахъ возвышался изъ бурнаго моря мрачный, огромный замокъ. Вотъ тебѣ золотая клѣточка! — сказалъ улыбаясь усачь. Я затрепеталъ.... Могутъ ли дышать (думалъ я) въ сихъ грозныхъ стѣнахъ, на сей гранитной скалѣ добрыя, жалостливыя сердца? Люди тамъ живущіе столькожъ суровы и дики, какъ Три-

рода ихъ окружающая... Они не тронутся моимъ нещастіемъ, они не войдутъ въ мои обстоятельства, они ожесточены къ человѣчеству..... — Но какъ я ошибся!

Меня отвели въ острогъ и заклепали кругомъ къ цѣпи. Комендантъ, судя по предосторожностямъ и строгости, съ какими я былъ доставленъ сюда изъ города М., нашурально заключилъ, что я важный преступникъ... Я не смѣлъ болѣе оправдывать себя, прибѣгать съ жалобами... съ восхожденіемъ солнца гоняли меня съ другими колодниками на крѣпостную работу — и не прежде сумерекъ возвращали въ тѣсное подземелье наше. Три мѣсяца молодость боролась съ упомлѣніемъ физическихъ и душевныхъ силъ; напослѣдокъ изнемогла подъ тяжестію ихъ — я едва могъ передвигать босыя и стертыя оковами ноги мои. Жестокіе приставники, видя, что даже побои ихъ не излечаютъ меня, сжалились надо мною и кинули въ отдаленный уголъ или хлѣвъ, въ руби-

щѣ, почти нага, безъ пропитанія, безъ надежды! “

Надобно имѣть Геркулесовы силы, чтобъ не пасть подъ сими ударами судьбы! воскликнулъ я.

„ И можно ли было человѣку перенесть ихъ съ нѣкоторою чувствительностію? “ прервалъ меня незнакомецъ. „ Я бы конечно не выдержалъ, еслибъ Милосердый не послалъ ко мнѣ Ангела-хранителя.... Любовь, мил. госуд., одна чистая, непорочная любовь – послѣ Бога — можетъ творить чудеса воскресенія!... Я лежалъ безъ чувствъ, или, лучше сказать, въ бреду сильной горячьки, пожиравшей меня адскимъ пламенемъ, — вдругъ чувствую бальзамъ, протекающій по всей внутренности и всѣмъ моимъ составамъ. Отъ слабости какъ сквозь нѣкую завѣсу — вижу благотворнаго Генія моего — въ образѣ прелестной женщины, врачующаго меня. Я не могъ сказать ни слова, но ангельскія черты ея глубоко врѣзались въ моей памяти. – Трои

сутокъ былъ я такимъ образомъ въ безпамятствѣ; но всякой разъ чувствовалъ, когда благодѣтельница моя давала мнѣ вкушать какой-то цѣлебный бальзамъ и прикладывала нѣчто облегчительное къ моей головѣ; я чувствовалъ пріятное потрясеніе, когда прикасалась она ко мнѣ своими прелестными перстами. Чрезъ трои сутокъ я очнулся, и образъ моего Ангела-хранителя живо представился моему воображенію. Я думалъ сперва, что то была мечта; но новое, чуждое доколѣ желаніе жизни, пріятная надежда, внезапно озарившая меня, нѣкое неизвѣстное чувство поселившееся въ сердцѣ, наконецъ самые предметы окружавшіе меня удостовѣряли, что точно была надо мною рука благотворительнаго Генія: я лежалъ на чистой соломѣ и покрытъ былъ теплымъ одѣяломъ; на одной сторонѣ нашелъ чашку со вкуснымъ супомъ и бѣлой хлѣбъ, а на другой новые башмаки и нѣсколько серебряныхъ денегъ!

„ Цѣлый день и всю ночь преодолѣвалъ я сонъ, чтобъ увидѣть мою благодѣтельницу; но надежды мои были тщетны — она не являлась, я не понималъ самъ, отъ чего не смѣлъ спросить о ней входившихъ ко мнѣ сторожей и арестантовъ: какое-то благоговѣніе къ таинственности удерживало меня освѣдомляться. На другой день отнесли меня въ больницу, и я совершенно отчаялся увидѣть ту, которую уже любилъ болѣе всего на свѣтѣ, которую уже обожалъ, не зная... Желаніе жизни, желаніе узнать ее, понравиться ей — сдѣлали счастливый переломъ моей болѣзни, и лучше всѣхъ лекарствъ оживили меня. Хотя несравненно покойнѣе было мнѣ въ госпиталѣ и силы мои еще требовали подкрѣпленія, но нетерпѣливое желаніе получить какія нибудь свѣдѣнія о моей избавительницѣ побудили меня объявить себя совершенно здоровымъ и выписаться чрезъ два мѣсяца изъ больницы. Я вновь сталъ ходить съ прочими аре-

сташими на тяжкую работу, которая состояла въ сверленіи гранитныхъ горъ, и конечно тоже чувство надежды и любви вдохнуло въ меня сверхъестественныя средства къ перенесенію сего бремени, хотя силы мои не совсѣмъ еще были возстановлены.

„Дни летѣли, проходили мѣсяцы, и я все не могъ встрѣтиться съ моею спасительницею, не находилъ даже средствъ и повода узнать объ ней. Между тѣмъ замѣчалъ я, что одинъ старичекъ изъ инвалидовъ, надсматривающихъ надъ колодниками, отличаетъ меня отъ прочихъ: искра надежды блеснула въ отчаянномъ сердцѣ. Можетъ быть онъ знаетъ тайну нашу, думалъ я, можетъ быть онъ есть повѣренный моей благодѣтельницы, моего божества. Однажды, какъ мы были съ нимъ одни, я подошелъ къ нему и съ робостію спросилъ его: Дядюшка! не знаешь ли ты спасительницы моей, которая, какъ лежалъ я отъ тамъ больнымъ, три раза приходила ле-

чишь меня и воскресила изъ мертвыхъ? — Не знаю, дружокъ; незнаю — было ошибкомъ добродушнаго инвалида — Ради Бога, дядюшка, скажи... Богъ тебѣ за меня заплатитъ — повторялъ я ему со слезами на глазахъ. Старикъ посмотрѣлъ на меня пристально, подумалъ и наконецъ сказалъ: — Такъ точно, я впустилъ къ тебѣ лекарку; но она не велѣла ни кому про то сказывать, и Боже сохрани, естьли узнаютъ въ крѣпости; мы всѣ пострадаемъ. — Я кинулся къ нему на шею, просилъ, заклиналъ открыть хотя имя моей благодѣтельницы; — все было тщетно — старикъ ни какъ не хотѣлъ мнѣ назвать ее. Ты ее погубишь — говорилъ онъ — а она такая добрая, такая жалостливая, милостивая — истинная Христіанка. Положимъ, что ты честной человѣкъ и невинно здѣсь мучишься, но многіе ли про то знаютъ? Ты все невольникъ, ты не можешь жениться на-честной дѣвушкѣ... — Въ отчаяніи говоръ я былъ въ ту минуту

наложить на себя руки, проклинала жизнь и злую судьбу свою; но добрый старикъ всячески старался успокоить меня, влить надежду въ мою душу... — Молись Богу — говорилъ онъ, Всевышній милосердъ; Онъ посылаетъ искушеніе и награждаетъ за терпѣніе....

„ Нѣсколько разъ принимался я просить стараго инвалида, чтобы сказалъ мнѣ имя моей избавительницы; но онъ оставался непреклоннымъ, и сколь ни мучился я симъ невѣдѣніемъ — лучь надежды все еще питалъ мое сердце. Между тѣмъ однажды, какъ потупивъ глаза, шелъ я на работу мимо предмѣстія, и товарищи мои просили у добродушныхъ подаянія — внезапно поражаюсь прелестнымъ, знакомымъ мнѣ голосомъ, который звалъ къ окошку солдата, дабы отдать милостыню для невольниковъ. Взглядываю въ окошко и, о Боже! какое восхищеніе! вижу мою спасительницу, моего Ангела-избавителя....

„ Я готовъ былъ броситься на колѣ-

на, надѣлашь шысячу дурачествъ въ минушу восторга; но одинъ взоръ, коего смыслъ я шолько одинъ понялъ, осшановилъ меня.... Въ минушу окошко закрываешся, и я пошелъ, куда мнѣ слѣдовало....

„Есшьли узникъ, существо осшавленное, пренебреженное, можешъ бышь щасшливъ, можешъ бышь щасшливѣе всѣхъ на свѣшѣ, шо эшо, конечно, я былъ въ шу минушу! Но мгновенное наслажденіе, мгновенный восторгъ скоро усшупилъ ужасной мысли: вѣрно я обманываюсь въ разсужденіи чувствъ моей спасишельницы; вѣрно сосшраданіе, одно ея великодушіе, принимаю за любовь. Какъ и за чшо она могла полюбишь меня? какъ мнѣ, невольнику, смѣшь любишь ее? — Тушъ почувсшвовалъ я всю шяжесшь моего злощасшія! Но Провидѣніе еще подало мнѣ оправу: спану сшараться по крайней мѣрѣ, думалъ я, изыскашь средсшва объясниться съ нею, увѣришь ее въ моей невинносши, и эшаго мнѣ до-

вольно. Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я каждое утро и вечеръ той минуты, когда долженъ былъ проходить мимо дома моей прелестной, утѣшаясь всегда новою надеждою увидѣть ея въ окошкѣ! Но два мѣсяца прошли безъ всякаго успѣха: я не видалъ ее болѣе и не слыхалъ ничего о ней. Грусть, тоска овладѣли душею моею; я кинулся къ ногамъ жестокаго старика, заклиналъ его отнести отъ меня письмо къ моей благодѣтельницѣ, или клялся завтра же кончить плачевные дни мои въ волнахъ бурнаго моря! Тщетно отговаривался онъ, тщетно представлялъ опасности, безразсудность такого поступка; наконецъ, или изъ сожалѣнія къ страсти моей, или изъ страха отъ послѣдствій моего отчаянія, принужденъ былъ склониться на мою прозьбу. Въ тужe ночь я написалъ ей все, что чувствовало мое сердце, все, что могъ найти въ изъявленіе моей признательности, и вложилъ въ письмо мое картинку, въ ко-

ей представилъ себя въ ужасной темницѣ, въ тяжкихъ оковахъ, и Ангела-хранителя въ образѣ моей любезной нисходящаго съ небесъ. Послѣ сего оспался я покойнѣе.... Увы! спокойствіе сіе, подобно мертвой тишинѣ предъ ужасною бурею, было предвѣстіемъ смертоноснаго удара моему сердцу: старикъ на третій день объявилъ мнѣ, что письмо мое не было принято и возвращено безъ прочтенія! — ... Все кончилось для меня — не для чего было существовать ... смерть, немедленная смерть оспалась однимъ моимъ желаніемъ и предметомъ. Ночь была осенняя, черная, но сердце мое было еще мрачнѣе. Съ дикою радостію слушалъ я, какъ разбивались пѣнныя волны о сѣрыя темницы; съ злобнымъ веселіемъ видѣлъ я сквозь рѣщетчатое оконце, какъ огненныя молніи раздирали бурныя тучи; громъ, потрясавшій своды зданія, вливалъ адскую отраду въ мою грудь: раздраженіе природы оправдывало

моему положенію, пищало духъ мой. Когда поварищи мои уснули, я съ крайнею опасностію выбрался изъ темницы и лешѣлъ на берегъ морской — къ мѣсту моей погибели, съ такою осторожностію, какъ бы за нѣкимъ неожиданнымъ щастіемъ; столь же боялся, чтобъ мнѣ не помѣшали, меня не остановили, какъ бы страшился, чтобъ не похитили отъ меня величайшаго благополучія. — Уже былъ я на краю ужасной пропасти, уже занесъ я роковую ногу, чтобъ въ нея низвергнуться, какъ знакомый голосъ — „что ты дѣлаешь, нещастный?“ — поразилъ меня. . . Я невольно отскочилъ; оглядываюсь — блеснула молнія — и вижу въ двухъ шагахъ отъ меня женщину, стремящуюся удержать меня. Сердце сказало, кто она. „Что ты дѣлаешь, нещастный?“ повторилъ прелестный голосъ. Хочу умереть у ногъ твоихъ! вскричалъ я, и упалъ безъ чувствъ на мѣстѣ. „Живи, чтобъ любить меня!“ коснулось ушей моихъ, отозвалось въ

сердцѣ моемъ. На утро нашли меня на крутомъ берегу, на краю бездонной пропасти и отнесли въ гошпиталь. Ахъ, М. Г.! когда можно умереть отъ радости, отъ стремительнаго перехода изъ отчаянія въ восторгъ небесный, то конечно ни кто не могъ скорѣе, ни кто не могъ пріятнѣе моего кончить дней своихъ; но Богу угодно было сохранить меня. Въ нѣсколько дней оправился я, такъ что былъ выписанъ изъ гошпиталя; любовь, надежда, милой голосъ: „живи, чтобъ любить меня!“ послужили спасительнымъ бальзамомъ въ моей горячкѣ. Выздоровленіе мое было, такъ сказать, физическое и моральное воскресеніе: я почувствовалъ свое достоинство, почувствовалъ щастіе быть любимымъ обожаемымъ существомъ — и полюбилъ свое невольничество. Между тѣмъ слѣпое мое повиновеніе приказаніямъ стражей, тихость моя и печаль обратили на меня вниманіе начальства; при томъ я имѣлъ щастіе во время болѣзни пи-

саря отправлять его должность, писать нѣкоторыя бумаги для коменданша, коими онъ оставался очень доволенъ. Почтенный начальникъ желалъ наградить, отличить меня, и первую милость испросилъ я — избавить меня отъ сообщенія съ прочими колодниками. Вы не можете представить, М. Г., что я терпѣлъ отъ моихъ товарищей! видя меня чуждающимся ихъ сообщества, часто не согласнымъ съ ихъ мнѣніями и неучаствующимъ въ ихъ неистовыхъ забавахъ и поступкахъ — они меня ненавидѣли, преслѣдовали, мучили и не рѣдко грозили убить, особливо, когда я бралъ сторону нещастныхъ; ибо и между ними были нещастные, невинные и раскаивающіеся! Повѣрите, мил. госуд., что я, нещастнѣйшій изъ людей, я — имѣлъ случай еще утѣшать, успокоивать и подкрѣплять многихъ себѣ подобныхъ, убѣдиться, что я не одинъ жертва несправедливости человѣческой! Повѣрите ли, что нѣсколько

честныхъ, трудолюбивыхъ гражданъ прислано было въ тяжкія крѣпостныя работы изъ столицы за то единственно, что имѣли нещастіе потерять свои паспорты. Бѣдные въ изнеможеніи духа головы были съ отчаянія заразишься отъ другихъ товарищей, ожесточенныхъ изверговъ человѣчества, гнуснѣйшими пороками Ада. Я починалъ долгомъ останавливать ихъ, сколь возможно, на стези добродѣтели и Религіи, читая имъ часто мѣста изъ Священнаго Писанія, и не рѣдко страдалъ за такое покровительство. Вотъ раны, которыя получилъ я на семъ бою чести и долга: посмотрите, какъ изрѣзаны у меня руки злодѣями. Теперь еще вижу, какъ одинъ изъ сихъ убійцъ, въ чаду пьянства и остервененія, кинулся на меня съ ножемъ за то, что я порицалъ хвастовство его ужасами и числомъ преступленій! Сердце содрогается, когда вспомню, съ какими извергами я дышалъ нѣсколько лѣтъ подъ одною крышкою!

„Почтенный комендантъ не только даровалъ мнѣ свободу, но покровительствомъ своимъ доставилъ заняшія небольшимъ познаніямъ моимъ въ рисованьи и Математикѣ. По рекомендаціи его получилъ я много учениковъ и учениць, такъ что я сталъ полезенъ себѣ и обществу. Благодѣтель мой не удовольствовался тѣмъ: съ нѣкотораго времени уже онъ велъ переписку съ начальствомъ столицы, и удостовѣряясь часъ отъ часу болѣе въ моей невинности, употреблялъ всѣ силы, чтобъ судебнымъ порядкомъ освободить меня. Хотя не могъ еще онъ гласно объявить меня оправданнымъ; но ласки его и отличіе, коими старался загладить онъ сколько нибудь мои страданія, всякаго въ томъ удостовѣряли. Сверхъ того тщился я всячески заслуживать общее уваженіе и любовь, къ чему послужили мнѣ много небольшіе таланты мои.

„Не много погодя, я вновь рѣшился писать къ ней и вновь прибѣгнулъ къ

посредству спараго инвалида, кото-рый, какъ узналъ я, не рѣдко хаживалъ къ ней въ домъ. Къ величайшему удо-вольствію моему, онъ охотно взялся исполнить мое порученіе и обѣщался на другой день въ полдень дать мнѣ отвѣтъ. Даже обыкновенно влюблен-ный не можетъ понять тѣхъ чувствъ, съ коими я ожидалъ отвѣта; не съ такимъ страхомъ и трепетомъ уз-никъ, приговоренный къ смерти, ждетъ отъ Монарха своего помилованія: — въ одно время я боялся и пламенно же-лалъ узнать свою участь. Ночь каза-лась мнѣ то цѣлымъ вѣкомъ, то ле-шела слишкомъ скоро; солнце или вос-ходило очень медленно, или слишкомъ спѣшило на высоту; часы, казалось, у всѣхъ останавились, или уходили: ибо у всякаго встрѣчающагося спрашивалъ я о времени. Наконецъ на городской ба-шнѣ пробило 12 часовъ; я невольно содрогнулся и явился у дверей моего бла-годѣтеля. Но какая досада! — Его еще не было дома. Въ припадкахъ жестокой

лихорадки я долженъ былъ дожидаться его болѣе двухъ часовъ. Изъдалече завидѣлъ я вѣстника моего и полетѣлъ къ нему на встрѣчу, желая въ походкѣ его, во взглядахъ предузнать судьбу свою. Боже! сердце мое и теперь трепещетъ отъ радости, когда вспомню, сколько обрадованъ я былъ его вѣстію: мнѣ назначено было черезъ два дни въ полночь быть на той самой скалѣ, на которой за полгода до сего я былъ спасенъ ею. Нетерпѣніе мое въ нынѣшній разъ было совсѣмъ противнаго свойства: я жаловался не столько на одну медленность времени, старался всячески укоротить его, и оно, какъ будто въ досаду, необыкновенно шло тихо; кидался на постелю, но не могъ сомкнуть глазъ, и чѣмъ ближе видѣлъ я назначенный часъ, тѣмъ казался онъ отдаленнѣе. За долго до полночи явился я на уговорномъ мѣстѣ, и удивился, отъ чего черныя скалы, къ коимъ прежде не смѣлъ приближиться, показались мнѣ на ту минуту необыкновен-

но привлекательными. Кажется, сама природа вознамѣрилась даровать мнѣ тогда часы пріятные, вожделѣнные! Полная луна рисовала таинственною тѣнью сосновыя рощи и высокія горы; море какъ зеркало подёрнуто было серебромъ, и въ глубинѣ отражало новое, прелестное царство; ужасная доселѣ пучина представляла пріятно-журчащій ручеёкъ, прыгающій въ золотыхъ брызгахъ по разноцвѣтнымъ камнямъ; пѣвецъ ночи громкими трелями, или томнымъ замираніемъ объяснялся вдалекѣ съ своею подругою: — — — — Все располагало душу къ великимъ, райскимъ ощущеніямъ! Послышался шорохъ, вижу тѣнь, милую тѣнь, пробирающуюся осторожно между деревьями; — еще минута, и я у ногъ моего божества. Не стану, и не умѣю описывать вамъ, М. Г., нашего свиданія; ежели вы любили, или любите, то можете представить, хотя слабо, встрѣчу сію. Однимъ словомъ, я узналъ, что я любимъ, любимъ пламен-

но; что прекрасная моя Ангелика почувствовала ко мнѣ невольную симпатію при первомъ на меня взглядѣ, когда проходилъ я мимо ея дому въ рубищѣ преступника; что старый инвалидъ, любимый отцомъ ея за доброту его и честность, разсказами своими о печали моей, о нещастіи и прочемъ — часъ отъ часу усиливалъ страсть ея ко мнѣ, и наконецъ такъ жалостно описалъ мое положеніе въ болѣзни, что побудилъ ее пренебречь всѣ опасности и съ помощію его принести въ темницу мнѣ нѣкоторое пособіе; что ужасной сонъ, нѣкое неизвѣстное побужденіе, страшное предчувствіе, привели ее въ ту грозную ночь къ пронасти, дабы удержать меня отъ погибели. Я узналъ, что она дочь богатаго старѣйшины надъ лоцманами, что по волѣ его сговорена и обручена за одного достойнаго гражданина. — Я имѣлъ торжество видѣть брошеннымъ ею въ бездну моря несносное кольцо нареченнаго жениха; вмѣсто того надѣла

она мое. Мы клялись тысячу разъ быть вѣрными другъ другу, и разстались уже на зарѣ, условясь въ свиданіяхъ.

„ Сколь съ каждымъ днемъ благополучіе и благосостояніе мое увеличивалось; столь положеніе Ангелики дѣлалось часъ отъ часу непріятнѣе. Не столько рѣшительный отказъ ея богатому жениху, сколько открытіе предмета любви ея, любви къ невольнику, раздражили строгаго отца ея. Онъ не удовольствовался, что жестоко изгналъ дочь свою изъ дому, но объявилъ ее во всѣхъ киркахъ недостойною, ослушною, наносящею позоръ его семейству, и помощію пастояній его — отчуждена она была отъ Церкви. Родные отреклись отъ нея, пріятели и посторонніе чуждались бѣдной Ангелики; ни кто не хотѣлъ и не смѣлъ подать ей руку помощи, даже пріющить ее. Одна небогатая старушка, содержавшая школу, сжалилась и укрыла ее отъ осенняго ненастья, въ полу-

развалившейся хижинѣ своей. Любовь все превозмогла! Несравненная Анжелика мой терпѣливо все переносила, не измѣня своему сердцу и клятвѣ. Она рѣшилась трудами своими снискивать себѣ пропитаніе, и благодаря своему искусству въ различныхъ женскихъ рукодѣльяхъ, не только почувствовала себя независимою, но щедро награждала пріятельницу свою за призрѣніе себя . . Она сдѣлалась ей необходимою, и школа скоро удивительнымъ образомъ процвѣла: всякій хотѣлъ отдать дочь свою на ученье старой Магдалинѣ.

„Прошлова года, какъ Французскій Тамерланъ грозилъ порабощеніемъ всей Европѣ и какъ вся Европа вооружилась, чтобъ противустать ему, повелѣно было отъ Правительства крѣпостныхъ невольниковъ, кои не заключены по криминальнымъ дѣламъ, распредѣлить по полкамъ не въ фрунтовыя должности; благодѣтель мой воспользовался симъ случаемъ и принялъ меня

въ свою канцелярію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по усильному настоянію его, произведенъ я былъ въ чинъ старшаго унтеръ-офицера.

Желая еще болѣе доставить мнѣ добра, онъ рекомендовалъ меня главному начальству въ столицу, съ тѣмъ чтобъ употребили меня для нѣкоторыхъ важныхъ работъ; онъ полагалъ, что здѣсь скорѣе могу я быть замѣченъ, лучше буду награжденъ и успѣшнѣе приведу лично къ концу мое дѣло. — Благодѣтельное его намѣреніе было ясно. Я не смѣлъ отказаться; единственно страшился разлучиться съ Ангеликою. Любовь робка: хотя увѣренъ былъ я въ Ангеликѣ, хотя убѣдительно являла она мнѣ постоянство свое; но въ отсутствіи, думалъ я, часто сильнѣйшія страсти потухаютъ! „Я ѣду въ столицу“ сказалъ я Ангеликѣ, „чтобъ сдѣлаться достойнымъ руки твоей, чтобъ никогда не разлучаться намъ болѣе.“ — Увы, М. Г.! предчувствіе моего нещастія сбылось:

вотъ тому три мѣсяца, какъ я нахожусь здѣсь, имѣю вѣрнѣйшую надежду, что невинность моя восторжествуетъ; уже приказано отъ Монарха дѣло мое разсмотрѣть съ величайшею строгостію и поспѣшностію; но съ другой стороны, оттуда, гдѣ хранится все мое благополучіе, я получаю плачевныя вѣсти. Злые люди старались всячески поссорить насъ, наговаривали ей на меня, стращали ее мною. Наконецъ пишетъ она ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ: „я понимаю ихъ „злыя намѣренія; но сердце мое не въ „состояніи выдержать болѣе — бѣгу „на корабль, отъѣзжающій сей часъ „въ вашъ городъ, возвращусь сюда ща„стлива, или умру отъ горя. . . .“ Вотъ уже двѣ недѣли, какъ получилъ я сіе письмо; пріятели мои увѣдомляютъ также, что она точно отправилась сюда на кораблѣ; корабли обыкновенно приходятъ сюда въ двои сутокъ — а вотъ двѣ недѣли, какъ ее нѣтъ! Съ восхожденіемъ солнца явля-

юсь я на присшани, осматриваю всѣ корабли, разспрашиваю, но нѣтъ ни какого слуха! Можетъ быть она здѣсь и тщетно меня ищетъ, такъ какъ я ее, или можетъ быть она давно въ волнахъ бурнаго моря! — Ахъ! если еще нѣсколько дней не услышу объ ней — то послѣдую за нею, буду искать ее на днѣ морскомъ!“

При сихъ словахъ молодой человѣкъ закрылъ лице свое, вздохнулъ, и такъ тяжело, такъ жалостно, что совершенно разстроилъ меня на минуту: нѣсколько капель слезъ облегчили мое сердце и голову. Я употребилъ все стараніе, чтобъ ушѣшить его; увѣрялъ въ предчувствіи моемъ, что скоро онъ увидится; что Богъ, коего десница ясно видима надъ нимъ, блюдетъ и его любезную, наградитъ его за смиреніе и претерпѣнныя бѣдствія; наконецъ признался ему, что если либо зависть была причастна моему сердцу, то я никому бы не позавидовалъ столько, какъ ему, и на его мѣ-

сшѣ судьбы своей не промѣнялъ бы ни на кучи золота, ни на корону: — любишь и быть такъ любиму не въ власти сильнѣйшаго властелина въ свѣтѣ!..

Давно уже коляска моя стояла у крыльца въ готовности; мой кучеръ въ нешерпѣніи хлопалъ бичемъ, а лошади били копытами и ржали. Должно было разстаться съ интереснымъ незнакомцемъ; поблагодаривъ его искренно за снисходительность, пожелавъ ему отъ всего сердца всѣхъ возможныхъ благъ и обѣщавъ непремѣнно навѣдаться объ немъ на возвратномъ пути моемъ чрезъ сію столицу — кинулся я въ коляску съ расперзаннымъ сердцемъ, завернулся въ капотъ и предался мечтаніямъ. Захлопалъ бичь, и борзыя кони помчали....

Два мѣсяца блуждалъ я изъ страны въ страну, изъ столицы въ столицу, переходилъ отъ удовольствія къ удовольствію, отъ одной разсѣянности къ другой; но рѣдко, весьма рѣдко при-

ключеніе незнакомца выходило изъ мыслей моихъ; скажу даже: воспоминаніе о немъ дѣлало меня добрѣе, жалостливѣе: я уже не смотрѣлъ болѣе съ прежнею холодностію и негодованіемъ на встрѣчающихся колодниковъ и арестантовъ; рука и сердце мое готовы были всегда помочь имъ. Можетъ быть, думалъ я, между ними есть много подобныхъ нещастливцевъ, невинныхъ, преслѣдуемыхъ злобою. . . .

Ровно черезъ два мѣсяца возвратился я въ столицу N . . . и первымъ дѣломъ моимъ было отыскать честнаго Ѳедора, (имя нещастливца.) Съ помощію лонъ-лакея нашелъ его квартиру, и не заставъ дома, оставилъ ему записку, которою просилъ немедленно притти ко мнѣ въ такой-то трактиръ, ибо остановился я въ городѣ для него единственно. Не прошло полу-часа, какъ Ѳедоръ явился ко мнѣ, и мы встрѣтились, какъ старинные коротkіе пріятели.

„ Она здѣсь! здорова! “ было первое

его слово, какъ будто опгадывая, что это было бы первымъ вопросомъ моимъ; равномѣрно, предупреждая и первое желаніе мое увидѣть сію удивительную героиню, онъ пригласилъ меня къ ней, и мы тотъ-часъ же пошли. Ѳедоръ объявилъ мнѣ дорогою, что онъ разсказалъ Ангеликѣ о нашей встрѣчѣ, и она желала такъже со мною познакомиться.

Много я видалъ прелестныхъ женщинъ, удивительныхъ красавицъ; но ни одна не поражала меня болѣе и чувствительнѣе сей необыкновенной женщины. Не имѣя ни одной черты правильной, лице ея выражало нѣчто Ангельское: скромность, добродушіе блистали во всѣхъ чертахъ, голосъ очаровательный, взглядъ небесный, станъ гибкій, стройный: вотъ слабый портретъ Ангелики. Одинъ докторъ, котораго дочь отказался Ѳедоръ учить рисованью по неспособности ея и за капризы, былъ причиною всего горя Ангелики; старался всячески вредить

ему въ его отсутствіи, распускалъ различные слухи: что будто онъ невѣренъ своей невѣстѣ, что найденъ въ какомъ-то преступленіи, такъ что она рѣшилась сама на мѣстѣ узнать истину. Ангелика тотчасъ отправилась изъ крѣпости W... на кораблѣ, и чрезъ три дни благополучно прибыла въ столицу N.... Остановившись у родственниковъ своихъ, болѣе трехъ недѣль искала своего любезнаго, и наконецъ, какъ начинала уже отчаиваться, вдругъ встрѣчаетъ его на улицѣ въ такомъ же какъ сама положеніи. Теперь примѣрная, геройческая чета сія вмѣстѣ. Ѳедоръ, честный Ѳедоръ не хочетъ никакъ жениться, пока не рѣшится дѣло его и невинность его не восторжествуетъ; иначе онъ почитаетъ себя недостойнымъ руки сей безподобной женщины. Нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣмъ вмѣстѣ поправится и состояніе ихъ: оба они, кромѣ трудолюбія, досужества и добродѣтели, не имѣютъ ничего; а какъ часто сія

богатства, сіи истинно благородныя богатства, въ здѣшнемъ свѣтѣ не приносятъ ни какой пользы, и остаются безъ уваженія! Можетъ быть въ первый разъ я справедливо ропталь на судьбу за то, что я не богатъ, что не могу удѣлить имъ нѣсколько сотень червонцевъ! Порадуйтесь богачи! вы имѣете способъ малѣйшею жертвою отъ вашихъ прихотей на вѣкъ осчастливить чету интереснѣйшую, достойнѣйшую благополучія!

Если всякой изъ насъ разсмотритъ съ прилѣжаніемъ жизнь свою, то найдетъ ее исполненною разительныхъ нравственныхъ уроковъ; но есть люди, коихъ особенно все существованіе составитъ изъ чуднаго сцѣпленія событій и примѣровъ! Таковы приключенія Федора: мы видѣли его преслушнымъ священной воли родителя, и съ той минуты преслѣдуемымъ Божескимъ гнѣвомъ; видѣли его рукою благаго Провидѣнія изъятымъ отъ опча-

нія и щедро награжденнымъ такимъ даромъ, который Небо посылаетъ однимъ избраннымъ своимъ — милою, нѣжною, добродѣтельною подругой. Ѳедоръ показалъ намъ, сколь малѣйшія познанія полезны во всѣхъ обстоятельствахъ и клонятся ко счастію человѣческому, и увы! осужденіе его служитъ печальнымъ доказательствомъ, сколь развращенъ, корыстолюбивъ свѣтъ сей, и въ то же время научаетъ, какъ внимательны, осторожны, терпѣливы должны быть вышніе чиновники при изслѣдованіи и разбирательствѣ послѣдняго изъ гражданъ; ибо отъ одного слова ихъ не рѣдко зависитъ судьба человѣка, человѣка рожденнаго наслаждаться одними съ ними правами свободы и законовъ! — Ѳедору отдадутъ старшинство по службѣ; но кто возвратитъ ему болѣе девяти лѣтъ, потерянныхъ въ оковахъ, заточеніи, страданіи и тоскѣ! Чѣмъ человѣче-

ская сила можетъ вознаградить его за ошибку или жестокость ему подобнаго? . . .

СМОЛЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

ИЛИ

встрѣча съ Рускимъ славянимъ — поэтомъ.

Въ одну изъ тѣхъ сладостныхъ минутъ, когда сердце бываетъ въ согласіи съ предметами насъ окружающими, когда физическія силы, измѣняя бренному составу — даютъ новую жизнь мечтамъ и окрыляютъ воображеніе, въ одну изъ сихъ незабвенныхъ минутъ, бродивъ долгое время по Смоленскому кладбищу, я присѣлъ на мшистой гробницѣ..... Рѣдѣлъ, терялся въ воздухѣ унылой звукъ вечерняго колокола; гасли, мелькали на пышныхъ обелискахъ гордыни и признательности, лучи закатающагося солнца; воцарялась тишина мертвая на поверхности обители вѣчнаго спокойствія — вдругъ между сводами могильными

раздалось пріятное пѣніе: я усугубилъ вниманіе, и звуки сдѣлались постепенно явственнѣе, прелестнѣе. Мужественный, звонкій голосъ славилъ Творца Вседержителя, и такъ пламенно, такъ трогательно, нѣжно и согласно съ моими тогда чувствами, что я невольнымъ образомъ соединилъ мольбы свои съ гимномъ незнакомца — и источникъ умиленныхъ слезъ облегчилъ душу мою! — голосъ не переставалъ, — подувшій вѣтерокъ далеко разносилъ сладкую гармонію по обширному царству смерти; я всталъ и съ нѣкоторымъ трепетомъ пошелъ искать его. Долго блуждая между безчисленными могильными буграми, нашелъ наконецъ у порога низенькой ветхой часовни стоящаго на колѣнахъ человѣка, одеждою похожаго на инока. Казалось онъ такъ былъ преданъ молитвѣ, что не примѣчалъ меня, а я не смѣлъ прервать его. Окончавъ пѣніе и не перемѣняя положенія своего, онъ спросилъ — „кто тутъ и что ну-

„жно? “ — „Прости, почтенный „мужъ, ошвѣчалъ я, что обезпо„коилъ тебя: я невольно привлеченъ „сюда звуками Божественнаго пѣнія „твоего. “ — „Ты ошибаешься, не„знакомецъ, я не священническаго зва„нія, сказалъ онъ, а бѣдный, сирый „слѣпецъ. “ — „Слѣпецъ! воскликнулъ я, слѣпецъ, а славишь Твор„ца съ такимъ чувствомъ, съ такою „правдою, съ какими рѣдко умѣютъ „величать созерцающіе Его во всемъ „Его блескѣ и лучезарной славѣ? — „Бѣденъ и сиръ — а благодаришь „Бога за блага, изливаемыя единственно на избранныхъ щастливцевъ? “ Ошвѣты незнакомца часъ отъ часу дѣлали его для меня любопытнѣе, увеличивали мое къ нему уваженіе и усугубляли участіе въ судьбѣ его. Я узналъ, что онъ живетъ у брата — нѣжнаго, добраго, благороднаго, и съ удовольствіемъ согласился проводить его въ ихъ хижину, находящуюся не въ дальнемъ разстояніи.

Вельможи! богачи! если хотите вы близъ пышной столицы видѣть сельскую простоту, въ кругу страстей, пороковъ и вражды — найти благословенный миръ, семейственное щастіе и невинность золотаго вѣка, если захотите отдохнуть глазами и сердцемъ — то приходите въ жилище Акима Воронкова, прикащика церковнаго старосты Смоленскаго кладбища. Здѣсь узнаете, что истинное щастіе состоитъ не въ почестяхъ, титлахъ и богатствѣ — но въ познаніи Бога, теплой Вѣрѣ, чистой совѣсти и трудолюбіи, что связи родства и дружбы — суть первыя блага на земли; узнаете Русское семейство ещё незараженное отравою призраковъ свѣта, еще сохранившее во всей силѣ отпечатокъ добродѣтелей нашихъ предковъ!

Акимъ женатъ и имѣетъ трехъ прекрасныхъ дѣтей. Андрей отъ младенчества слѣпъ. Акимъ наслаждается здоровьемъ, нерцѣненнымъ щастіемъ супруга, отца. Всевышній да-

ровалъ въ удѣлъ слѣпца несравненные таланты! прелестный голосъ, удивительную память, пламенное воображеніе и творческій духъ поэта.

Въ длинные осенніе и зимніе вечера, когда Акимъ возвращается съ дневной работы, обезпечивъ трудами своими благосостояніе родныхъ своихъ и милыхъ, а Андрей приходитъ изъ церкви отъ вечерни, гдѣ поетъ онъ на крылосѣ и управляетъ службою, когда сядутъ всѣ за длинный столъ, за кипящій самоваръ, то Андрей съ плѣнительнымъ краснорѣчіемъ начинаетъ повѣствовать какой нибудь случай изъ Священнаго Писанія. Я слышалъ, какъ разсказывалъ онъ Фараоново наказаніе и желалъ бы передать на бумагу піитическую картину слѣпца-живописца, картину той грозной ночи, когда Царь Египетскій, съ безчисленнымъ воинствомъ, въ волнахъ бурнаго моря — нашелъ смерть за ослушаніе Творцу вселенной; желалъ бы,

чтобъ Шебуевъ или Егоровъ (*) послушали Ворочкова, и съ подобною правдою, богатствомъ кисти ихъ изобразила сей хаосъ, сіе движеніе на днѣ морскомъ, представила Эоіоповъ съ яростію въ глазахъ и остервененіемъ въ сердцѣ — стремящихся на преслѣдованіе народа Божіяго, или поспѣшающихъ возвратишься при видѣ пѣнящихся водъ, изъдалече бѣгущихъ поглотишь ихъ; гнѣвъ, отчаяніе во взорахъ гордаго Фараона, рыскающаго посреди полчищъ своихъ на златой колесницѣ; спокойствіе и благородное величіе на лучезарномъ лицѣ и въ поступи Божественнаго Предводителя Израильтянъ — вдохновеннаго Моисея, смиренно шествующаго съ свѣтлымъ жезломъ въ толпѣ безчисленнаго народа. Слѣпецъ далъ бы имъ идею о небесныхъ краскахъ, дабы составишь столпъ, освѣщавшій путь однимъ и покрывающій непроницаемымъ мра-

(*) Отличные живописцы наши.

комъ другихъ; онъ далъ бы имъ краски, дабы изобразишь райское полчище Херувимовъ, ограждавшихъ дивный сполпъ сей.... Но въ минуту удовольствія и вниманія моего — вдругъ пораженъ я былъ горестною и, можетъ быть, странною мыслію; вообразилъ — не такъ ли предки наши провождали долгіе вечера свои: не бывъ знакомы съ твореніями древнихъ и новыхъ философовъ, твореніями пріятными, остроумными, но большею частію произведенными страстями и обстоятельствами — они занимались единственно чтеніемъ и толкованіемъ книгъ Священнаго Писанія. Изъ нихъ почерпали они правила и долгъ человѣка и гражданина, научались судишь, говоришь и дѣлашь праведно, по чести и совѣсти; изъ нихъ извлекали они тѣ великія истины, коими дышутъ письмена Ветхаго и Новаго Завѣта; въ нихъ видѣли они исторію свѣта и человѣка! — Сдѣлалъ ли Петръ Великій, вопрошалъ я себя, добро Россіи, позна-

комивъ насъ съ Европейскимъ просвѣщеніемъ? — Конечно сдѣлалъ, но мы умѣли, какъ и прочіе, выгоды и цѣль просвѣщенія превратить въ забавы: превратить нравственныя театральныя представленія въ пріятныя зрѣлища, употребить умѣніе свободно писать — въ обязанность провозглашать похвалы сильнымъ и случайнымъ, извинять человѣческія слабости и страсти, предаваться пустымъ, соблазнительнымъ умствованіямъ! — Мы увидѣли пороки и заблужденія чужеземцевъ, не для того чтобъ чуждаться ими, страшиться ихъ — но чтобъ безстыдно подражать и гордиться оными ..... (Удались, оставь меня, печальная мысль: станемъ надѣяться, станемъ стремиться быть лучшими нашихъ непросвѣщенныхъ предковъ и обратимся къ доброму семейству.)

Иногда, какъ щастливая чета займётся вечеромъ какимъ нибудь домашнимъ рукодѣліемъ, Андрей, какъ вдохновенный Бардъ поетъ имъ гимны

своего творенія. Я слышалъ его поющимъ — и былъ восхищенъ гармоніею, мыслями, выраженіями! насилу упросилъ я его продиктовать мнѣ два слѣдующіе гимна, дабы познакомить соотечественниковъ съ талантомъ природнаго Поэта:

I.

Гимнъ Слѣпца.

Природы я не созерцаю
Величественнѣйшихъ красотъ,
И время жизни провождаю,
Какъ въ мрачный заключенный сводъ.

* * *

Не зрю картины Свѣта лестной,
Но на предѣлъ сей не ропщу:
Я Вѣры внемлю гласъ небесной —
И въ немъ отрады лишь ищу.

* * *

Есть Богъ, нещастій окончанье,
Такъ разумъ мой вѣщаетъ мнѣ:

Твое не тщетно упованье —
Награду въ Небѣ дастъ тебѣ.

* * *

Его недремлющее Око
Въ единый взоръ объемлетъ все:
Онъ зритъ и ада дно глубоко,
Какъ тѣнь слѣдящу видитъ кто;

* * *

Даетъ судебъ опредѣленье
Единой мудростью своей,
Твое Онъ видитъ злоключенье,
Твое страданье въ жизни сей.

* * *

Числомъ и мѣрой полагаетъ
Навѣки каждому предѣлъ,
Никто напрасно не страдаетъ,
Лишь месть пріемлетъ своихъ дѣлъ.

* * *

О Ты! сидящій на престолѣ,
Свѣтлѣйшій зримыхъ всѣхъ свѣтилъ,
Твоей покорствуюсь я волѣ,
Единый, вѣчный Боже силъ! —

Я мню, что ты кого караешь
Не съ тѣмъ, что хочешь зла тому;
Но лишь премудро исправляешь,
Порокъ познать свой давъ ему.

* * *

Такъ я всечасно воображаю,
Что жребій сей мнѣ данъ Тобой:
Его блаженствомъ почитаю,
Коль сей спасешь меня судьбой.

* * *

Сокрывши зрѣніе тѣлесно,
Сокрылъ и страсти сердцу лесть;
Пусть сладость міра мнѣ безвѣстна,
И слава вся его и честь;

* * *

Но Ты, Творецъ, лишь будь со мною,
И бремя легко несть съ Тобой:
Щастливъ когда смиренъ тобою
И благъ законъ мнѣ будетъ Твой.

* * *

Надежду твердую полагаю
Въ Небесномъ Царствѣ зрѣть тебя;

Ты правосуденъ — уповаю
И мзду воздашь достойну мнѣ.

II.

Къ новому 1818 году,

Акростихъ на слова: *благослови вѣнецъ лѣта благости твоея, Господи.*

Бѣжишь, паря на колесницѣ,
Летящій съ неба новый годъ,
А съ нимъ небесъ, свѣтилъ царицы
Господъ въ поля лазурны входъ. . . .

* * *

Одеждъ его лишь мракъ коснулся,
Съ угрюмымъ въ бездну палъ челомъ,
Лучь свѣта зрю, Морфей проснулся
Отъ ложа съ маковымъ вѣнкомъ.

* * *

Въ златой каймѣ Востокъ алѣлся
И свѣтлымъ пурпуромъ блистналъ:
Въ срединѣ тронъ царицы рдѣлся,
Янтарны вкругъ огни бросалъ.

Надъ нимъ все небо пламенѣетъ —
Его изпещрено огнёмъ;
Царицы въ слѣдъ отрада веетъ
Лазурь и золото кругомъ! —

* * *

Ея стопамъ заря готовитъ
Тропу на пышный славы тронъ;
А радуга колонны строитъ,
Бросая блескъ со всѣхъ сторонъ.

* * *

Лишь кончились приготовленья —
Адама древнѣе грядетъ,
Грядетъ вселенной вожделѣнье
Отъ трона смертнымъ даши свѣтъ.

* * *

Сидя во огненной порфирѣ
Течетъ, гора по небесамъ,
И жизнь даетъ повсюду въ мірѣ —
Теплomъ — и сушѣ и морямъ.

* * *

Въ немъ благость зрится безпримѣрна
О насъ пекущася Отца.

Его любя не лицемѣрно
Явимъ предъ Нимъ, какъ свѣтъ, сердца.

* * *

Годъ новой паки начиная,
Отъ устъ хвалу Творцу возшлёмъ.
Смиренно длани простирая,
Предъ нимъ молясь, токъ слёзъ прольемъ.

* * *

О! благости Податель, Боже,
Да скажетъ нынѣ всякъ изъ насъ:
Изъ нѣдръ земли плоды умножи,
Рабовъ внемли, Владыко! гласъ.

Послѣднее стихотвореніе, кромѣ изобилія и изящества мыслей, содержитъ еще новое достоинство для слѣпца-поэта — преодолѣніе затрудненій акростиха.

Бываетъ не рѣдко, что Акимъ по вечерамъ беретъ перо и пишетъ по диктанту слѣпца: такимъ образомъ

Андрей сочинилъ четыре проповѣди: 1) на день Ильи-Пророка, 2) на Рождество Богородицы, 3) въ Память Алексѣя Божіяго человѣка, и 4) на праздникъ Преображенія Господня. Онѣ были одобрены и говорены проповѣдниками въ церквахъ. Кромѣ сего Андрей сочинилъ канонъ Воскресной, канонъ Мученику Андрею со всею принадлежностію для службы, также службу на день Симеона Дивногорца и нѣсколько замысловатыхъ романическихъ произведеній. Наконецъ божественныя слова Свящаго Іоанна Дамаскина: „Воз„дамъ Господеви о сихъ яже воздаде „намъ, насъ бо ради Богъ вочеловѣцехъ, „за истлѣвшее естество слово плоть „бысть и вселися въ ны; къ неблаго„дарнымъ благодѣтель; къ плѣннымъ „свободитель; коиже во тмѣ спящемъ „солнце правды, на крестѣ безспра„стный; въ адѣ свѣтъ, въ гробѣ жи„вотъ; воскресеніе падшимъ ради,“ и проч. такъ поразили и плѣнили вообра-

женіе слѣпца поэта, что онъ сочинилъ изъ нихъ планъ для общирной Поэмы — Возвращенный рай, для Поэмы чрезвычайно трудной и по содержанію своему и по соперничеству. Андрей находитъ Мильтоново твореніе недостаточнымъ и даже отдаленнымъ отъ духа Религіи. Уже шесть пѣсней имъ кончены; по нещастію, онъ пишетъ ее прозою, отъ чего, конечно, потеряетъ много сіе сочиненіе, ибо Поэма требуетъ гармоніи, языка боговъ — тѣмъ паче столь высокій предметъ, столь отвлеченныя картины; не смотря на то въ твореніи Воронкова есть мѣста истинно піитическія, превосходныя! мысли новыя, вдохновенныя!

Выпишемъ для примѣра нѣсколько словъ изъ первой пѣсни, начинающейся описаніемъ ада: „Гдѣ царствуетъ „вѣчная тьма, куда не проникаетъ ра„дость, гдѣ мрачная скука съ отчая„ніемъ, какъ ужасныя бури, попере„мѣнно свирѣпствуютъ, гдѣ повто„ряется собственный гласъ, проис-

„ ходящій отъ угрызенія совѣсти. “ —
Описывая златый вѣкъ Патріарховъ, говоритъ: „ Нравы управлялись непо-
„ рочною совѣстію и народы составля-
„ ли одно семейство; дружество было
„ безъ лицемѣрія, достоинства безъ
„ зависти, кротость безъ притвор-
„ ства, услуга не требовала награды,
„ а благодѣянія благодарности. Люди
„ не знали страха, по тому что ограж-
„ ждались невинностію; не чувствова-
„ ли человѣческой власти, ибо не вѣда-
„ ли отравы славолюбія и стяжанія бо-
„ гатствъ; не имѣли другаго закона,
„ кромѣ закона естественнаго, коего
„ раго чинъ и порядокъ и донынѣ сохра-
„ няется ненарушимо въ Природѣ, “
и проч.

Царь ада, опровергая извѣстіе объ Энохѣ, вѣщаетъ: „ человѣкъ не за-
„ ключаетъ въ себѣ ничего духовнаго
„ — онъ земля и ея произведеніе. Если
„ и примѣшенъ въ немъ духъ жизни,
„ то это тоже движеніе стихіи, ко-

„ имъ колеблются высокія пальмы и
„ плещется синій понтъ.“

При описаніи Понтопа изъясняется такъ: „ Природа лишившись красотъ
„ своихъ представлялась въ безпорядкѣ
„ и униженіи, блистательныя тѣла
„ небесъ не изливали дѣйствія на оскор-
„ бленную землю; но избранный Бо-
„ гомъ странникъ одинъ, среди разъя-
„ ренныхъ безднъ безъ ужаса продол-
„ жалъ свое путешествіе.“ — Далѣе:
„ Въ одно время, какъ духъ жизни но-
„ сился надъ горизонтомъ и тонкій
„ вѣтерокъ началъ просушать обезо-
„ браженное жилище человѣка, въ ту
„ минуту, какъ праведникъ возсылалъ
„ съ усерднымъ куреніемъ жертву бла-
„ годарности высочайшему Существу,
„ грѣхъ и алчная смерть паки возвра-
„ тились на землю.“

Чаще всего Акимъ читаетъ по вечерамъ книги, и съ такою охотою бываетъ слушаемъ братомъ и женою, что не рѣдко просиживаютъ они за сею

пріятною забавою до полуночи и долѣе. Мудрено повѣрить, что слѣпецъ помнитъ не только подробное содержаніе безчисленнаго числа книгъ ими прочитанныхъ, но слово въ слово лучшія изъ нихъ мѣста. Такимъ образомъ знаетъ онъ наизусть Евангеліе, всѣ возможныя службы и праздники Святыхъ, и въ своихъ сочиненіяхъ съ большою легкостію и приличіемъ помѣщаетъ тексты изъ Священнаго Писанія.

Теперь познакомлю съ біографіею добрыхъ братьевъ Воронковыхъ. Они дѣти Ржевскаго купца Ивана Ѳедорова, сперва довольно зажиточнаго, но потомъ лишившагося всего своего имущества отъ пожара, превратившаго въ пепелъ большую часть города въ 1784 году. Три раза Иванъ Ѳедоровъ съ семействомъ своимъ отлучался изъ отечественнаго города своего въ другіе сосѣдственные и въ Петербургъ, на жительство, и пріобрѣвъ малѣйшее достояніе возвращался на милую родину свою. Будучи человѣкъ богобоязли-

вой и честной, онъ старался поселить въ дѣтяхъ своихъ любовь къ Творцу, къ ближнему и трудолюбію, какъ къ первымъ источникамъ человѣческаго щастія. Съ симъ единственнымъ наслѣдствомъ добрые родители оставили юныхъ сиротъ своихъ на распутіи нуждъ и бурь Свѣта, не имѣя даже удовольствія видѣть Акима, подпору семейства, единственнаго питателя слѣпова брата своего, пристроеннымъ къ мѣсту, имѣющимъ вѣрное пропитаніе .... но добрый сынъ и братъ скоро трудолюбіемъ, проворствомъ и честностію снискалъ не только безбѣдное содержаніе, но пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ его знающихъ. Онъ имѣетъ теперь мѣсто прикащика старосты Смоленскаго кладбища и исправляетъ должность сію съ примѣрнымъ раченіемъ и честностію, честностію, которую можно бы было поставить въ примѣръ многимъ получающимъ жалованье .... Кромѣ того исправляетъ онъ должность Десятска-

го на пеньковомъ буянѣ, которую наслѣдовалъ послѣ дяди своего и также исполняетъ съ отличіемъ предъ другими. — Разсматривая книги и щепы, ведомые Воронковымъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ необыкновенную акуратность, порядокъ и чистоту, и пожалѣлъ, что онъ не имѣетъ употребленія достойнаго своихъ способностей.

Наконецъ, добрый братъ сей, готовъ пожертвовать всемъ своимъ достояніемъ для излеченія слѣпца. Одинъ изъ искусныхъ (а потому весьма и дорогихъ) операторовъ надѣется возвратить Андрею зрѣніе по крайней мѣрѣ однимъ глазомъ. Эта мысль приводитъ въ восхищеніе Акима, и я боюсь, чтобъ пламенная братская любовь не завлекла его далеко, не разстроила бы благосостояніе его семейства, коимъ онъ готовъ пожертвовать, готовъ пожертвовать всемъ на свѣтѣ для своего брата. Недостатокъ не есть порокъ, а потому, надѣюсь, что че-

сшной Акимъ не обидится, если кто нибудь изъ благотворителей поможетъ ему въ совершеніи столь добраго дѣла — въ пособіи заплатишь Окулисту за возвращеніе зрѣнія Слѣпцу-Поэту.

СИБИРЯКОВЪ,

природный Стихотворецъ.

Нравственный міръ имѣетъ не менѣе феноменовъ, чѣмъ физическій; чудеса его не менѣе представятся поразительными, когда замѣчаемы и описываемы съ одинаковымъ наблюденіемъ. Если Геній можетъ усовершенствоваться общественными постановленіями, то природѣ, единой природѣ, обязанъ онъ бываетъ своею силою. Онъ не принадлежитъ ни вѣку, ни странѣ, ни сословію. Онъ независимъ подобно власти — его сотворившей; и какъ алмазъ, кроющійся въ нѣдрахъ безмолвныхъ пещеръ — требуетъ единственно искусной руки для того, чтобъ получить блескъ свой и цѣну.

Благодаря любезнаго В. А. О... имѣю удовольствіе познакомить отечествен-

ную Публику съ новымъ Русскимъ феноменомъ, могу подарить обществу новаго члена, заслуживающаго дарованіями своими общаго содѣйствія къ усовершенствованію ихъ и обращенію на пользу общую.

Г. О... сообщилъ мнѣ многіе опыты Музы молодаго Рязанскаго Стихотворца П. С. Сибирякова и нѣкоторыя подробности его жизни. Естьли сіи послѣднія не заключаютъ въ себѣ ничего отличнаго замѣчательнаго, то по крайней мѣрѣ я думаю, что также пріятно имѣть понятіе о неизвѣстномъ Авторѣ, какъ, читая путешествіе по отдаленнымъ краямъ, видѣть приложенную каршину живописнаго мѣста. Щастливыя дарованія Сибирякова обращаютъ на себя еще особенное вниманіе каждаго потому, что онѣ возродились и созрѣваютъ въ такомъ состояніи, въ какомъ, какъ иностранцы полагаютъ, естьли природа и произвела что либо отличное, то одно положеніе достаточно убить,

искоренишь—Сибиряковъ господскій человѣкъ и принадлежитъ Г. М-ву. Честь и хвала Г. М-ву, умѣвшему пищать и поощрять способности молодаго питомца Музъ. Станемъ надѣяться, что благородный помѣщикъ сей, идя по слѣдамъ Владѣльцевъ Рокошова, Калашникова и другихъ, которые отклонивъ себя-любіе дали имъ свободу и тѣмъ открыли имъ большіе способы для усовершенствованія своихъ дарованій и большій кругъ для содѣлыванія себя полезными обществу, что онъ по примѣру ихъ впишется въ число друзей человѣчества.

Оставимъ въ сторону объясненіе перехожденія Сибирякова отъ Г. Пва къ Г. Мву, коему достался онъ въ приданое за дочерью его; оставимъ всѣ другія обстоятельства и обратимъ вниманіе единственно на врожденный талантъ его. Сибиряковъ обучался въ Москвѣ въ народномъ Училищѣ Ариѳметикѣ, Грамматикѣ и Катихизису. Съ самаго малолѣтства, имѣлъ уже онъ непреодо-

лимую охоту къ чтенію, и, не смотря на законъ знаменитаго Философа Гельвеція, утверждавшаго, что всѣ люди родятся съ одинаковыми способностями и въ дѣтствѣ имѣютъ одну страсть къ игрушкамъ — книги предпочиталъ онъ всѣмъ забавамъ, выманивалъ и покупалъ изорванные печатные лоскушки и листки газетъ и журналовъ у товарищей своихъ и сохранялъ ихъ съ величайшимъ тщаніемъ. И когда библіотека его украсилась томомъ Аонидъ, то онъ гордился ею и не могъ на нея насмотрѣться. Но внезапная утрата сего сокровища, сей жемчужины его книгохранилища — крайне его опечалила; онъ подозрѣвалъ всякаго въ похищеніи, и грустилъ до тѣхъ поръ, пока не замѣнилось первое мѣсто въ шкапу его спискомъ Бѣдной Лизы, Карамзина. Въ училищѣ пробылъ онъ четыре года, и, за прилѣжаніе, на экзаменахъ получилъ три книжки. Послѣ сего на 14мъ году отданъ былъ въ ученье Кандиперству. Здѣсь не взирая на без-

численныя хлопоты и трудную работу, не смотря на насмѣшки товарищей, упреки и взысканія старшихъ, онъ занимался наединѣ чтеніемъ собранныхъ листковъ своихъ. Но лишь только юное сердце его начало чувствовать, лишь только душевныя способности начинали развертываться — какъ Поэзія заняла всѣ его чувства, произвела въ немъ необоримую страсть къ сочиненію стиховъ. Къ нещастію, не только не имѣлъ онъ руководителя къ показанію ему настоящей стези на семъ новомъ поприщѣ; но рѣдко имѣлъ даже случай читать хорошую Поэзію, а въ Одахъ и Посланіяхъ, попадавшихся ему въ листахъ обреченныхъ для бисквишовъ — не могъ обрѣсти онъ истинной гармоніи — не могъ образовать вкуса своего и дарованій. Со всѣмъ тѣмъ природа надѣлила его способностію чувствовать изящное; истинно прекрасное электрическою искрою — пролетало по всему составу его, потрясало душу его и существованіе. Какимъ

760552 A

блаженствомъ почиталъ пылкій юноша, когда опрося-вшись къ барину — могъ бѣжать къ Симонову монастырю и съ бѣдною Лизою въ рукахъ предаваться сладостнымъ мечтаніямъ романическаго воображенія. Вотъ свидѣтельство, что любимецъ Аполлона, употребляя небесный даръ свой на прославленіе добродѣтели, на представленіе въ блескѣ достоинствъ и нравственности — можетъ почесться первымъ благодѣтелемъ рода человѣческаго: юное сердце принимающее первыя впечатлѣнія, подобно распускающемуся цвѣтку, который глотаетъ съ жадностію весеннюю росу, не рѣдко бываетъ обязано ему основаніемъ своихъ правилъ и души. Горе вамъ!..... Вольтеры, Дидероны. —

..... А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ бы онъ васъ не освѣ-
тило бѣдъ.

Твореній вашихъ ядъ не только не сла-
бѣетъ,

Но разливаяся вѣкъ онъ вѣку любѣетъ.

(Крыловъ.)

Весьма замѣчательно, что Театральныя представленія сильно дѣйствуютъ на юную, нѣжную душу и подобно электрическому проводнику оживляютъ ея способности. Сибиряковъ былъ введенъ однажды братомъ своимъ, декораціоннымъ живописцемъ, въ Нѣмецкій Театръ. Хотя онъ не понималъ языка, но игра Штейнберга, сіе живое представленіе страстей человѣческихъ — обворожила его, онъ сдѣлался страстнымъ къ Театру. По случаю досталъ онъ потомъ комедію Братомъ проданная сестра, и затвердилъ роль Честона; послѣ сего вскорѣ удалось быть ему нѣсколько разъ на Петровскомъ Театрѣ, гдѣ болѣе и болѣе получалъ вкусъ къ Драматическимъ представленіямъ. На 17мъ году разстался Сибиряковъ съ Москвою и прибылъ въ Рязань, гдѣ господинъ его былъ Директоромъ Театра. Благопріятный случай сей много содѣйство-

валъ къ удовлетворенію страсти его. На Рязанской сценѣ Сибиряковъ раскрылъ свои дарованія и принесъ много удовольствія Публикѣ. Тутъ началъ онъ и риѳмотворствовать, но не зная размѣра и правилъ Поэзіи, подражалъ лишь единой гармоніи слуха.

Въ 1812мъ году достався Г. М. отправился онъ съ нимъ въ походъ и былъ въ Польшѣ, Силезіи, Саксоніи, Прусіи, Богеміи и Голштиніи. Безпрестанныя занятія хлопотной должности, ибо онъ во весь походъ одинъ находился при баринѣ своемъ, который былъ полковымъ Командиромъ, могли бы истребить Поэзію и стихи изъ головы всякаго другаго, но Сибиряковъ и въ шумѣ заботъ и при громѣ пушекъ думалъ только объ одной Поэзіи; она одна занимала, питала и веселила его душу. Написанные имъ стихи на нѣкоторые блистательные подвиги Россійскаго воинства пріобрѣли ему всеобщее благоволеніе и отличіе, а прекрасный Польскій на вступленіе въ

Дрезденъ и замысловатая драма на интригу одного молодаго Офицера съ хозяйскою дочерью — открыли щастливыя его дарованія, и многіе почтенные Генералы готовы были содѣйствовать его благополучію и дѣлали выгодныя предложенія господину его на щетъ его отпуска на волю. Сверьхъ того молодой человѣкъ, пылая страстію къ просвѣщенію, немногія минуты отдыха и самую ночь посвящалъ на изученіе Нѣмецкаго языка. Въ Неймюнстерѣ нанималъ онъ для сего сына городскаго учителя, платя ему по червонцу въ недѣлю. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже могъ онъ изрядно объясняться на языкѣ семъ, что заставило еще болѣе отличать его всѣхъ и самыми жителями былъ чрезвычайно ласкаемъ. Въ Германіи многіе ему предлагали неоднократно способы остаться въ ихъ семействахъ; но любовь къ отчизнѣ, сія сильная, необыкновенная добродѣтель Русскихъ — была причиною, что всѣ соблазны къ свободѣ — не имѣли на него

ни какого дѣйствія. Наконецъ возвратился онъ съ господиномъ своимъ въ Отечество и вновь предался своей страсти къ стихотворству и Театру. Неусыпнымъ стараніемъ, безъ посторонняго руководства — познакомился онъ съ Просодіею, узналъ сочетаніе риѳмъ, первыя правила Поэзіи, и вотъ опыты его Музы, заставляющіе много, весьма много надѣяться отъ его шаланша и охоты.

Отрывки изъ Баллады: *Всемила и Милонъ*, подражаніе размѣру стиховъ Гна. Жуковскаго.

I.

Склонялся къ ночи Майской день
И солнце закатилось,
Просперлась въ долы черна тѣнь
И небо помрачилось.
Скрывались птицы всѣ въ кустахъ
Не слышно оныхъ пѣнье;
Лишь только съ шумомъ на древахъ
Отъ вѣтра листъ въ движеньи

И ясный день совсѣмъ исчезъ
Вдругъ тучи набѣжали,
Дотолѣ ясну твердь небесъ
Собою покрывали.

II.

Ужасно сильный вѣтръ ревелъ
Въ поляхъ, лѣсахъ, вершинахъ.
Громъ, стрaшно вдалекѣ гремѣлъ
И вторился въ долинахъ.
Стекались черны облака
И буря поднималась
И молнія издалека
Змѣями извивалась
Свирѣпый вихрь крутилъ, свистaлъ
И всѣхъ стрaшилъ собою
Въ столбахъ до облакъ достигалъ
Мешая листъ съ землею.

III.

(Милонъ въ саду.)

Тамъ къ древу прислонясь стоишь,
Въ разсѣяньи глубокомъ
Въ душѣ его огонь горитъ,
А въ сердцѣ — ядъ жестокой

О громъ не дай убійцей быть
Сразя, молю, стрѣлою
Могу ли жизнь еще сносить
Съ растерзанной душою
Ужасна бѣдность; но стократъ
Презрѣнье тяжелѣе;
Съ нимъ жизнь не благо — Адъ
И онаго страшнѣе.

Отрывокъ изъ Посланія къ Н... Ал... Сл...
первый опытъ вольными стихами.

. . . . . .

Примите Музы въ даръ часть жизни вы моей,
Но только въ часъ лишь сей
Словамъ моимъ пріятность всю придайте
Любовь, почтеніе и чувства выражайте
Пусть звуки лиры пленной
Проникнутъ въ грудь моей безцѣнной
Ко мнѣ пусть жалость ощутитъ
И чувства всѣ мои нелестны
Пусть будутъ ей всегда извѣстны.

Пусть жаръ любви моей цѣнитъ.
Гордись народовъ просвѣститель
Великой мудростью своей,
Тобой славна — Твоя обитель
А я — я въ хижинѣ моей
Ученьемъ свѣтъ не просвѣщаю,
Вѣнка изъ лавровъ — не желаю
И славой громкой не горжусь;
Объ милой страсти лишь мечтаю
И быть любимымъ Ниной льщусь.
Пускай трудовъ твоихъ въ награду
Воздвигнутъ гордый обелискъ
Въ надгробьи скажутъ: былъ великъ.
А я — и то почту въ отраду
Коль скажутъ мнѣ — кому былъ милъ:
„ Онъ въ юности мечтами жилъ,
„ Полезнымъ ближнимъ быть стара-
лся,
„ Красой природы восхищался
„ И милыхъ съ Музами любилъ. “
. . . . . .

Стихи для Польскаго.

На вступленіе въ городъ Дрезденъ Россійскихъ войскъ подъ командою Графа Толстаго.

1813го года, Октября дня.

Храбры Россы довершайте,
Галловъ – гибельный конецъ!
И въ награду ожидайте —
Вы безсмертія вѣнецъ!

Славься симъ Монархъ любимый!
Славься, славься — Александръ!

Россіянинъ возгордился,
Громкой славою побѣдъ;
Звуки оной раздалися,
Удивляютъ цѣлой Свѣтъ!

Славься симъ Монархъ любимый!
Славься мудрый Александръ!

Вотъ и Дрезденъ покорился,
Храбрымъ Сѣвернымъ Орламъ!
Въ немъ злодѣй — хотъ укрѣпился
Но не могъ быть дольше тамъ.

Славься симъ Монархъ любимый!
Славься, славься, Александръ!

Лейпцигъ также прославляетъ
Избавителей своихъ;
Храбрость Россовъ всякой знаетъ,
Зря побѣды всюду ихъ!

Славься симъ Монархъ любимый!
Повелитель грозныхъ силъ.

Ужъ едваль Саксонцы будутъ,
Съ нами длить еще войну;
Съ Франціей союзъ забудутъ,
Ихъ Король у насъ въ плѣну!

Славься симъ Монархъ любимый!
Славься, славься Александръ!

Бывшій ужасомъ Вселенной,
Сколько лѣтъ — Наполеонъ!
Нынѣ Россомъ побѣжденный,
Ни кому не страшенъ онъ.

Славься симъ Монархъ всечтимый!
Всюду промыслъ надъ Тобой!

Славься Галловъ побѣдитель!
Поселившій ужасъ въ нихъ;
Всей Европы — Ты спаситель,
Подданныхъ Отецъ своихъ!

Славься симъ Монархъ любимый!
Нашъ Великій Александръ!

Слава дѣлъ Твоихъ промчится,
До конца, дальнѣйшихъ странъ.
Александръ! — Тобой хранится,
Геній щастья Россіянъ!

Славься симъ Монархъ любимый!
Нѣжный подданныхъ Отецъ!

Храбры Россы довершайте,
Галловъ гибельный конецъ!
И въ награду ожидайте,
Вы — безсмертія вѣнецъ.

Славься симъ Монархъ любимый!
Славься, славься Александръ!

Довершайте подвигъ славный!
Вамъ — ни въ чемъ преграды нѣтъ;
Дайте миръ давно желанный,
Успокойте цѣлый свѣтъ!

Славься симъ Монархъ лыбимый!
Славься, славься Александръ!

БАСНЯ

Отвѣтъ канарейки.

„ И мы поемъ, “
Кричала муха съ комаромъ;
А канарейка имъ въ отвѣтъ
Сказала: „ спору нѣтъ;
И вы какъ можете-жужжите,
Да разница лишь въ томъ,
Что пѣніемъ такимъ, вы только что смѣшите,
И вмѣсто похвалы — самихъ себя стыдите. “
Пѣвцы! товарищи! отмстите!

Надписи къ портретамъ.

И. . И... Д...

Правдивый судія — Вельможа всѣми чтимый,
Пѣвецъ щастливѣйшій и Музами любимый.

Безсмысловъ! ты Поэтъ? о горе! горе намъ!

Вошъ новый врагъ уму, и сердцу, и — ушамъ.

Надгробія

Его Свѣтлости Кн. М. Л. Кутузову Смоленскому.

Смоленскаго здѣсь прахъ почтенньйшій лежитъ!
О Россы! кто его слезою не почтитъ?
Онъ спасъ Россію всю, и гибельныхъ враговъ
Со славою разилъ, до Реинскихъ береговъ;
Но вдругъ среди торжествъ, среди восклицановеній!
Герой кончаетъ дни, скрывается нашъ Геній.
Увялъ зеленый лавръ! и долу преклоненъ,
Россъ смертію его, въ скорбь мрачну погруженъ,
Мечтаетъ: кто теперь сопрахъ въ Галловъ поселитъ?

Ахъ! кто Отечеству потерю замѣнитъ?
Въ слезахъ всѣ воины — самъ Царь —
Россія вся въ слезахъ!
Желаютъ, чтобъ Герой блаженъ былъ
въ Небесахъ.

М. Н М . . . . .

Ты обожаема была своимъ супругомъ;
Роднымъ — была ты нѣжнымъ другомъ;
Въ родительской любви тебѣ подобныхъ нѣтъ.
Почтожь оставила сей свѣтъ?

Над . . . . П . . . Ив . . . .

Покойся прахъ, столь сердцу драгоцѣнный!
Пускай Творецъ всея вселенны —
Твой примешъ съ миромъ кроткій духъ —
Пусть къ лику Ангеловъ причтишься,
И Бога видѣть насладишься.
О томъ молюсь — твой нѣжный другъ!

Стишки въ Альбомъ На... А... С...вой на день ея рожденія.

Годъ еще тебѣ свершился;
Стала ты спокрашъ милѣй!
Нина! рай души моей —
Кшобъ тобою не плѣнился?

* * *

День рожденья — нову радосшь
Пусшь съ собою принесешъ, —
Пусшь вся жизнь швоя пройдешъ
Какъ цвѣшуща, нѣжна младосшь!

* * *

Не спрашись — чшо поглошила, —
Вѣчносшь — жизни годъ швоей —
Знашь сердца другихъ людей —
Сердцу — опышносшь ошкрыла!

* * *

Будь добра — и будешь вѣрно
Ты — любимой ошо всѣхъ;
Чши въ любви конецъ ушѣхъ,
Но — не жершвуй ей чрезмѣрно!

Съ милымъ родосши милѣе
Съ нимъ вся жизнь — какъ рай земной!
Но — въ супружествѣ судьбой
Быть нещастной — всѣхъ жалчѣе.

* * *

Нѣтъ въ тріумфахъ наслажденья!
Знатность тщетна и скользка! —
Быть не льстися велика,
И въ звѣздахъ томятъ мученья!

* * *

Бриліанты всѣхъ прельщаютъ!
Но спокойство есть ли въ нихъ?
Часто въ утваряхъ такихъ
Насъ нещастнѣе бываютъ!

* * *

Что Владыкъ земныхъ забавы —
Противъ щастья двухъ сердецъ?
Поцѣлуй для нихъ — вѣнецъ!
Милый взглядъ — сіянье славы!

* * *

Добродѣтель долгъ священный!
Помни — съ жизнію своей;

Быть что можетъ ли свящѣй
Какъ бѣднякъ — тобой спасенный?

* * *

Не спрашись, — что скорошечно
Юность дней твоихъ лешишъ!
Кто добро другимъ творишъ —
Тотъ любимымъ будешъ вѣчно!!! —

* * *

Пусть съ минуты сей хранится
Небесами — твой покой;
Пусть совѣшь нелесшный мой;
Быть тебѣ пріятнымъ льстишся.

* * *

Такъ какъ ясна твердь Небесна!
Такъ пишу безъ лести я —
Пусшь безцѣнная моя!
Будешъ вѣчно такъ прелестна.

* * *

Тотъ — въ чью грудь ты страсть влила
Вѣкъ твердишь не перестанешъ:
„ Красота души не вянетъ,
„ Вѣчно будешь ты мила. “

Совѣтъ на выборъ жениха А... И...

Вотъ совѣтъ тебѣ нелесшной —
Ангелъ — сердца моего!
Жишь одною въ поднебесной
Нѣшъ скучнѣе ничего! —

* * *

Но и друга выбрашь шрудно —
Друга — вѣкъ съ которымъ жишь;
Имъ лишь Небо правосудно
Насъ здѣсь можетъ наградишь!

* * *

Жизнь съ любезнымъ наслажденье!
Вся природа съ нимъ милѣй;
Жизнь съ посшылымъ — ахъ! мученье;
И оправа нашихъ дней! —

* * *

Я видалъ — какъ ядовишы
Слезы — сушашъ милыхъ грудь;
О мой другъ — сердца сокрышы;
Осшорожна съ ними будь!

* * *

Всей душой тебѣ желаю —
Въ миломъ щасшіе найшишь;

Но прошу и — убѣждаю
Все узнать и — не спѣшить.

* * *

Быть чему — то не минуетъ
Жребій насъ — не обойдетъ;
Пылкой юноша — рискуетъ
Но потомъ и слезы льетъ...

* * *

Такъ на чтоже и стараться
Горе намъ предупреждать?
Не узнавъ всего — рѣшаться —
И чужимъ словамъ внимать.

* * *

Вотъ совѣтъ тебѣ отъ друга,
Не прими за лесть его!
Выбрать — добраго супруга
Ахъ! почти труднѣй всего!

Ошибка цвѣтка.

(басня.)

Простой цвѣточикъ, василёкъ,
Вплетенъ былъ съ розами въ вѣнокъ,

И Нины на главѣ явился;
Ахъ! какъ онъ щастьемъ симъ гордился—
Плѣнялся даже самъ собой;
Но бѣдненькой не зналъ, что Нины красотой
И онъ и розы украшались;
Что щастьемъ всѣ ласкались —
Лишь только вспрѣнялъ взоръ драгой!
Такъ могъ ли василёкъ украсить несравненну?
О Нина! льзяль и мнѣ быть столькожь дерзновенну,
Чтобъ думать о любви твоей!
И лирой нравиться своей?

Надпись къ портрету.

Герой! вельможа! Музъ любитель!
Отецъ достойныхъ чадъ — и щастливый супругъ!
Друзьямъ нелестный другъ,
Нещастныхъ сирыхъ — утѣшитель!

И такъ, милостивые государи господа иностранцы, не климатъ, не хо-

лодъ, не различіе классовъ притупляютъ способности ума и дарованія въ Россіи; Ломоносовы, Кулибины, Гантошкины доказали, что природа также щедра къ намъ, какъ и ковсѣмъ другимъ, что Геній Поэзіи, Механики, гармоніи — столько же нечуждъ Рускому просшолюдиму какъ и обишашелю благорасшвореннаго климаша; но есшь другая причина, причина исшинная, пагубная, коиорая единсшвенно бросаешъ шѣнь на благо учиненное Россіи знаменишымъ Преобразовашелемъ ея Пеiпромъ Великимъ. „Имя хорошаго Авшора“, пишешъ почшенный Исшоріографъ нашъ Н. М. Карамзинъ, (прибавимъ — Докшора, Живописца, Ваяшеля, Механика, Химика и проч. проч.) „еще не имѣешъ „для насъ шакой цѣны, какъ въ дру„гихъ земляхъ; надобно при случаѣ „объявишь другое право на улыбку „вѣжливосши и ласки.“ И достиженіе къ праву сему есшь, увы! у насъ главная пагуба, злѣйшій врагъ для шалан-

товъ! образованіе дарованій требуетъ занятій постоянныхъ, уединенія часто скучнаго; а чины и отличія пріобрѣтаются не рѣдко на балахъ и въ пріятной праздности!

Пусть возметъ, любезный Сибиряковъ въ примѣръ себѣ славнаго Кулибина нашего, который не промѣнявъ бороды своей на предлагаемые чины и шишлы, усугубилъ тѣмъ уваженіе Великой Екатерины, и заслужилъ имя въ Словарѣ избранныхъ знаменитыхъ Россіянъ!

НѢЧТО О ЯКОВЛЕВѢ,

славномъ Россійскомъ Трагикѣ.

Знаменитый человѣкъ не менѣе интересенъ въ частной жизни своей, какъ и на поприщѣ славы; не рѣдко великія дѣянія его и заблужденія объясняются случаями, въ кругу его семейства происшедшими; не рѣдко Государственные люди бывали смѣшны и ненавистны въ ихъ домашней жизни, и, на оборотъ, слабые Министры, Полководцы и Художники — могли назваться примѣрами нравственности и добродѣтели.

Не льзя согласиться съ изрѣченіемъ почтеннаго Автора, что

„Всегда мы пѣмъ, чѣмъ быть намъ суждено:
„Гони Природу въ дверь, она — войдетъ въ окно.“

Аксіома сія — есшь удѣлъ однихъ Геніевъ; они одни, на перекоръ злаго Духа, (который всегда сопушсшвуешъ опличнымъ дарованіямъ), досшигаюшъ своего предопредѣленія, находяшъ благошворныхъ Геніевъ въ видѣ Пешровъ Великихъ, Екашеринъ II, Шуваловыхъ, Александровъ...., безъ коихъ Менщиковы, Осшерманы, Шафировы, Ломоносовы, Кулибины, Пошемкины, Безбородки, Баженовы — не были бы великими людьми, не показали бы сполъ важныхъ услугъ, не прославили бы своего Ошечесшва!

Яковлевъ безспорно можешъ бышь включенъ въ число шѣхъ счасшливцевъ, кои досшигли цѣли имъ предназначенной; а Николай Ивановичь Перепечинъ, Директоръ Банка, помѣщенъ въ число шѣхъ немногихъ благородныхъ Меценашовъ, покровишельсшву коихъ Россія обязана опличными сынами своими.

Яковлевъ былъ сынъ Костромскаго купца, потерявшаго значишельный досшашокъ при пожарѣ госшинаго дво-

ра въ С. Петербургѣ. Онъ остался послѣ отца своего двухъ-лѣтнимъ сиротою на рукахъ матери, которая скончалась послѣ того черезъ пять лѣтъ, оставя ему весьма малое наслѣдствo, и отдавъ его въ опеку зятю его С. Петербургскому купцу Шапошникову. Первое воспитаніе его началось обученіемъ Россійской грамотѣ у нѣкоторой старушки (*), бывшей просвирнею Вознесенской церкви, не далеко отъ коей находился домъ Шапошникова. Потомъ отданъ онъ былъ въ народное училище, въ коемъ слушалъ съ необыкновеннымъ прилѣжаніемъ Грамматику, Риторику и часпію Нѣмецкой и французской языкъ и получилъ начало Математики и рисованія. Здѣсь на 13мъ году кончился его Курсъ воспитанія и ученія, ибо опекунъ его, какъ

(*) Яковлевъ всегда отлично уважалъ первую свою наставницу, помогалъ ей и похоронилъ ее. — Другіе сказывали мнѣ, что учительницею его грамотѣ была не старушка, а миловидная дочь ея.

расчетливый купецъ, поспѣшилъ посадить его въ галантерейную лавку свою прикащикомъ. Въ 1791 году познакомился онъ съ Г-мъ Ж..., который также торговалъ въ шляпной лавкѣ своего брата, находящейся близъ его. Одинакія наклонности къ ученію, одинакая ненависть къ тогдашнему ремеслу ихъ — къ торговлѣ, нечувствительно сблизили сихъ молодыхъ людей съ перваго свиданія, и сдѣлали ихъ въ послѣдствіи искренними друзьями. Всякой часъ, всякую минуту, оставшуюся отъ должности и отъ надзора опекуна своего, Яковлевъ употреблялъ на чтеніе, и нравившіяся мѣста въ книгахъ выучивалъ наизусть. Тоже самое дѣлалъ и Г. Ж..., и, при свиданіи, другъ другу отдавали они отчетъ, пересказывали, задавали уроки и старались превзойти одинъ другаго скоростію въ вытверживаніи. Оды, безпрестанно публикованныя, на побѣды надъ Турками и Шведами, съ коими Россія была тогда въ войнѣ, были всѣ

ими выучиваемы и изощряли ихъ память. Но опекунъ, недовольный торговлею своего питомца, а особливо тѣмъ, что онъ не умѣлъ запрашивать, какъ обыкновенно водится, въ двое за товары, и приписывая все сіе его знакомству съ Г. Ж..., запретилъ ему съ нимъ всякое сношеніе. Однако связь ихъ симъ не только не прекратилась, но сдѣлалась еще вскорѣ тѣснѣе, сколь по запрещенію, столько и по новому роду занятій, въ коихъ открыли они, такъ сказать, свое предопредѣленіе! Г. Ж... удалось видѣть на деревянномъ Театрѣ, бывшемъ на Царицыномъ лугу, Трагедію Димитрія Самозванца. Онъ спѣшилъ повѣдать другу своему неизвѣстныя ему дотолѣ чувства, произведенныя въ немъ игрою Шушерина. И, когда въ восторгѣ онъ разсказывалъ ему видѣнное и слышанное имъ на Театрѣ, Яковлевъ слушалъ его спокойно, съ великимъ вниманіемъ, и наконецъ сдѣлалъ весьма значительный вопросъ, значительный по молодости, неопы-

шности его и потому болѣе, что онъ не бывалъ никогда на Театрѣ и неимѣлъ ни какого до сего о немъ понятія: „а когда, сказалъ онъ, одинъ „говоритъ, другой отвѣчаетъ ему „безмолвнымъ содѣйствіемъ глазъ, „движеніемъ тѣла?“ Послѣ сего принялись они учить трагедію. Ж, какъ первенствующій въ знаніи Театра, взялъ роли Димитрія и Горія, братъ его Шуйскаго, а Яковлевъ Ксеніи. И съ сего времени изъ нихъ трехъ составилась труппа За строгостію опекуна, Яковлевъ являлся къ товарищамъ своимъ только въ праздники, когда хозяинъ его уѣзжалъ въ гости. Зрители ихъ были не только домашніе, но и сосѣди; порфирою служило имъ ситцовое одѣяло, а корону смастерилъ Яковлевъ изъ золотой бумаги съ бусами и разноцвѣтными перьями. Магометъ — была другая трагедія, которую выучили они и разъигрывали. Яковлевъ представлялъ Пальмиру, но иногда мѣнялись ролями своими. Однажды,

среди дня вздумалось Яковлеву сдѣлать репетицію; онъ уговорилъ товарищей своихъ, и для того забрались они въ верхнюю лавку пріятеля ихъ и соревнователя Милова. Въ жару деклама-ціи Магомешъ, стремясь поразить Зопира — поразилъ палкою Пальмиру — и прямо въ лице. Бѣдной Яковлевъ, боясь не столько послѣдствій удара, какъ подозрѣнія опекуна своего — бросился бѣжать въ лавку свою, отказавшись даже отъ всякой помощи, для уняшія крови. Рана сія ни сколько не утишила страсти его къ предсшавле-ніямъ; но Магомешъ нѣсколько недѣль не являлся на глаза Пальмиры, боясь гнѣва ея. Между шѣмъ случилось ему еще разъ въ запальчивосши, сидя за прилавкомъ, размахнувши руками, раз-бишь нѣсколько сшеколъ у ящиковъ и обрѣзашь себѣ пальцы.

До сей поры Яковлевъ, сшрасшно лю-бившій Теашръ, бредившій однимъ Те-ашромъ, не былъ еще въ немъ ни разу. Сшрогій опекунъ его ошнималъ всѣ

средства къ удовлетворенію его желанія. — Однажды, по какому — то дѣлу, зять его уѣхалъ за городъ на цѣлыя сутки: Яковлевъ летитъ къ своему другу, и вмѣстѣ идутъ въ Театръ — украдкою отъ знакомыхъ. Яковлевъ въ восхищеніи, въ нетерпѣніи! Нѣсколько минутъ до поднятія занавѣса — кажутся ему вѣкомъ! Представляли Комедію: Три брата близнеца. Яковлевъ замѣтилъ, что изъ трехъ характеровъ, игранныхъ Гомбуровымъ, удачнѣе всѣхъ представленъ имъ былъ Зонетъ Сибирскій. Пріятель его Миловъ не соглашался и увѣрялъ даже, что всѣ три лица играны разными Актерами. Побились о головѣ сахару и 10 фунтахъ кофе. Разумѣется, что Яковлевъ выигралъ закладъ. Между тѣмъ любимѣйшимъ изъ монологовъ, имъ выученныхъ, была рѣчь матери Коріолана, когда она говоритъ ему:

„ Постой! не вѣдаю, люблю иль ненавижу,
„ Врагаль въ тебѣ теперь иль сына вижу?

Прекрасные стихи сіи родили, или, лучше сказать, воспудили въ немъ природную страсть къ Поэзіи. Яковлевъ, выбравъ исторической сюжетъ, началъ писать Трагедію. Въ нѣсколько дней окончаны три акта, и чишаны предъ свидѣшелями. Но скоро сіи невинныя, благородныя заняшія Яковлева рушились опъѣздомъ въ Москву Ж... , и онъ не имѣя болѣе шоварища и друга, съ коимъ бы могъ на часъ забывать горесши и прошиворѣчія, а попому чувствуя всю шягосшь своего сосшоянія — попребовалъ опъ зяшя своего — свободы. Твердосшь, съ какою скромный юноша въ первой разъ предсшалъ предъ угрюмаго опекуна своего — заспавила его согласиться на его желаніе и выдать ему наслѣдіе его, состоявшее изъ 1800 рублей. „ Куда шы дѣнешься, куда пойдешь, что знаешь? “ угрожая, съ сердцемъ говорилъ ему зять его. И онъ рѣшительно съ врожденною ему горделивосшію, праводушіемъ и жаромъ опвѣчалъ, указывая на образъ Божіей

Машери: „вотъ моя надежда, моя заступница, на Нее и Бога возлагаю свое упованіе: она меня не оставитъ!“

Послѣ сего снялъ Яковлевъ окошко въ зеркальной линіи подъ No. 67, и началъ торговать галантерейнымъ товаромъ. — Онъ ѣздилъ раза два по торговымъ дѣламъ въ Юрьевъ, Ревель и Нарву на ярмонки. Сидя же въ окошкѣ своемъ — болѣе занимался чтеніемъ или сочиненіемъ стиховъ, чѣмъ продажею. Николай Ивановичь Перепечинъ, не рѣдко прогуливаясь по гостиному двору, замѣтилъ, что одинъ молодой сидѣлецъ ни мало не заботился о покупателяхъ, а углубленъ былъ всегда въ чтеніе и въ письмо. Николай Ивановичь познакомился съ нимъ, часто останавливался у прилавка и найдя въ немъ отличный умъ, пріятную наружность, благородныя чувства и склонность къ Литературѣ, пригласилъ его въ свой домъ. Яковлевъ занимался тогда сочиненіемъ историческаго отрывка трагической любви, на

случай застрѣлившагося Гвардіи Офицера А. А. К. Перепечинъ одобрилъ первые труды его, и піэса сія была напечатана; потомъ и многія изъ стихотворныхъ сочиненій его въ 1794 году были публикованы.

Въ томъ же году Яковлевъ съ торговлею своею переселился на биржу, гдѣ занялъ небольшой шкапикъ съ мелочными товарами и каршинками. Такъ какъ биржевой торгъ продолжается только нѣсколько часовъ, то большая половина дня оставалась ему свободною для любимыхъ его упражненій.

Яковлевъ нѣсколько разъ декламировалъ въ домѣ Николая Ивановича нѣкоторые монологи изъ Россійскихъ Трагедій. Сей покровитель отечественныхъ дарованій и знатокъ Театра, плѣняясь болѣе и болѣе его талантами, познакомилъ его съ наперсникомъ Мельпомены, Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ. Прекрасное, правильное, выразительное лице, глаза испол-

ненные огня, органъ мужественный и пріятный, походка величественная, ростъ высокій и стройный, обратили на него вниманіе Нестора Россійскаго Театра; а нѣсколько разговоровъ о предметахъ отвлеченныхъ, Литературѣ и театральномъ искусствѣ — расположили къ нему его душу. Иванъ Аѳанасьевичь съ сей минуты пребылъ наставникомъ, другомъ и покровителемъ Яковлева. Пройдя съ нимъ роль Оскольда изъ Трагедіи Семиры, Дмитревскій увидѣлъ, что Яковлевъ будетъ красою Россійскаго Театра — любимцемъ Мельпомены, и уговорилъ его показаться на публичномъ Театрѣ. Въ 1794 году 1го Іюня онъ явился предъ публикою въ ролѣ Оскольда, и былъ покрытъ всеобщимъ одобреніемъ и похвалою. Во второй разъ показался онъ 2 Іюля въ ролѣ Доранта изъ Комедіи Ревнивый (которую также прошелъ подъ наставленіемъ Дмитревскаго.) Потомъ 29го игралъ въ третій разъ Синава съ тѣмъ же успѣхомъ и послѣ

сего приняшъ былъ въ дѣйствишельную службу Придворнаго Театра. Всеобщее уваженіе, безпрестанные успѣхи и лавры на новомъ, блестящемъ семъ поприщѣ могли бы, кажешся, сдѣлашь его довольнымъ, счастливымъ; но Яковлевъ былъ одинъ изъ шѣхъ несчастливцевъ, которые, родясь съ пламенною душею, съ сердцемъ чувствишельнымъ и нѣжнымъ — не могушъ прошивишься совершенствамъ Природы — бываюшъ жертвою любви. Увы! Яковлевъ любилъ прелесшную, любезнѣйшую изъ женщинъ, которая не принадлежала ему! Отъ того казался онъ всегда мраченъ, задумчивъ. Однажды пришелъ онъ къ Ж., и, сѣвъ на диванъ: горесшно вздохнулъ и сказалъ: „Ж., я очень несчасшливъ! Я чувствую адское шерзаніе въ груди моей — болѣзнь душевная неизлечима! и шерзанію моему нѣшъ лекарсшва въ здѣшней жизни. Сколько счасшливѣе шы меня, Ж!; шы имѣешь супругу, дѣшей; шебя зовушъ мужемъ, оцемъ! “ —

Кто жъ мѣшаетъ тебѣ женишься, есть-ли находишь въ томъ счастіе? отвѣчалъ ему Ж. — Тутъ Яковлевъ горестно зарыдалъ, закрылъ лице руками и сдѣлалъ признаніе въ своей страсти, признаніе, которое открылъ онъ ему первому — какъ другу своей юности. — „А гдѣ найду другую, присовокупилъ онъ, гдѣ найду подобную душу, сердце?“ — „Всѣ думаютъ, говорилъ онъ, что я погрязъ въ порокъ изъ жадности къ нему; люди обыкновенно судятъ по наружности, и самыя невинныя чувства представляютъ порочными. Кто видитъ, какъ мучительно я провожу ночи, какъ мрачны для меня дни! Часто, очень часто, сидя одинъ дома, прихожу въ ужасное отчаяніе, — домъ мой мнѣ кажется пустынею!“ и, ударивъ себя въ грудь. сказалъ. „не знаю чѣмъ утишить змѣю, грызущую эту бѣдную грудь?“ — Разговоръ дѣлался часъ — отъ — часу живѣе, краснорѣчивѣе; съ одной стороны чувства страсти, а съ другой дружескія ушѣщенія излетали

прямо изъ сердца. Такъ прошла цѣлая ночь. Когда Яковлевъ взялъ шляпу и Ж. спросилъ его, куда онъ идетъ? — „Въ адъ! я отвѣчалъ онъ, въ адъ!“ — Не это ли тайна, почему представлялъ онъ несчастныхъ, отчаянныхъ съ такою силою, правдою; отъ чего жаромъ, порывами страстей приводилъ онъ въ ужасъ зрителя, терзалъ, раздиралъ душу его или очаровывалъ его такъ, что игру его принималъ онъ за истинное чувство, стремившееся прямо изъ его сердца?

Природа, излившая на Яковлева дары свои, надѣлила его самымъ величайшимъ, пріятнѣйшимъ изъ нихъ — добрымъ сердцемъ.

Пускай мизогины, эгоисты, непричастны страданіямъ, коимъ подвержены люди съ добрымъ сердцемъ; пускай бѣдствія собрата не нарушаютъ ихъ спокойствія — не завидую имъ, жалѣю о нихъ: они не знаютъ наслажденія въ помощи, не знаютъ небесной радости въ раздѣленіи горести съ

несчастливцемъ, въ ушѣшеніи страждущаго.

Почувствовать добра пріятство —
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не ощущалъ!

Яковлевъ первымъ благомъ почиталъ помогать требующимъ его помощи и часто, не имѣя самъ средствъ, занималъ деньги у пріятелей — дабы отереть слезы несчастнаго.

Однажды, увидя въ училищѣ мальчика бѣдно одѣтаго и узнавъ, что онъ сирота, отдалъ ему послѣднія 100 рублей.

Какъ часто предъ праздниками и особливо предъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ ходилъ онъ въ тюрмы къ узникамъ, и раздѣлялъ съ ними послѣднее достояніе свое.

Предъ дверями своими поутру находитъ онъ подкинутую дѣвочку въ корзинкѣ, обернутую въ тряпочку. Яковлевъ береттъ ее на руки, плачетъ отъ умиленія, развертываетъ пеленочку, и видитъ записку: „Добрый Яковлевъ! не оставь бѣдное,

невинное существо! "— Жестокіе или несчастные родители, ежели вы будете читать строки сіи, знайте — онъ ее не покинулъ! "

Въ одинъ день, ѣхавши съ Г. В. въ Екатерингофъ, видитъ онъ стараго инвалида, просящаго на распутьи милостыни: у Яковлева всего на все была 25-рублевая бумажка; онъ спрашиваетъ пріятеля своего, нѣтъ ли у него 5 рублей, и на отвѣтъ: что нѣтъ — отдаетъ инвалиду всѣ 25 рублей, сказавъ: „лучше дать много и послѣднее, чѣмъ ничего! "

Яковлевъ имѣлъ много непріятелей, (какъ то бываетъ со всѣми людьми съ дарованіями); но онъ не ненавидѣлъ ихъ; много имѣлъ завистниковъ, но не презиралъ ихъ: вотъ истинный осколокъ добродѣтели и истинной Вѣры!

Дѣлая добро, ушѣлая другихъ, Яковлевъ всѣхъ болѣе имѣлъ нужду въ помощи и ушѣшеніи. Несчастная страсть терзала его сердце; онъ чувствовалъ, что любя чуждую, онъ нарушаетъ Бо-

жескіе законы, оскорбляетъ человѣка, ни чѣмъ его необидѣвшаго, и — рѣшился побороть слабость.... „ Я женюсь, сказалъ онъ, схвачусь какъ утопающій, ища спасенія, за бритву... Но пробужденіе мое будетъ ужасно! “ Онъ женился; къ счастію, нашелъ подругу умную, добрую, имѣлъ съ нею двоихъ дѣтей; но не могъ истребить изъ сердца перваго впечатлѣнія любви: — любовь чрезъ два года съ небольшимъ послѣ женидьбы низвела его въ гробъ.

Миръ праху твоему, страдалецъ сего міра! Да найдешь ты радость и спокойствіе тамъ, гдѣ вѣчный Судія уготовалъ утѣшеніе и награду друзьямъ человѣчества!

Въ добавокъ скажемъ еще, что Яковлевъ былъ нелицемѣрный другъ и непремѣнный исполнитель своего слова. Онъ говаривалъ, что вопреки пословицѣ, онъ не господинъ, а рабъ своего слова!

Яковлевъ родился 1773го года, а скончался 1817, 3 Ноября.— Кажется, со дня

рожденія Судьба запечатлѣла на немъ свое немилосердіе. Обладая благами ея — онъ былъ несчастливъ. Въ юныхъ лѣтахъ осталсяся сиротою и на воспитаніе попалъ къ невѣждѣ, который всячески старался подавлять благородныя способности своего питомца, и обходился съ нимъ какъ мачиха съ Овидіемъ.

Вотъ одно изъ сочиненій его, изображающее исторію его души и сердца:

Спой, помедли солнце красное,
На часокъ не меркни, свѣтлое,
Ты лица не крой блестящаго
Въ хладной влагѣ моря синяго.
Не взойдешь уже ты болѣе
Для моихъ очей слезящихся,
Се врата предъ мною къ вѣчности!
Я готовъ стопою смѣлою
Сдѣлать шагъ ко неизвѣстности.
Да не судитъ меня строгій умъ
За намѣреніе дерзостно.
Кто во счастіи проводитъ дни,
Тотъ не знаетъ дней несчастливца;
Для счастливыхъ и день пасмуренъ

День ушѣхъ и наслажденія;
Для объявшаго же скорбію
День безъоблачный какъ темна ночь.
И я, двухъ-лѣтній отъ рожденія
Былъ несомъ за гробомъ отческимъ;
На осьмомъ за доброй матерью
Шелъ покрыть ее сырой землей!
Горько, горько сиротою жить,
И рукой, рукою чуждою
Быть взращаему, питаему,
И на лонѣ нѣжной матери
Неслыхать названій ласковыхъ.
Пролетѣли дни младенчества,
Наступили лѣта юности,
Рѣзвой юности, мечтательной!
Но во градѣ, гдѣ родился я,
Какъ пришлецъ былъ малознаемый;
Я искалъ сердецъ чувствительныхъ,
Находилъ сердца лишь хладныя,
И повсюду видѣлъ облако
Дыму полное и мрачное.
Такъ летѣло время быстрое,
Другъ и недругъ перемѣнчивый,
Къ одному лишь мнѣ несчастному
Въ непріязни постоянное;

Тутъ узрѣлъ въ женахъ я рѣдкую,
И мое вдругъ сердце томное
Красотой ея небесною,
Какъ стрѣлою поразилося.
Жизнь текла моя отраднѣе.
Но и тутъ судьбина лютая
Между насъ преграду крѣпкую
Создала рукою мощною:
Я изъ бѣднаго бѣднѣйшимъ сталъ...
Какъ вершины древъ кудрявыя
Межъ собою хотятъ сблизиться,
Но стремленьемъ тока быстраго
Другъ отъ друга отдѣляются;
Такъ подобно рокъ жестокій мой,
Мнѣ увидѣвъ давъ возлюбленну,
Воспретилъ мнѣ быть ей спутникомъ
На стезяхъ тернистой жизни сей.
Тридцать семь разъ косы жнителей
Посѣкали класы тучные;
Но во все сіе теченье лѣтъ
Я и дня не видѣлъ краснаго!
Отхожу теперь я къ вѣчности,
Разрывая связь съ Природою.
Здѣсь неправда обитаетъ лишь,
А неправда мнѣ наскучила. —

Прилети, голубка нѣжная!
Взявъ пшенцовъ съ собой любимѣйшихъ
Прилети, и на дерновникъ сядь,
Что скрывать мой будетъ хладный прахъ.
Проворкуй, моя любезная,
Надъ могилою забытою,
Въ память друга пѣснь унылую...
Но помедли солнце красное!
На часокъ не меркни свѣтлое,
Ты лица не крой блестящаго
Въ хладной влагѣ моря синяго,
Не взойдешь ужé ты болѣе
Для очей моихъ слезящихся.

Нѣкоторыя изъ его стихотвореній, какъ сказано выше, были напечатаны въ Журналахъ, а другія особливо. Всѣмъ любителямъ Словесности извѣстно Посланіе его къ пріятелю, въ которомъ живыми красками описалъ онъ передѣрщиковъ картъ и смѣялся забавно надъ своею неопытностію. Онъ навѣрную проигралъ тогда значительную сумму: въ семъ отрывкѣ показалъ онъ

себя болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, Поэтомъ — Живописцемъ. Желательно, чтобъ кто нибудь изъ друзей его собралъ сочиненія его въ одно мѣсто и издалъ полное твореніе Яковлева.

Нельзя ни чѣмъ лучше и разительнѣе заключить біографію Яковлева, какъ помѣщеніемъ анекдота, случившагося по смерти его. Цырюльникъ N...., который брилъ покойника, узнавъ, что вдова, въ добавокъ къ горю своему, находится въ страшномъ смущеніи, не въ состояніи будучи не только прилично похоронить супруга своего, но неимѣя даже столько денегъ, чтобы предать его землѣ — приходитъ къ ней, удерживаетъ ее отъ намѣренія заложить необходимыя вещи и успокоиваетъ обѣщаніемъ чрезъ нѣсколько часовъ принесть нужную ей сумму денегъ. Благородный цырюльникъ бѣгаетъ изъ одного мѣста въ другое, собираетъ долги, занимаетъ у пріяте-

лей и къ вечеру приносишь сначалной вдовѣ 900 рублей, сумму чрезвычайно великую по-состоянію и званію своему. Яковлева хочешъ дашь ему вексель или росписку, но заимодавецъ и слышать не хочетъ: „я знаю тебя, говоритъ онъ, знаю, что отдашь, какъ расбогатѣешь,“ и уходитъ не хотя слышать и о благодарности. Съ гордостію Рускаго скажемъ, что таковые примѣры, дѣлающіе честь народному характеру и вѣку, у насъ — не рѣдки.

Лекція Г. Власова объ Электричествѣ или новый практическій способъ дѣлать простые и вѣрные громовые отводы на домахъ.

И обезкрыливъ громъ небесъ —
Велитъ ему нѣмѣть — попухнуть!
Ода Воображеніе Пет. Сѣв.

Самая глубочайшая ученость, необращенная къ пользѣ общей, есть, по моему мнѣнію — пустое педантство. И вотъ почему несравненно для меня почтительнѣе люди, употребляющіе дарованія свои и познанія не на одно суетное тщеславіе или собственное удовольствіе, люди, испытывающіе природу въ явленіяхъ ея для какихъ нибудь общеполезныхъ открытій; вотъ почему Власовъ достоинъ уваженія болѣе многихъ, весьма многихъ Профессоровъ — премудрыхъ въ однихъ своихъ кабинетахъ! Власовъ изъ всѣхъ теоретическихъ познаній сша-

раешся извлекашь существенныя выгоды для человѣческаго рода. Къ чему, на примѣръ, знашь свойство электрической машины, ея препарашовъ, если не чишашь въ нихъ сисшему грома и молніи, если не сшарашься защишишь себя ошъ разрушишельныхъ ихъ ударовъ? И сей важный предмешъ обязанъ будешъ, кажешся, многимъ усовершенсшвованіемъ нашему Русскому Химику — Физику; а чшобъ изложишь его любопышнымъ для всякаго образомъ, чшобъ не проронишь новыхъ, счасшливыхъ идей Власова — предложу его въ шомъ сисшемашическомъ порядкѣ, въ какомъ проходилъ я съ нимъ ученіе объ электричесшвѣ.

Какъ въ нравсшвенномъ, шакъ и въ физическомъ мірѣ все чрезвычайное, огромное раждается ошъ малаго начала — посшепенно мужаясь и увеличиваясь. Законъ сей всего яснѣе примѣчаешся въ ходѣ человѣческаго про-

свѣщенія. Нѣтъ ни одной Науки, которая бы вдругъ — возникнувъ изъ ничтожества, явилась немедленно во всемъ блескѣ того величія, которое пріобрѣтаемъ она въ послѣдствіи времени.

Механическія замѣчанія надъ звѣздами, учиненныя на Халдейскихъ долинахъ грубыми пастухами, положили начало одной изъ верховныхъ вѣтвей человѣческихъ познаній — Астрономіи. — Скудный плодъ, упавшій на лице Невтона съ дерева, подъ коимъ онъ отдыхалъ — подалъ идею о всеобщемъ притягательномъ — законѣ движенія міровъ около солнца. — Открытіе свойствъ магнита отверзло смертному путь чрезъ неизмѣримые океаны, соединило отдаленнѣйшіе концы вселенной. И если заглянемъ въ Исторію успѣховъ ума человѣческаго, то на каждой страницѣ увидимъ разительныя доказательства той истины, что всѣ свѣдѣнія суть какъ бы сопрожденны человѣку, но оспаются въ

бездѣйствіи доколѣ благопріятныя обстоятельства или случай не поспѣшествуютъ ихъ развитію, или, лучше сказать, доколѣ какое-то сверьхъ-естественное побужденіе не обратитъ его вниманія къ тому предмету, а потому сколько предстоитъ намъ новыхъ свѣдѣній, новыхъ Наукъ, о коихъ теперь не имѣемъ мы никакого понятія!

Протекло нѣсколько тысячъ лѣтъ по созданіи міра до того времени, какъ начали думать, какимъ бы образомъ понять и изъяснить величайшее явленіе природы — видимое въ мрачныхъ тучахъ, одѣвающихъ ясный горизонтъ неба; какъ начали стараться уразумѣть сущность всемощной небесной молніи. До сего трудность проникнуть тайну сію заставляла суевѣріе и невѣжество созидать Юпитеровъ, во гнѣвѣ мещущихъ перуны, и самые мудрецы, какъ на примѣръ Сенека, разсуждая о силѣ небеснаго огня и не находя способовъ избавиться губительныхъ дѣйствій онаго, старались упѣ-

шишь человѣчество тщетными доказательствами о ничтожествѣ жизни, убѣждая имѣть къ ней хладнокровное презрѣніе и проч. . . . .

Но сей робкій умъ человѣческій умѣлъ въ послѣдствіи подчинить, покорить себѣ грозныя явленія природы!

Не за долго до Рождества Христова находимъ мы первые опыты человѣка къ достиженію сей цѣли. Первые наблюдатели Электричества съ удивленіемъ описывали видѣнный ими огонь, выходившій на морѣ изъ оконечностей мачтъ корабельныхъ; но, не умѣя ни понять, ни объяснить сего явленія, почитали оное чудомъ; не менѣе того они положили симъ первый камень въ основаніе того огромнаго храма, который, въ теченіе многихъ послѣдующихъ вѣковъ, восдвигается Электричеству совокупными силами всей учености — и не достигаетъ еще совершенства!

Вскорѣ потомъ Ѳеофрастъ описываетъ странное свойство, замѣченное въ янтарѣ, привозимомъ въ Римъ съ

береговъ Балтійскихъ, именно — свойство притягать легкія вещества, когда онъ бываетъ натертъ шерстяною матеріею; но открытіе сіе, при всей важности своей, осталось не рѣшимою задачею для тогдашнихъ Философовъ и Ученыхъ. Послѣ его узнали, что сею способностію привлекать легкія тѣла одарены турмалинъ и великое множество тѣлъ смолистыхъ. Простирая далѣе изслѣдованія, увѣрились напослѣдокъ, что подобная способность кроется и въ стеклѣ, но только противуположнаго качества, ибо потерши сургучную и стеклянную палочки и повѣсивъ ихъ на шелковыхъ снуркахъ одну отъ другой въ близкомъ разстояніи, видѣли, что та и другая другъ къ другу притягиваются и въ тоже время двѣ однородныя, на примѣръ сургучныя или стеклянныя палочки, натертыя и повѣшенныя вмѣстѣ, одна отъ другой отталкиваются. Но что за чудесная сила кроется въ въ сихъ веществахъ? какой присущ-

сивуешъ въ нихъ духъ, который во-все не подлежишъ чувствамъ, а только одними дѣйствіями даешъ знать о своемъ существованіи — сего никто не могъ отгадать. Невидимая сила сія первоначально въ янтарѣ открытая, по имени сего самаго произведенія ископаемаго царства (Electrum) получила названіе Электричества (Electricitas, vis, materia electrica etc.)

Отъ сей эпохи первоначальнаго понятія объ Электричествѣ прошекло весьма много времени, пока вздумали узнать оное подробнѣе. Доктору Валлу первоначально пришло въ мысль, что трескъ и свѣтъ нашершаго янтаря имѣютъ какое-то близкое отношеніе къ молніи и грому. Но спустя и послѣ сего долгое время (въ 1753 году) удалось наконецъ Г. Дюфе извлечь первую электрическую искру. Основываясь на семъ послѣднемъ открытіи, болѣе и болѣе стали догадываться, не тоже ли самое вещество или сила, которое

оказываешся въ видѣ искры въ натертомъ янтарѣ или сургучѣ — играешъ главную ролю въ громовыхъ облакахъ? — Однакожь всѣ сіи предположенія долго не приносили ни малѣйшей пользы, кромѣ того, что Ученые часъ отъ часу наиболѣе пріобрѣтая свѣдѣнія о свойствахъ искусственнаго Электричества, выдумывали различныя для возбужденія онаго орудія и множество апаратовъ, единственно къ любопытству забавѣ относящихся, безъ всякаго дальнѣйшаго намѣренія. Между прочимъ одному изъ Естествоиспытателей вздумалось попробовать, нельзя ли собрать Электричество изъ машины въ стеклянный сосудъ, наполненный коротимъ проводникомъ онаго — водою. Счастливое послѣдствіе изумило его и увѣрило въ справедливости ожиданія: при первомъ прикосновеніи къ наэлектризованной бутылкѣ съ водою — онъ получилъ сильное потрясеніе по всему тѣлу. При повтореніи таковыхъ опытовъ надъ устроенными Лейденскими

банками узналъ онъ, что Электричество, сверьхъ извѣстныхъ доволѣ свойствъ, одарено еще столь великою силою, что въ состояніи лишать жизни человѣка и сильнѣйшихъ животныхъ. Изобрѣтеніе Лейденской банки есть самое важнѣйшее въ статьѣ объ Электричествѣ; еслибъ посредствомъ сего опыта не узнали, что Электричество по мѣрѣ своего скопленія способно производить болѣе или менѣе великія насилія тѣламъ, сопротивляющимся его прохожденію, то едва ли бы разумъ могъ, миновавъ сіе звено въ цѣпи познаній, касающихся сей матеріи, сдѣлать столь быстрый переходъ къ дальнѣйшимъ умозаключеніямъ. Лейденская банка, по всей справедливости, можетъ почесться единственнымъ способомъ, могущимъ удостовѣрить, что громъ и молнія суть того же именно происхожденія, какъ и искусственное Электричество. Посредствомъ оной стали зажигать всѣ возгарающіяся тѣла, расплавлять и пре-

вращать въ окись металлы, раздроблять худые проводники Электричества, убивая животныхъ и проч.; словомъ, производить оною въ комнатѣ искусственный громъ и молнію. Наконецъ основываясь на свойствахъ искусственнаго Электричества, Франклинъ первый возъимѣлъ дерзновенную мысль свести съ неба огонь, и подвергнуть оный непосредственному испытанію и сравненію съ электрическимъ огнемъ, оказывающимся въ стеклѣ и смолистыхъ тѣлахъ. Для достиженія сей цѣли онъ изобрѣлъ Электрическій змѣй. Опытъ сей принесъ какъ ему самому, такъ и всѣмъ любителямъ естественныхъ познаній, безконечное удовольствіе, а ученому свѣту доставилъ важное открытіе. Огонь, низведенный имъ съ облаковъ и заключенный въ Лейденскую банку, оказался совершенно однороднымъ съ искусственнымъ Электричествомъ. Сіе однородство сосноитъ въ слѣдующихъ одинаковыхъ дѣйствіяхъ:

1) Какъ молнія, такъ и искуственное Электричество имѣютъ совершенно одинаковый фосфорическій запахъ.

2) Какъ то, такъ и другое въ пути своемъ отъ одного предмета къ другому слѣдуютъ по лучшимъ проводникамъ; и ни мало не вредятъ окололежащимъ тѣламъ, если проводники сіи имѣютъ непрерывное продолженіе до противуположной молніи или Электричества. Когдажъ хорошій проводникъ прерывается худшимъ, то естественная и искуственная молнія разрушаетъ сей послѣдній.

3) Когда на пути, проходимомъ молніею, встрѣчаются тѣла воспаряемыя, то она ихъ зажигаетъ; тоже самое дѣлаетъ и искуственное Электричество.

4) Молнія расплавляетъ, превращаетъ въ пары и окиси серебро, золото и всѣ другіе металлы — тоже самое можно производить и искуственнымъ Электричествомъ.

5) Молнія убиваетъ людей и другихъ животныхъ; тоже самое можетъ произвесть и искусственное Электричество.

6) Въ животныхъ убитыхъ молніею или искусственнымъ Электричествомъ, весьма скоро оказывается гніеніе.

7) Естественное и искусственное Электричество, дѣйствуя на нѣкоторыя снѣди, на пр. молоко, могутъ окислять ихъ, а дѣйствуя на соки растѣній, измѣняютъ цвѣтъ ихъ одинакомъ образомъ.

8) Электричество изъ кондуктора машины, молнія изъ облаковъ металлическими остроконечіями всасываются въ видѣ тонкихъ струй, а металлическими шариками привлекаются въ видѣ искръ.

9) При нахожденіи громоваго облака, низко идущаго въ сухую погоду, обыкновенно возстаетъ вихрь, поднимающій къ самому почти облаку съ земли пыль, солому, сухіе листья и другія

легкія тѣла. Тоже самое замѣчаемъ мы и при сильно дѣйствующей Электрической машинѣ: пыль съ полу, перышки, пухъ, паутина и проч. притягиваются и садятся на кондукторъ и подушки машины.

10) Молнія въ пути своемъ не печется о краткости прохожденія, но слѣдуетъ всегда по хорошему проводнику, хотя бы онъ на несравненно дальнѣйшее разстояніе простирался. Точно также искуственное Электричество по проволокѣ даже черезъ воду идущую, можно провести чрезъ многія версты, хотя чрезъ воздухъ до наружной обкладки заряженной банареи слѣдовало бы ему пройти нѣсколько вершковъ.

11) Если на стрѣлку компаса подѣйствуетъ молнія, то полюсы магнита перемѣнятся: то же самое производитъ и разрядъ Лейденской банки. Когда ударитъ молнія на желѣзной прутъ, то онъ получаетъ магнитное свойство; то же самое произ-

весть можно и разряженіемъ Лейденской банки.

Совершенное сходство всѣхъ сихъ и многихъ другихъ дѣйствій ясно показываетъ, что небесная молнія и Электричество, возбуждающееся по произволенію нашему въ машинѣ, суть вещества одного и тогоже рода и происхожденія.

Коль скоро посредствомъ столь основательнаго сравненія дознали, что чудесная сила молніи ничѣмъ не различествуетъ отъ Электричества, произведеннаго машиною, что какъ той такъ и другому можно по произволу назначить направленіе; то естественно должна была родиться мысль защитить жилья — отъ громоносныхъ тучь. Для сего слѣдовало утвердить на самой верхней части зданія лучшій проводникъ для молніи, отъ котораго бы непрерывно простиралось до земли или воды также тѣло хорошо провождающее Электрическій огонь. Сдѣлавъ таковое умозаключеніе,

Франклинъ устроилъ первый громовый отводъ въ Филадельфіи (въ Сѣверной Америкѣ) на городовой башнѣ, самомъ возвышенномъ того города зданіи — и сіе счастливое событіе такъ его обрадовало, что онъ тотъ же далъ ученымъ и почтеннымъ гражданамъ богатый пиръ, для коего животныя убиты были низведенною имъ изъ облаковъ молніею и приготовлены на огнѣ, ею же возженномъ. Послѣ сего въ томъ же городѣ устроилъ онъ отводы на многихъ другихъ зданіяхъ, и польза, отъ того происшедшая, превзошла всякое чаяніе; ибо до сдѣланія отводовъ молнія ежегодно въ Филадельфіи разрушала около 20 и болѣе зданій, а съ того времени сіе несчастіе прекратилось.

Извѣстно, что всякое новое открытіе, какъ будто по мѣрѣ важности и пользы своей, сначала встрѣчаетъ себѣ множество противорѣчій и опроверженій со стороны горделивой учености. Участи сей ни одна полезная

новость не была столько подвержена, какъ введеніе устроенія громовыхъ отводовъ. Гордость многихъ высокоумныхъ Физиковъ нагдашняго времени, посвящавшихъ цѣлую жизнь свою Наукѣ сей, безъ пользы себѣ и ближнему, невѣжество Знатныхъ, слѣпота и суевѣріе черни — все вооружалось противъ сего спасительнаго открытія. Но истина подобна лучезарному солнцу, которое, долго ли коротко ли — разгоняетъ мраки тучь, его затмѣвающихъ и является очамъ сѣтующей природы во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Такъ и непреложность пользы громовыхъ отводовъ воспоржествовала надъ суемудріемъ — и нѣтъ теперь ни одного просвѣщеннаго города, который бы непосмѣвался яростни грозныхъ тучь, имѣя надежную защиту отъ ударовъ молніи на верхахъ зданій своихъ.

Когда уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что изобрѣтеніе громовыхъ отводовъ было величай-

нимъ подаркомъ всему человѣческому роду. Ученые зашѣдли прѣнія о способахъ ихъ устроенія. Спорили о числѣ отводныхъ шестовъ, о высотѣ ихъ, о родѣ металла, изъ коего шесты должны быть устроены, о проведеніи ихъ до земли и ш. п. Но величайшій споръ и самый продолжительный состоялъ въ томъ — остроконечія или шарики должны быть на верхушкахъ шестовъ? Наконецъ Г. Неркъ, Англійскій Физикъ, прекратилъ и сіе несогласіе, доказавъ убѣдительными опытами преимущество шестовъ острыхъ.

Оставя разсматриваніе всѣхъ сихъ споровъ — предложимъ вкратцѣ принятое нынѣ Физиками устроеніе громовыхъ отводовъ — съ нѣкоторыми примѣчаніями Власова о излишествахъ и недостаткахъ онаго.

Громовые отводы раздѣляются на три части: верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя часть отвода состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ металлическихъ шестовъ, у-

крѣпленныхъ перпендикулярно на самой возвышенной часши зданія.

Число шестовъ должно соотвѣтствовать обширности зданія; ибо изъ наблюденій извѣстно, что металлическій прутъ не болѣе 50 футовъ въ окружности себя можетъ защищать поверхность отъ ударовъ молніи, а потому, на примѣръ, если крышка имѣетъ 200 футовъ длины при 100 ф. ширины, то для совершенной безопасности надобно ставить по крайней мѣрѣ два шеста, въ разстояніи одинъ отъ другаго во 100, а отъ краевъ зданія на 50 футовъ.

Для прутьевъ употребляется желѣзо или мѣдь. Въ первомъ случаѣ къ верхушкѣ шеста должно придѣлать мѣдное позолоченое копьеобразное остроконечіе, а въ послѣднемъ — завостривать такимъ же образомъ самый шестъ, вызолачивая его, или покрывая хорошимъ лакомъ; но остроконечіе сіе не должно быть слишкомъ тонко, дабы расплавившись не произвело воспла-

менения. Для сей же цѣли и самый шестъ долженъ быть посредственной толщины. Въ разсужденіи высоты его, надобно, чтобъ онъ на 5 или 6 футовъ былъ выше всѣхъ частей зданія.

Когда строеніе имѣетъ нѣсколько отводныхъ шестовъ; то или отъ каждаго провести проводникъ до самаго низу, или сообщивъ хорошо проводниками по кровлѣ всѣ шесты между собою, отъ одного только изъ нихъ провести таковый составляющій среднюю и нижнюю часть отвода.

Если на зданіи имѣются довольно возвышенныя металлическія части, то устроеніе отводныхъ шестовъ вовсе не нужно. Напримѣръ: къ чему ставить металлическій шестъ на колокольняхъ и церквахъ, гдѣ имѣются кресты, (какъ то видимъ мы на Петропавловской колокольнѣ и проч.) кои въ физическомъ отношеніи суть то же, что и отводные шесты? Сіе значитъ подавать поводъ къ сомнѣнію объ основательности теоріи, касатель-

но прохожденія молніи по металламъ. Тоже разумѣть должно о желѣзныхъ, чугунныхъ и другихъ бельведерахъ, фронтонахъ, перилахъ и проч. — Когда составляютъ они самую высшую часть строенія, то слѣдуетъ только всѣ таковыя металлическія возвышенія тщательно соединить непрерывнымъ металломъ, и отъ которато нибудь одного провесть среднюю часть отвода. Замѣтить нужно, что если верхушка таковыхъ возвышенныхъ частей шпа, то должно или завостришь оную, или придѣлать къ ней остроконечіе.

Все сіе относится къ черепичнымъ или деревяннымъ крышкамъ, по коимъ совѣтуютъ для взаимнаго сообщенія отводныхъ шестовъ, или металлическихъ возвышенныхъ частей зданія, прибивать желѣзными гвоздями свинцовые или мѣдные складками соединяемые листы.

Если зданіе имѣетъ соломенную крышу, то утвердивъ и сообщивъ между

собою достаточное число отводныхъ шестовъ, должно всѣ углы и возвышенія кровли обложить лишь только упомянутыми металлическими листами, тщательно сообщая ихъ съ шестами. На желѣзной крышкѣ ставить отводные шесты — значитъ неразумѣть существа истинъ, на коихъ основываются отводы. Вся таковая крышка имѣетъ множество острыхъ возвышеній, кои въ существѣ своемъ суть настоящіе шесты, всасывающіе молнію и обезоруживающіе облако. Другое дѣло, если на зданіи сверхъ желѣзной крышки находятся еще какія либо слишкомъ возвышенныя каменныя или деревянныя принадлежности. Весьма полезно и необходимо верхи печныхъ трубъ обкладывать желѣзными листами и шаковыми же соединять съ желѣзною крышкою, а какъ почти по всюду нынѣ первое дѣлается, то стоитъ только наблюдать послѣднее.

Прежде думали, что среднюю часть отвода опасно проводить по

стѣнамъ зданій; но опыты и наблюденія доказали, что таковое опасеніе неправильно, ибо молнія, слѣдуя по непрерывному металлу, не причиняетъ ни малѣйшаго вреда окружающимъ оный тѣламъ. По сему надлежитъ проводникъ для молніи безопасно укрѣплять къ стѣнамъ, не имѣя нужды отдѣлять его отъ нихъ худыми проводниками.

Сію часть отводовъ многіе изъ Физиковъ предписываютъ дѣлать также изъ свинцовыхъ или мѣдныхъ листовъ, соединяя оные между собою посредствомъ двойной крѣпкой складки и спаиванія. Должно смотрѣть, чтобъ ни одинъ листъ не былъ отдѣленъ ни на линію отъ подлѣ лежащаго, и всѣ должны составлять непрерывное цѣлое. Равномѣрно сія часть отвода должна быть въ плотномъ и непосредственномъ соединеніи и съ нижнею частію.

Весь отводъ, начиная отъ остроконечія до нижней части онаго, покры-

вашь бѣлою масляною краскою и прибивашь къ деревяннымъ или каменнымъ стѣнамъ желѣзными гвоздями, особливо спайки.

Нижняя частьь проводишъ Электричество въ землю.

Предписывается устроишь оную изъ трудно окисляемаго металла, соединишь плотно со среднею частію, и оканчивашь въ водѣ, на примѣръ въ колодцѣ, каналѣ, рѣкѣ, пруду, или въ влажной землѣ.

Устроивашь отводные шесты изъ мѣди, равно какъ и сообщашь ихъ между собою и съ нижнею частію отвода посредствомъ простыхъ, или двойныхъ мѣдныхъ, либо свинцовыхъ листовъ, отнюдь неосновательно и неудовлетворительно. Строители таковыхъ отводовъ подобятся мастерамъ Физическихъ инструментовъ, пекущимся болѣе о сложности, щегольствѣ и красотѣ своего рукодѣлія, нежели объ истинной прочности, точности и совершенствѣ. Они утверждаютъ, что

мѣдь есть лучшій, прошивъ всѣхъ другихъ металловъ проводникъ молніи; но сего никто изъ нихъ не можетъ доказать удовлетворительнымъ опытомъ. Другая выгода, выставляемая ими отъ устроенія отводовъ изъ мѣди, состоитъ въ томъ, что металлъ сей труднѣе окисляется.

Выводя сіи преимущества мѣди, впрочемъ весьма легко замѣняемыя, сіи Физики не обращаютъ вниманія на самонужнѣйшее качество металла, приличнаго для составленія отводовъ, т. е. на большую или меньшую способность къ расплавливанію. При извѣстныхъ обстоятельствахъ прохожденія молніи чрезъ проводники, она производитъ такое возвышеніе температуры, что всѣ тѣла, донынѣ открытыя въ Природѣ, могутъ отъ оной обратиться въ парообразное состояніе. По сему выборъ металла къ составленію отвода долженъ основываться на меньшей способности измѣнять видъ свой отъ жара. Сіе самое должно замѣтить и о свин-

цѣ; сопротивленіе его окисленію не заслуживаетъ вниманія, а удобоплавкость столь велика, что выключая рѣдкихъ нѣтъ ни одного простаго металла, который бы легче его плавился. По симъ причинамъ желѣзо есть самый лучшій матеріалъ для устроенія отводовъ; ибо, выключая платину и нѣкоторые вовсе неупотребительные на издѣлія металлы, плавится труднѣе прочихъ, а отъ окисленія весьма хорошо предохранить его можно покрывая остроконечіе лакомъ, а продолженіе масляною краскою, или и то и другое варенымъ конопляннымъ масломъ.

Электрическая жидкость есть матерія удобно и съ невѣроятною скоростію проходящая чрезъ пары, находящіеся въ самомъ составѣ металла, ибо она при семъ прохожденіи не оказываетъ дѣйствія на окружающія тѣла. Изъ сего явствуетъ, что толщина металла, опредѣленнаго для провожденія молніи, должна быть соразмѣрна ко-

личеству сей послѣдней. Кому неизвѣстно, что однимъ ударомъ облако можетъ столько низвергнуть на землю электрическаго огня, сколько не льзя произвесть совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ донынѣ сдѣланныхъ электрическихъ машинъ, а потому если проводники не будутъ въ массѣ своей соотвѣтствовать количеству молніи, чрезъ нихъ стремящейся, то они расплавляются превращаются въ пары или ломаются, разрываются — а отъ сего происходятъ пожары, разрушенія зданій, гибель людей, и т. п. И вѣроятно неуваженіе сего обстоятельства было главнѣйшею причиною оказавшейся во многихъ случаяхъ недѣйствительности отводовъ.

По сему надлежитъ дѣлать отводные шесты довольной толщины и устроять всю среднюю часть отводовъ изъ довольно толстыхъ желѣзныхъ прутьевъ, концами сваренныхъ, или плотно склепанныхъ и запаянныхъ, и изъ листоваго желѣза широкаго, въ-

двое или трое сложеннаго и плотно соединеннаго двойными складками, предохраняя оные отъ окисленія масляною краскою. — Остроконечіе отводнаго шеста неосновательно дѣлать изъ мѣди по тѣмъ же причинамъ.

Копьеобразная фигура остроконечія дается на томъ конецъ, чтобъ оно могло удобнѣе всасывать Электричество. Цѣли сей не льзя неодобрить, но чтобъ удовлетворительнѣе достигнуть оной — должно дѣлать на остроконечіи нѣсколько острыхъ возвышеній отъ начала до верхушки, по сторонамъ идущихъ, и чѣмъ оныхъ больше, тѣмъ лучше, такъ, чтобъ остроконечіе имѣло видъ нѣсколькихъ копьевъ, срединою одно другое пересѣкающихъ, а краями стоящихъ въ разныя стороны, и оканчивающихся прямо вверху совокупно въ одной точкѣ.

При строеніи средней части отводовъ главнѣйшее должно обращать вниманіе на то, чтобъ непрерывность металла неподвергнулась ни малѣйшему

повреждению. Отъ сего упущения всего скорѣе можетъ сдѣлаться нещастіе: молнія встрѣчая на пути своемъ недостатокъ металла замѣняетъ оный шѣмъ, что первое попадется ей и проходя до цѣли своего стремленія разламываетъ каменную стѣну, зажигаетъ деревянную, умерщвляетъ людей и животныхъ, словомъ производитъ смерть и опустошеніе. Сему были весьма многіе примѣры въ Исторіи Электричества. Смерть знаменитаго товарища Ломоносова — Профессора Рихмана воспослѣдовала отъ того, что онъ, по неудовлетворительности въ тогдашнемъ времени опытовъ и наблюденій надъ Электричествомъ, не предвидѣлъ вреда могущаго произойти отъ того, если молніи не доставленъ будетъ безостановочный путь до самой земли. Производя опыты надъ облачнымъ Электричествомъ, онъ заключилъ конецъ средней части громоваго отвода въ Лейденскую банку, съ намѣреніемъ болѣе собрать въ оной мол-

ніи — и къ несчастію, ея низверглось столь много, что лишь только испытатель приближился къ банкѣ, то въ одно мгновеніе повергнутъ былъ мертвымъ — молнія избрала его проводникомъ своимъ, чтобъ пройти въ землю.

Сильное паденіе молніи можетъ не рѣдко повреждать и самые исправные отводы, не нанося впрочемъ дальнѣйшаго вреда зданіямъ, а потому послѣ каждой грозы, дѣйствовавшей сильно на отводъ, должно тщательно его осматривать; тѣмъ паче наблюдать оное въ началѣ каждаго лѣта, ибо испорченный отводъ болѣе опасенъ, нежели полезенъ. — Причиною разстроенія отводовъ могутъ быть какія либо части самихъ зданій, выходящія изъ надлежащей связи съ прочими и дѣйствующія на отводъ своею тяжестію. Всего же чаще бываетъ тому причиною подлое хищничество и непростительныя шалости, особенно когда средняя часть отвода бываетъ устроена изъ мѣдныхъ или свинцовыхъ ли-

сповъ; къ тому и другому содѣйствуетъ цѣнность и некрѣпость сихъ металловъ, а потому и въ семъ послѣднемъ отношеніи желѣзо имѣетъ предъ ними преимущество.

Дождепроводныя металлическія трубы, на каменныхъ и деревянныхъ строеніяхъ находящіяся и обыкновенно простирающіяся не до самой земли — угрожая нынѣ гибелью не только самимъ зданіямъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто ходитъ близко ихъ — могутъ весьма легко быть лучшими, безопаснѣйшими громовыми проводниками.

Молнія, ударивъ въ желѣзную крышку или жолобъ, пойдетъ безпрепятственно внизъ по трубѣ до самаго конца ея; но не найдя проводника вплоть до земли, можетъ по какимъ-либо металлическимъ частямъ удариться внутрь самаго дома, разрушить, зажечь оный, убить жителей и т. д.; или кто въ сію несчастную минуту пройдетъ близъ той трубы, или близъ нея захочетъ укрыться отъ дож-

дя, тотъ можетъ сдѣлаться жертвою молніи.

Послѣдній примѣръ дѣйствительно случился прошлаго лѣта въ домѣ Коссцова, у Семеновскаго моста. Подъ однимъ изъ балконовъ его во время грозы укрывалось отъ дождя нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ одинъ конфетчикъ, стоялъ ближе къ тому краю, надъ коимъ оканчивалась труба. Молнія вырвавъ кусокъ стѣны, перешла изъ конца трубы въ зонтикъ, а изъ зонтика чрезъ сего конфетчика въ землю, повергнувъ его полумертвымъ на землю и оглушивъ другихъ тутъ же стоявшихъ. Къ счастію проливной дождь ослабилъ нѣсколько тучу, и ударъ уже прошелъ предварительно по смоченымъ стѣнамъ въ землю, такъ, что чрезъ маленькаго конфетчика перешло оной самое малое количество. Онъ вылеченъ въ градской больницѣ, куда былъ немедленно отправленъ случившимся по счастію въ томъ домѣ Г. Лейбъ Медикомъ Михайловскимъ.

Изъ-сего примѣра явствуетъ, что таковыя трубы сами собою составляютъ уже громовые отводы — но только не полные. Верхняя часть отвода замѣняется желѣзною крышею или жолобами, а трубы составляютъ неполную среднюю часть, недостатокъ коей дополнилъ бѣдной конфетчикъ. Со всею вѣроятностію можно положить, что весьма много случалось подобныхъ несчастій отъ дождепроводныхъ трубъ!

Дабы отвратить пагубу отъ зданій и отъ людей — непремѣнно должно вразумить гражданъ, чтобъ у всякаго зданія, на коемъ нѣтъ громоваго отвода, дождепроводныя трубы соединены были посредствомъ довольно толстыхъ, желѣзныхъ, покрытыхъ масляною краскою прутьевъ съ землею — всѣ или, покрайней мѣрѣ двѣ, три изъ нихъ. Тогда домы сіи, а съ ними вмѣстѣ и улица — будутъ достаточно и безъ громовыхъ отводовъ защищены отъ молніи.

Потребность хорошаго устройства нижней части, наипаче въ тѣхъ случаяхъ необходима, когда домъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, сухой почвѣ, когда влажная земля глубока отъ поверхности и нѣтъ вблизи ни канавы, ни пруда. Если при семъ отъ средней части отвода нѣтъ непрерывнаго проводника до воды или до влажной земли, то молнія сухою, худопроводящею землею задерживается въ своемъ стремленіи, и скопившись въ великомъ количествѣ разрушитъ основаніе зданія и даже можетъ зажечь оное.

Желѣза для составленія нижней части отводовъ рекомендовать не можно; потому что лежа безпрестанно въ сырости, оно весьма удобно можетъ превратиться въ окись и сдѣлаться неспособнымъ для провожденія молніи. Покрытіе лакомъ или оливою мало принесетъ пользы. Благородные металлы, даже самая мѣдь, стоятъ большихъ издержекъ и могутъ подавать поводъ къ хищничеству.

Вообще ничего выгоднѣе для нижней части отводовъ избрать не льзя, какъ уголь. Вещество сіе, по всѣмъ доселѣ учиненнымъ опытамъ, принадлежитъ къ лучшимъ проводникамъ искусственнаго Электричества, слѣдственно и молніи; особливо увеличивается сія способность угля отъ всасыванія онымъ въ себя воды, которая въ немъ и въ самую сухую погоду болѣе или менѣе содержится; преимущественно въ землѣ уголь будетъ безпрестанно мокръ.

Отъ конца средней части отвода, простирающагося на нѣсколько аршинъ косвенно отъ зданія въ землю, должно врыть постепенно углубляющіяся и въ разныхъ направленіяхъ идущія, удаляясь отъ зданія, хорошо обожженныя бревна или жерди, и наблюдать, чтобъ каждая шаковая обожженная жердь или бревно плотно соединено было, посредствомъ металла, съ концемъ средней части отвода.

Такимъ образомъ молніи доставятся многіе пути для немедленнаго по землѣ

распространенія — и опасность отъ основанія зданій вовсе удалена будетъ.

Бояться того, чтобъ уголь отъ проходящей чрезъ него молніи не загорѣлся, значило бы незнать тѣхъ условій, кои для возгаранія тѣлъ необходимо нужны; безъ воздуха не только не горятъ тѣла, но и горящія мгновенно гаснутъ; въ землѣ же хотя и есть воздухъ, но его такъ мало и при томъ онъ такого качества, что вовсе къ произведенію горѣнія не способенъ. Сверхъ того уголь безпрестанно будетъ мокръ.

Не смотря на то, что несомнѣнность пользы громовыхъ отводовъ, давно уже доказана многочисленными и убѣдительными опытами и наблюденіями, доселѣ еще въ Отечествѣ нашемъ въ Губернскихъ, Уѣздныхъ городахъ, въ слободахъ и селеніяхъ вовсе не находимъ предохранительныхъ способовъ отъ ударовъ молніи. Между тѣмъ едва ли проходитъ одно лѣто, чтобъ многія деревни, даже большія слободы,

особливо въ южныхъ краяхъ Россіи, не были обращены въ пепелъ губительнымъ огнемъ молніи и несчастныя семейства мирныхъ поселянъ не подвергнулись бы бѣдствіямъ и нищетѣ. У одного молнія сожигаетъ жилницу, лишаетъ его на цѣлой годъ насущнаго хлѣба, у другаго уничтожаетъ въ прахъ стоги сѣна и соломы и отнимаетъ тѣмъ возможность содержать необходимыхъ ему помощниковъ и сотрудниковъ. Сихъ примѣровъ столь много, что большая часть читателей вѣроятно бывали сами очевидными ихъ свидѣтелями. Мнѣ извѣстно, что въ одномъ Уѣздѣ прошлаго году на небольшомъ пространствѣ, въ 17 деревняхъ — былъ пожаръ отъ молніи. Судя по сему, еслибъ исчислить всѣ несчастія, отъ нея въ пространномъ Отечествѣ нашемъ случившіяся, то какимъ ужасомъ наполнилось бы сердце всякаго! Опустошенія, причиняемыя молніею, можетъ быть многочисленнѣе нежели опустошенія самой войны, а потому,

если прочность благосостоянія народа требуетъ, чтобъ члены общества — огнемъ, мечемъ и всѣми возможными мѣрами старались отвратить зло, наносимое непріятелемъ: то не менѣе должны они вооружаться и противу молніи! Благодаря друзьямъ человѣчества и Наукъ — не нужно въ послѣднемъ случаѣ ни такихъ мѣръ, ни такихъ пожертвованій, какъ въ первомъ.

Для богатыхъ предложены уже громовые отводы, а для бѣдныхъ можемъ рекомендовать слѣдующіе, весьма мало стоющіе, предохранительные способы.

Мы замѣтили, что уголь есть хорошій проводникъ Электричества. Основываясь на семъ, можно съ великою пользою употребить его для составленія цѣльныхъ громовыхъ отводовъ, въ селеніяхъ небогатыхъ поселянъ.

Для сей цѣли должно, на разстояніи нѣсколькихъ саженей, отъ каждаго крестьянскаго дома, жилни-

цы, овина и проч. вкопать въ землю перпендикулярно, хорошо обожженный столбъ. Судя по обширности дома, иногда нужно и со всѣхъ его сторонъ, наипаче ошкуда чаще приходятъ тучи, поставить по таковому столбу. Впрочемъ потребность числа столбовъ основывается на такой же пропорціи къ обширности дома, какая показана при отводныхъ шестахъ. Столбы должны быть выше домовъ — и чѣмъ выше, тѣмъ лучше. На верхнемъ концѣ каждаго надлежитъ вколотить металлическое остроконечіе, а отъ нижняго врыть въ землю, какъ и при настоящихъ отводахъ, обожженныя жерди въ разныхъ направленіяхъ, и соединить каждую изъ нихъ со столбомъ небольшою металлическою полосою.

Само собою явствуетъ, что таковое устроеніе въ сущности своей есть громовый отводъ, но только отдѣленный отъ строенія и не столь прочный, какъ настоящій. Все это такъ просто и дешево, что каждый поселянинъ мо-

жешъ произвесшь на самомъ дѣлѣ; только слѣдуешъ внушишь, чшобы сполбовъ сихъ не ставишь близко къ предмешамъ, могущимъ загарашься; въ прошивномъ случаѣ они послужашъ къ пущей пагубѣ. Разсшояніе сіе вообще должно бышь шаково, чшобы въ случаѣ воспламененія сполба, не могли опъ него загорѣшься сшроенія.

Такимъ же образомъ можно предохранишь сѣнные сшоги и хлѣбныя копны съ шою разносшію, чшо здѣсь, равно какъ и при хижинахъ покрышыхъ соломою, разсшояніе ошвода опъ сохраняемаго предмеша должно бышь гораздо далѣе.

Польза шакихъ предохранишельныхъ способовъ, оправдываешся какъ шеоріею громовыхъ ошводовъ, шакъ и самими наблюденіями. Сколько разъ случалось видѣшь, чшо молнія, миновавъ домъ ударяла въ колодезную бабину, сшоявшую въ нѣсколькихъ опъ него саженяхъ, расчепляла ее на мелкія часши, а домъ оспавался ни мало не по-

вреждennымъ? — Сіе наблюденіе показываетъ, что гдѣ имѣются таковыя колодезныя бабины, тамъ онѣ могутъ замѣнять угольные отводные столбы, если будутъ приготовлены такимъ же образомъ какъ сіи послѣднія.

Если угольный отводъ отъ молніи разрушится или сгоритъ, то сіе послужитъ доказательствомъ его пользы, и не только не должно ужасать поселянъ, но ободрять ставить немедленно на томъ же мѣстѣ таковой же новый столбъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Правительство, съ такою ревностію пекущееся о благѣ и спокойствіи каждаго, обратитъ вниманіе на сіи общеполезные труды Власова, и убѣдившись въ справедливости оныхъ — его же можетъ употребитъ для приведенія ихъ въ исполненіе, какъ въ столицѣ, такъ и въ окрестныхъ казенныхъ селеніяхъ. И если сначала сіи благодѣтельныя мѣры

навлекутъ сомнѣніе невѣждъ, — но скоро спасительные примѣры заставятъ всѣхъ убѣдиться въ пользѣ оныхъ. По несовершенству человѣчества все должно и лучше доказывать примѣрами. Одинъ пріятель мой купилъ имѣніе въ Тульской Губерніи. Видя, что хлѣбъ, какъ у него, такъ и у мужиковъ, иногда худо родится, онъ совѣтывалъ поселянамъ унавоживать землю; но какъ сіе было для нихъ ново и они показали сомнѣніе, то онъ велѣлъ имъ навозъ ихъ, вмѣсто того, чтобъ кидать въ оврагъ, какъ то дѣлалось прежде, возить на его собственныя поля, платя имъ по гривнѣ за каждый возъ. Мужики были очень довольны, а у барина каждый годъ былъ прекрасный хлѣбъ, между тѣмъ какъ у нихъ случились неурожаи. Наконецъ, черезъ четыре года, поселяне пришли просить помѣщика о позволеніи возить навозъ ихъ на свои поля. — Весьма вѣроятно, что тоже будетъ и съ нашими громовыми отводами.

Нынѣ пріемленая теорія громовыхъ отводовъ.

Со времени открытія электричества состоялось великое множество разныхъ о немъ теорій, слѣдственно о молніи и громовыхъ отводахъ. Гипотезы на сей конецъ выдуманныя частію казались одна другой удовлетворительнѣе, а нѣкоторыя другъ другу противорѣчущими. Господствующее нынѣ общее мнѣніе есть то, что въ тѣлахъ Природы содержатся два противоположныя электричества: положительное и отрицательное, соединенныя между собою въ такомъ содержаніи, что продуктъ, изъ соединенія ихъ происшедшій, неспособенъ производить дѣйствій положительному, или отрицательному электричеству въ отдѣльности свойственныхъ, а на мѣсто того сосуществляется самымъ тѣламъ и пребываетъ въ нихъ вовсе неподлежащимъ чувствамъ нашимъ. Если въ какомъ

либо тѣлѣ сказанная пропорція (равновѣсіе) обоихъ электричествъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ нарушается: то или положительное, или отрицательное электричество начинаетъ оказывать свойственныя ему дѣйствія, и тѣмъ сильнѣйшія, чѣмъ потребныя къ тому условія будутъ болѣе и долѣе благопріятствовать.

Тому и другому электричеству общія дѣйствія удовлетворительныя для уразумѣнія нынѣ пріемлемой теоріи громовыхъ отводовъ — суть: 1) перехожденіе возбужденнаго въ какомъ либо тѣлѣ электричества въ другія индифферентныя тѣла, (на пр. изъ кондуктора въ палецъ.); 2) Равное стремленіе ко взаимному, положительнаго съ отрицательнымъ электричествомъ и на оборотъ, соединенію; (на пр. при разрядѣ Лейденской баттареи, гдѣ равное число каретъ, со стороны того и другаго электричества. Въ противоположномъ направленіи пробитыхъ, показываетъ, что

положительное и отрицательное Электричество равномѣрно одно къ другому спремятся.) 3) Способность проходить въ первомъ и второмъ случаѣ по лучшимъ проводникамъ, ни мало не вредитъ шѣламъ, когда проводники непрерывное имѣютъ продолженіе и, когда они прерываются худо проводящими шѣлами — разрушаетъ, воспламеняетъ сіи послѣднія и проч.

Если громовое облако, содержащее въ себѣ болѣе или менѣе положительнаго, или отрицательнаго электричества приближится на извѣстное разстояніе, къ отводу: то электричество изъ облака въ остроконечіе отвода переходитъ либо тихою, малоощутительною струею, либо съ ударомъ въ видѣ молніи. Первой родъ перехожденія бываетъ изъ медленно движущихся и слабо наэлектризованныхъ облаковъ; второй при проливныхъ обстоятельствахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ облако обезоруживается. Молнія отъ остроконечія отвода по не-

прерывному металлу — наилучшему проводнику своему — ни мало не вредя зданію, проходишъ въ землю и разсѣваешся по оной. Такимъ образомъ громовые удары, по ходу облака, долженствовавшіе упасть въ зданіе, разрушить, зажечь оное и погасить жизнь обитателей, воспріемлются поставленнымъ на зданіи отводомъ и проводятся подлѣ самыхъ стѣнъ безъ малѣйшаго вреда.

Изложенная вкратцѣ сія теорія Электричества и громовыхъ отводовъ при всей кажущейся удовлетворительности есть не иное что, какъ довольно хорошо приноровленная къ изъясненію дѣйствій Электричества гипотеза. Истинное дознаніе происхожденія и сущности электрической жидкости, слѣдственно и правильное изъясненіе дѣйствій, явленій оной доселѣ убѣгало отъ проницательнаго взора Естествоиспытателей; — по сему и не было до-

нынѣ справедливаго понятія о томъ, какимъ образомъ громовые отводы обезоруживаютъ грозу. — Власовъ нѣсколько лѣтъ занимался производствомъ многоразличныхъ опытовъ надъ искуственнымъ Электричествомъ и наблюденіями надъ естественнымъ, употребилъ множество трудовъ и издержекъ, и разстроилъ даже свое здоровье. Наконецъ цѣль желанія его достигнулъ, — и онъ, смѣло можно сказать, открылъ тайну Электричества и всѣхъ оттуда проистекающихъ явленій, тайну, которая не будетъ болѣе камнемъ преткновенія. Послѣдствія занятій его по сему предмету представилъ онъ ученому свѣту въ особенномъ систематическомъ сочиненіи, которое имѣетъ быть напечатано вдругъ, или по частямъ, смотря какъ позволятъ обстоятельства. Теперь же предварительно почитаемъ нужнымъ присовокупить здѣсь токмо однѣ голыя положенія новой его теоріи Электричества.

Что касается до устроенія громовыхъ отводовъ, здѣсь предложеннаго: то оно согласно во всѣхъ отношеніяхъ, какъ съ мнѣніемъ донынѣ у Физиковъ объ Электричествѣ господствующимъ, такъ и съ его объ ономъ теоріею. Разность состоитъ лишь въ изъясненіи образа, какимъ чрезъ отводы обезоруживаются громовыя тучи.

Сіе по разности обстоятельствъ происходитъ нрожимъ образомъ:

1. Если того или другаго одноименнаго Электричества въ окружности зданія, въ землѣ и другихъ окружающихъ оное предметахъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, скопится нарочитое количество: то оно чрезъ отводъ изъ остроконечія непримѣтною струею переходитъ въ воздухъ; зданіе и земля, на коей оно стоитъ, придутъ въ индифферентивное Электрическое состояніе. По сему хотя бы потомъ и проходило вблизи облако, заряженное Электричествомъ противоположнымъ тому, коимъ наэлек-

шризовано было зданіе: но здѣсь не будетъ уже того сильнаго пришяженія, свойственнаго разноименнымъ полюсамъ электричества, — слѣдственно ударъ молніи или вовсе не послѣдуетъ, или.

2. Буде облако содержитъ въ себѣ весьма много Электричества, сіе послѣднее перейдетъ въ отводъ тогмо по простому стремленію, разсѣвалсь въ хорошихъ проводникахъ своихъ, а не по привлеченію къ противоположному себѣ полюсу, — слѣдственно съ весьма малою силою, такъ какъ переходитъ оно изъ кондуктора въ палецъ.

3. Наконецъ отводы оказываютъ самую важную услугу въ тѣхъ случаяхъ, когда облако и зданіе, надъ коимъ оно несется, заряжены противоположными Электричествами. Тогда только удары бываютъ самые сильнѣйшіе; ибо здѣсь происходитъ дѣйствіе разнородныхъ Электричествъ, точно такое, какъ при разряженіи Электрической баттареи, (само собою разумѣет-

ся, въ несравненно большемъ видѣ,) одну обкладку коей представляетъ здѣсь облако, другую земля, а отводы исправляютъ должность разрядника — и соединеніе противоположныхъ Электричествъ, по разнымъ обстоятельствамъ, бываетъ проякимъ образомъ: а) между облакомъ и отводомъ, либо b) въ самомъ отводѣ, либо c) въ землѣ. Первый и послѣдній случай суть самые безопаснѣйшіе, а во второмъ предполагаетъ опасность разплавленія, или разрушенія отвода, если онъ будетъ не пропорціонально тонокъ къ количеству соединяющихся въ немъ разнородныхъ Электричествъ.

Главныя положенія новой теоріи о сущности и образованіи воздушнаго и искуствомъ восбуждаемаго Электричества, изъясняющей удовлетворительнѣйшимъ образомъ всѣ явленія онымъ производимыя.

1. Электричество есть чрезвычайно тонкое и упругое вещество, происходящее изъ взаимнаго между собою химическаго соединенія теплотвора и свѣтотвора.

2. Различіе огня и Электричества зависитъ отъ того, что въ первомъ теплотворъ и свѣтотворъ находятся въ механическомъ смѣшеніи, а во второмъ въ химическомъ соединеніи.

3. Какъ огонь, такъ и Электричество при разныхъ условіяхъ могутъ имѣть въ составѣ своемъ весьма различныя пропорціи теплотвора по количеству, а свѣтотвора по количеству и качеству; отъ чего и происходитъ великое множество разныхъ

видовъ огня, и разносшей Электричества.

4. Электрической жидкости, постоянно существующей, въ природѣ нѣтъ, а образуется она временно при извѣстныхъ химическихъ процессахъ чрезъ составленіе.

5. Образованіе Электричества есть химическій процессъ, основывающійся на различномъ взаимномъ сродствѣ между теплотворомъ и разными частями свѣтотвора.

6. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ одно время свѣтотворъ и теплотворъ съ извѣстною медленностію совершенно освобождаются изъ тѣлъ при взаимныхъ химическихъ дѣйствіяхъ сихъ послѣднихъ, происходитъ составленіе Электричества, или (что можетъ быть одно и тоже) гальванической жидкости, а гдѣ съ извѣстною скоростію совокупно теплотворъ и свѣтотворъ отдѣляются, тамъ лишь весьма малая часть ихъ вступаетъ въ химическое между собою соединеніе

для образованія Электричества, а весь прочій свѣтотворъ и теплотворъ въ механическомъ смѣшеніи образуя огонь, разсѣвается по окружающимъ тѣламъ.

7. Количество составленія Электричества соразмѣряется количеству, а можетъ быть и качеству освобождающагося свѣтотвора изъ тѣлъ, при химическомъ измѣненіи коихъ оно образуется, и главнѣйше зависитъ отъ прохожденія его самаго чрезъ атмосферный воздухъ въ видѣ тончайшихъ струй.

8. Электричество въ точкѣ первоначальнаго своего образованія бываетъ совершенно однородное; но распространяясь отъ точки сей въ видѣ безчисленныхъ лучей (на подобіе лучей свѣта происходящихъ отъ свѣтящагося тѣла) во всѣ стороны и проходя чрезъ воздухъ, отъ освобожденія изъ сего послѣдняго теплотвора и свѣтотвора при постепенномъ окисленіи селитротвора, на всякой точкѣ пути, прохо-

димаго каждымъ лучемъ, получаетъ новую пропорцію сосставныхъ частицей своихъ — и потому постепенно дѣлается разнороднѣе. Изъ сего явствуетъ, что электрическая жидкость въ атмосферномъ воздухѣ, не привлекаясь лучными проводниками должна образовать сферическую фигуру, которой центръ однороденъ, а всѣ почки каждыхъ двухъ противоположныхъ радіусовъ собственно и всякаго въ отдѣльности относительно суть разнородны, въ прямомъ содержаніи разстояній между собою.

Примѣч. Доселѣ полагали, что два только находятся въ природѣ разнородныя Электричества, или полюсы: положительный и отрицательный; между тѣмъ какъ разныхъ пропорцій химич. соединенія шелковица и свѣта можетъ быть безчисленное множество — слѣдственно и разнородныхъ Электричествъ. Названія — положительный и отрицательный, по общей къ онымъ привычкѣ, мы удер-

живаемъ, и будемъ разумѣть подъ ними относительно или собственно разнородныя Электричества.

9. При составленіи электрической жидкости какого либо одного рода, въ тоже самое время неотмѣнно образуется и другая собственно съ нею разнородная или противоположная — при томъ въ содержаніи совершенно соотвѣтствующемъ первой.

10. Всякая электрическая жидкость съ каждою другой болѣе или менѣе въ отношеніи къ ней разнородною, въ прямомъ содержаніи степени разнородія, стремится соединяться. Отсюда и происходитъ, что каждый радіусъ сферы, образуемой електрическою жидкостію съ другимъ ему противоположеннымъ, равно какъ части одного и того же радіуса одна съ другою могутъ соединяться между собою лишь тогда противоположными концами относительнаго положенія или полюсами, а не каждая часть съ другою непосредственно подлѣ нее лежащею, —

слѣдственно въ направленіи отъ центра къ периферіи, а не на оборотъ.

11. Стремленіе электрическихъ жидкостей, или полюсовъ электричества, соединяться, есть слѣдствіе притяженія между составными частями ихъ.

12. Электрическая жидкость, встрѣчая лучшій проводникъ, оставляетъ сферическій видъ свой и, проходя чрезъ проводникъ, принимаетъ его фигуру и направленіе.

13. Способность тѣлъ, проводить электрическую жидкость, зависитъ отъ притяженія ихъ къ теплотвору; почему лучшіе проводники теплотвора и Электричества суть одни и тѣже.

Примѣч. Хотя уголь почитаютъ худшимъ проводникомъ теплотвора, а причисляютъ къ лучшимъ проводникамъ Электричества; но, естьли сравнишь скорость прохожденія Электричества и теплотвора чрезъ общіе имъ лучшіе проводники; то ясно увидимъ, что Электричество и теплотворъ

углемъ проводятся, хотя съ различною удобностію, но совершенно пропорціональною къ удобности провожденія того и другаго, замѣчаемой нами въ металлахъ. Ибо въ углѣ почти въ чистомъ видѣ содержатся металлическія частицы.

14. Полюсы каждой электрической сферы могутъ быть отдѣляемы одинъ отъ другаго посредствомъ хорошихъ проводниковъ на произвольное разстояніе.

15. Всѣ явленія, при прохожденіи и соединеніи полюсовъ случающіяся суть дѣйствія составныхъ частей Электричества и чрезвычайной упругости, ему свойственной.

16. При соединеніи полюсовъ происходитъ разложеніе электрической жидкости по избирательному сродству и образуется огонь.

При окончаніи статьи сей весьма полезно будетъ, кажется, исполко-

вать и опровергнуть нѣкоторыя ложныя простонародныя понятія о громѣ и молніи и о предосторожностяхъ противу нихъ.

1. Окошки закрывать во время грозы весьма благоразумно, ибо воздухъ при сквозномъ вѣтрѣ, быстро спремясь въ открытое окошко, сжимается, и сгущая водяныя частицы въ немъ находящіяся, составляетъ необходимо лучшій проводникъ для Электричества, чѣмъ самый воздухъ.

2. Громъ большею частію бьетъ въ печныя трубы потому, что въ оныхъ находится сажа, которая есть ничто иное какъ уголь, а сей послѣдній, извѣстно, есть лучшій проводникъ Электричества, чѣмъ дерево.

3. Скрываться отъ молніи подъ деревомъ не должно, равномѣрно довольно основательно удаляться во время грозы отъ всѣхъ животныхъ, выключая самомалѣйшихъ, первое потому что дерево по высотѣ своей, по сказанной теоріи, и содержа въ себѣ

влажность и острые углы — имѣетъ привлеченіе Электричества, а второе — приближеніе лошади, коровы или другихъ животныхъ, увеличивая массу проводника Электричества, натурально болѣе привлекаетъ, какъ выходящею изъ нихъ испариною, такъ и огромностію тѣла, содержащаго въ себѣ жидкости, и чрезъ то скорѣе можетъ произойти разряженіе противуположныхъ Электричествъ.

ПРОГУЛКА

НА

ВАСИЛЬЕВСКОЙ ОСТРОВЪ.

The suffrage of the wise
The praise that's worth ambition, is attain'd
By sense alone, and dignity of mind.

Armstrong.

Давно я не дѣлалъ столь пріятной, и, смѣю сказать — полезной прогулки, какъ вчерашняго дня. Поставивъ себѣ обязанностію не пропускать ни одного случая, когда могу видѣть что либо новое, или узнать заслуживающее вниманія — я пустился въ шесть часовъ послѣ обѣда на дачу къ Ив. Ив. Маршынову, что въ 11ой линіи у меньшаго Проспекта— осмотрѣть выкрашенныя крышки по составу Г. Власова; и съ удовольствіемъ поспѣшаю описать сіе общеполезное открытіе нашего Хими-

ка, сей новый случай, оправдывающій наши на счетъ его ожиданія. !

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ив. Ив. Маршыновъ, благородный виновникъ счастія Власова, не удовольствовался тѣмъ, что извлекъ сего Питомца Природы изъ ничтожества, (*) но открывъ въ немъ необыкновенный талантъ къ Химіи, умъ дѣятельный, терпѣливый, старался показать ему настоящую цѣль его способностей: Ив. Ивановичь предлагалъ Власову различные предметы, драгоцѣнные въ общежитіи, къ усовершенствованію. Въ томъ числѣ совѣтывалъ ему постараться замѣнить масло, употребляемое при крашеніи крышекъ и заборовъ, какимъ нибудь веществомъ, содержащимъ подобныя свойства и до-

(*) Ив. Ив. Маршынову поручено было отъ Министра просвѣщенія, коего былъ онъ Директоромъ Канцеляріи, разсмотрѣть, достоинъ ли Власовъ *Монаршей* милости — быть помѣщеннымъ въ Медицинскую Коллегію *ученикомъ!*

спокойства, по которое бы было несравненно онаго дешевле. Послѣ многихъ опытовъ, коихъ неудачу можно намъ же видѣть, и которые доказываютъ сколь много нужно терпѣнія, постоянства, для совершеннаго успѣху въ Химіи, до достиженія коего испытатели подвергаются не рѣдко насмѣшкамъ и сомнѣніямъ, что было и въ семъ случаѣ — Власовъ наконецъ удовлетворилъ во всемъ смыслѣ сему важному предпріятію.

Выкрашенная имъ кровля, не смотря на позднее время года, уже третій годъ сопротивляется стихіямъ, и краска на ней такъ свѣжа, какъ будто нѣсколько дней крышка была выкрашена, между тѣмъ, какъ другая половина ея выкрашенная въ то же время обыкновеннымъ образомъ маляромъ на постномъ маслѣ и два раза, — очень много полиняла. Сверхъ того ведро состава Власова стоитъ 20 копѣекъ, а ведро постнаго масла хорошо уваренаго — 20 рублей! — Естьли сожали-

нельно, что сіе важное открытіе, могущее ежегодно сохранить въ Государствѣ нашемъ нѣсколько милліоновъ рублей, оставалось въ невѣденіи два года, то по крайней мѣрѣ теперь на опытѣ можно лучше удостовѣриться въ его достоинствѣ, ибо, вѣроятно, Иванъ Ивановичь всякому любопытствующему позволитъ видѣть образцы крашенія Власова. Не можемъ и при семъ случаѣ незамѣтить съ пріятною гордостію, что намъ довольно часто случается встрѣчать между Русскими подобныя свидѣтельства талантовъ и добродѣтели — оставающихся такимъ образомъ скрытыми, но сіе конечно, ни отъ чего другаго, какъ отъ избытка и національной скромности! А что всего похвальнѣе для Власова, славнѣе для общаго характера нашего, это то, что не смотря на выгоды, кои могло бы доставить ему сіе важное открытіе, естьлибъ захотѣлъ онъ воспользоваться правами привиллегіи, выгоды, которыя бы могли извлечь его

изъ бѣдности, не позволяющей часто заниматься даже опытами — Власовъ жертвуетъ трудами своими общей пользѣ, и открываетъ изобрѣтеніе свое любезнымъ соотечественникамъ— изъ удовольствія быть имъ полезнымъ, изъ счастія—заслужить ихъ спасибо! Вотъ истинная награда для Русскаго— оставимъ искать привиллегій, монополій чужеземцамъ!

Власовъ вмѣсто постнаго масла употребляетъ клесперъ, сваренный изъ ржаной муки, на что можетъ быть взята даже испорченная и прогорькая. Доброту сего состава онъ основываетъ на слѣдующихъ ближайшихъ составныхъ частяхъ ржаной муки: она состоитъ изъ четырехъ веществъ, именно: 1) Cola (растительный клей), 2) Albumen (бѣлковатое вещество) 3) Sacharum farini (мучный сахаръ) и 4) Amilgum (крахмалъ). Первыя два вещества сварившись не растворяются, ни въ холодной ни въ кипячей водѣ, а два послѣднія составляютъ густую мягкую

массу, и хотя при началѣ отъ мокроты нѣсколько линяютъ по извѣстному ихъ свойству, но растительный клей и бѣлковатое вещество засыхаетъ вмѣстѣ съ ними при теплотѣ воздуха и такъ твердѣетъ скоро, что въ послѣдствіи вещества сіи по нерастворительности своей, ни сколько не уступаютъ всякаго рода масламъ.

И такъ зная свойства упомянутыхъ пѣлъ, надлежитъ поступать слѣдующимъ образомъ: взять четыре фунта (и болѣе, естьли кому нужно гуще и крѣпче) ржаной муки, и наливъ на нее ведро воды, кипятить и мѣшать до тѣхъ поръ, пока совершенно не разварится и не останется наималѣйшихъ плотныхъ и твердыхъ частицъ въ мукѣ; потомъ слѣдуетъ мало-по-малу класть въ тотъ же котелъ краску и также безпрестанно мѣшать. Количество краски зависитъ отъ произволу: чѣмъ болѣе ея, тѣмъ она гуще и сильнѣе; притомъ стараться красить веществомъ симъ,

когда оно бываетъ еще горячо, и при хорошей погодѣ.

Ясно видѣшь можно, сколь великую пользу доставитъ сіе открытіе въ общественномъ быту. Тамъ, гдѣ требовалось бы 2,000 рублей на постное масло — нужно будетъ только 20 рублей на муку, и составомъ симъ съ одинаковою прочностію можно покрывать какъ желѣзныя и деревянныя крышки, такъ и заборы.

Давно уже обращаемо было вниманіе на сію важную вѣтвь общественной Экономіи и предлагаемы въ замѣну масла различныя вещества, какъ то: сельдяные и огурцовые росолы, растворъ поваренной соли и желѣзнаго купороса и проч.; но всѣ сіи вещества оказались неудовлетворительными — и кажется Лавръ полезнаго сего открытія будетъ принадлежать Г. Власову. Для Россіи нѣтъ чувствительнѣе польза сего открытія, что нѣтъ земли на Свѣтѣ, гдѣ болѣебъ употреблялось постное масло въ пищу; а по-

слѣ сего сколь много другихъ нуждъ и выгодъ будетъ удовлетворяться съ большею удобностію и дешевизною, какъ-то — освѣщеніе городовъ, крашеніе внутреннихъ частей домовъ и проч.

Замѣчу при семъ, что и красная краска, коею выкрашена крышка на домѣ у Г. Маршынова – есть также изобрѣтеніе Г. Власова и обрабатывается нынѣ съ величайшею выгодою при С. П. бургскомъ монетномъ дворѣ. Она несравненно дешевле Шведской черники, а добротою ей ни сколько не уступаетъ.

Какъ все это просто, скажутъ многіе; здѣсь нѣтъ ничего мудренова, повторятъ другіе. — Точно такъ, М. Г., да и поставитъ яицо, по предложенію Коломба, было весьма просто? Власовъ знаетъ одну практику! — кричатъ завистники. Ошибаетесь, очень ошибаетесь, господа! Впрочемъ Химію весьма близко можно уподобить Фехтованію. Совсѣмъ теоретическимъ

знаніемъ искусства древнихъ и новыхъ рыцарей, никто не въ состояніи отразить легчайшаго нападенія умѣющаго фехтовать; такъ и въ Химіи, чтобъ быть хорошимъ Химикомъ должно быть и искуснымъ Лаборантомъ!

ПАРОВЫЯ ТЕПЛИЦЫ.

26 *Ноября* 1818.

Какъ странникъ, блуждающій по степямъ Аравійскимъ, приходитъ въ восторгъ найдя зеленѣющуюся рощу, или струящійся ручей, такъ Историкъ Петербурга радуется, встрѣчая у частныхъ людей общеполезныя заведенія, открытія клонящіяся ко благу Отечества, къ усовершенствованію благодѣтельныхъ изобрѣтеній, и удовольствіе его тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ пріятнѣе, когда найдетъ онъ ихъ въ кругу людей, почитающихъ большею частію (по ложнымъ понятіямъ свѣта) неприличнымъ званію своему заниматься ни чемъ другимъ, кромѣ выполненія условныхъ обязанностей свѣтской жизни, все другое — унижающимъ знатность ихъ рода, полагающихъ долгъ свой и опредѣленіе суще-

ствованія въ полученіи однихъ пиллъ на слезы лести и коварства!

На дняхъ я разсматривалъ паровую теплицу у Графа Дмитрія Александровича Зубова, и поспѣшаю дать соотечественникамъ моимъ сколь можно полное понятіе, о семъ полезномъ и прекрасномъ заведеніи. Его можно, по всей справедливости, признать изобрѣтеніемъ Графа Зубова; ибо хотя въ Англіи уже болѣе 20 лѣтъ употребляютъ способъ нагрѣвать теплицы помощію паровъ; но образъ устроенія тепличныхъ ящиковъ, въ кои проводятся пары, совершенно различествуетъ отъ нашего, несравненно многосложнѣе, дороже постройкою и не заключаетъ толикихъ выгодъ и преимуществъ. Графъ Зубовъ, уничтоживъ кирпичные своды, безчисленное множество мѣдныхъ проводниковъ, трубъ, кранова, аспидныхъ досокъ и прочаго, требовавшаго по методѣ Г. Вакерфильда, коей доселѣ слѣдуютъ въ Англіи, Франціи и Германіи, достигъ того

совершенства, которое знаменуется во всѣхъ вещахъ печатію простоты и дешевизною. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ паровую теплицу Графа Зубова, всякой можетъ, не бывъ Химикомъ и Механикомъ, устроить у себя подобную.

Она длиною 8 сажень и около трехъ шириною. Посреди поставлена небольшая низенькая печка съ паровымъ котломъ въ 16 ведеръ; изъ него въ обѣ стороны проведены горизонтально двѣ мѣдныя трубки, въ палецъ толщины и имѣющія во всю длину проколотыя по бокамъ дирочки, въ ящики или плотно сдѣланные и уконопаченные парники, изъ коихъ каждой въ три сажени длины. На дно сихъ ящиковъ налита на два вершка вода, которая нагрѣвается парами, выходящими изъ вышесказанныхъ трубочекъ. При семъ наблюдать должно, чтобъ вода не покрывала ихъ выше двухъ пальцовъ, дабы излишнею влагостію воды не потребовалось болѣе усилія паровъ, а слѣдовательно

больше и дровъ для нагрѣванія котлаъ. На два вершка отъ горизонту воды насланы поперегъ доски съ наверченными круглыми дирочками и покрыты мешлами въ три ряда (*) (вдоль и поперегъ). На нихъ уже насыпана хорошая садовая земля въ полъаршина толщины, въ которую и посажены ананасы.

Паровой котелъ есть самой простой методы, и каждый мѣдникъ въ состояніи сдѣлать его.

Выгоды и преимущества паровой теплицы предъ обыкновенными состоятъ въ слѣдующемъ:

Дровъ для топленія издерживается по крайней мѣрѣ въ половину менѣе. Печь топится чрезъ два или три дни разъ.

Навозу и коры вовсе не нужно. Сіи двѣ необходимости для обыкновенныхъ

(*) Мешлы или вѣники безъ листьевъ кладутся для двухъ причинъ: 1) для того, чтобъ удержать землю несыпаться въ воду, и 2) чтобъ удобнѣе въ нея проходилъ паръ.

теплицъ нерѣдко останавливаютъ помѣщиковъ заводить ихъ въ Губерніяхъ, гдѣ первый весьма нуженъ для удобренія полей, а другой по близости не находится.

Несравненное уменьшеніе рукъ и трудовъ; ибо требуется единожды только дополнить то количество земли, которое осядетъ, а не нужно перемѣнять навозу и коры, какъ то дѣлается въ обыкновенныхъ теплицахъ по нѣскольку разъ, а потому и переставлять горшковъ съ мѣста на мѣсто; такъ же не нужно поливать ихъ и перетирать каждый мѣсяцъ растѣнія для предохраненія отъ насѣкомыхъ и зеленоватой плесневатни. По той же причинѣ не нужно никогда окуривать ихъ. Такимъ образомъ за теплицею у Графа Зубова смотритъ нынѣ одинъ садовникъ, а прежде требовалось до 5 работниковъ.

Но главная, существенная выгода сего изобрѣтенія состоитъ въ томъ, что человѣкъ имѣетъ теперь въ своей

власти столько тепла, сколько нужно для самыхъ тропическихъ растѣній, требующихъ такого жару, котораго не можетъ произвесть ни навозъ, ни кора; онъ получилъ въ свое распоряженіе, такъ сказать, пламя Везувія и Этны; паровая теплота сверхъ того заключаетъ въ себѣ столько благотворной влаги для прозебанія, что сколько бы она ни была возвышена, не можетъ изсушить и сожечь растѣній, какъ то бываетъ отъ сухова тепла.

Съ первымъ шагомъ въ паровую теплицу — почувствуешь ароматы и свѣжесть воздуха подобную той, которую ощущаешь весною послѣ теплаго дождика; замѣтимъ тотчасъ же пріятную и вмѣстѣ яркую зелень растѣній, изображающую тучность и силу ихъ. Съ утра въ теплицѣ распространяется густой туманъ, который къ полдню превращается въ живительную мелкую росу, орошающую всѣ части растѣній благотворною влагою. Не видно ли въ семъ феноменѣ теченіе

Природы, начертанное премудрымъ Создателемъ, которое столь ревностно мы стараемся постигать?

Удивимся, найдя въ столь раннее время, на всѣхъ растѣніяхъ густую зелень, Американскіе голубые цвѣты, (Ruilia Farianies) Китайскія розы, крины и лилейныя нарцисы, (*) равиное растѣніе, и проч. во всемъ блескѣ красоты ихъ и благоухающими какъ подъ небомъ Южной Америки. Къ большему доказательству чистоты и легкости воздуха можетъ послужить и то, что канарейки, кои не могутъ въ обыкновенныхъ теплицахъ жить болѣе трехъ дней отъ сырости и зловоннаго запаху, исходящаго отъ горенія навозу, здѣсь чрезвычайно веселы, игривы и поютъ безпрестанно. Паровая влажность не производитъ обыкновенной капели, и теплота въ воздухѣ держится почти въпрое долѣе; земля въ ящикахъ все-

(*) Въ обыкновенныхъ теплицахъ растѣнія сіи не разцвѣтаютъ прежде Марта мѣсяца.

гда пухлая, чистая и, не имѣя гнилаго броженія, не производитъ гадинъ и червей, находящихся обыкновенно въ навозѣ и точущихъ корни, кои здѣсь такъ же столь бѣлы и шверды, какъ у растѣній, произрастающихъ въ долинахъ Южнаго Пояса.

Нужно еще сдѣлать о паровыхъ теплицахъ слѣдующія примѣчанія, выведенныя изъ опыта. При 40 градусахъ тепла въ землѣ всѣ растѣнія истребляются; при 30, Американскія и Азіатскія существуютъ въ лучшемъ видѣ, пары разтворяя поры растѣнія утучняютъ ее несказанно. 38 Градусовъ внѣшняго тепла не дѣлаютъ имъ вреда; на навозѣ при 30 градусахъ тепла сохнетъ и истребляется совершенно всякое растѣніе.

Когда въ водѣ находится 50 градусовъ тепла, то въ землѣ дѣлается 30 градусовъ, и оно не простываетъ въ умѣренной холодъ четыре и болѣе дней, въ морозы же въ три дни. По термометру, который должно класть въ землю

до хворосту, видно, когда нужно убавишь жару чрезъ отдушины, и тогда обращается онъ въ благотворную росу.

Въ зимнее время т. е. въ Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ, для отдыху растѣній должно содержать въ землѣ 20 градусовъ, а въ теплицѣ 14; излишняя теплота при солнцѣ выпускается въ форточку на дворъ. Садовникъ и самую влагу, смотря по погодѣ, можетъ увеличивать и уменьшать.

Изъ ящиковъ по временамъ должно выпускать въ краны около четырехъ ведеръ воды, и вмѣсто оной наливать свѣжей, ибо извѣстно, что вода чрезъ кипеніе теряетъ атмосферный воздухъ и слѣдовательно оксигенъ, животворящій растѣнія.

Котелъ въ 6 ведеръ весьма удобно можетъ нагрѣвать ящики въ обѣ стороны по 20 сажень длины, и не болѣе какъ одинъ часъ потребно для того топить печку: дровъ въ мѣсяцъ не пойдетъ болѣе одной сажени (однополенныхъ, трехчетвершныхъ.)

Особливо всякой можетъ замѣтить въ посаженныхъ здѣсь ананасахъ, необыкновенную силу и красоту. Нѣтъ ни одного пятнышка на огромныхъ листьяхъ, и изъ 50 разсажено доселѣ болѣе 200 отпрысковъ и сверхъ того много ихъ уничтожено. Можно навѣрную полагать, что самый фруктъ оныхъ будетъ сочнѣе, аромашнѣе и больше, какъ ню испыталъ уже Графъ Зубовъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, надъ дынями, кои были очень вскусныя и такъ нѣжны, что вмѣсто обыкновенной толстой кожи имѣли кожицу не толще апельсинной. Нѣтъ сомнѣнія, что и виноградъ будетъ поспѣвать въ паровыхъ теплицахъ плодоноснѣе, вкуснѣе и ранѣе покрайней мѣрѣ двумя мѣсяцами, такъ какъ и всѣ другія растѣнія и плоды.

Сіе общеполезное отпкрытіе есть слѣдствіе пароваго винокуренія, изобрѣтеннаго Графомъ Д. А. Зубовымъ, до коего достигъ онъ послѣ значительныхъ пожертвованій и трудовъ, и которое ны-

нѣ съ величайшею выгодою распространяется по Россіи. Онъ съ такимъ же удовольствіемъ готовится передать со всѣми подробностями сіе средство соотечественникамъ, какъ подарилъ вышесказанное изобрѣтеніе свое по винокуренію (вмѣсто привиллегій!!) въ пользу инвалидовъ. Публика можетъ ожидать изъ сего еще полезнѣйшихъ и важнѣйшихъ открытій, ибо съ нимъ ревностно занимается сею частію садовникъ его Г. Фростъ, извѣстный по глубокимъ познаніямъ своимъ въ садовствѣ. Г. Ф. неутомимо дѣлаетъ опыты надъ примененіемъ сего способа къ опредѣленію степени температуры каждаго растѣнія, для совершеннаго его прозябанія, и нѣтъ сомнѣнія, что извлечетъ истины важныя для человѣчества!

Все сіе могутъ засвидѣтельствовать многія особы, посѣщавшія паровую теплицу Графа Зубова, и отличнѣйшіе наши садовники, какъ то, Гг. Бушъ, Венманъ, Гуль, Дюксонъ, Менесъ,

Брике, Бисперфельдъ, Бадо, Вагенеръ, Нейборгеръ, Масъ, Клингенбергъ и проч.

Графъ Зубовъ не удовольствовался одними сими опытами надъ садовствомъ. Онъ занимается теперь обращеніемъ паровъ къ мытью бѣлья, самымъ удобнымъ, дешевымъ и легкимъ образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени онъ дойдетъ до совершенства въ семъ новомъ предпріятіи, и окажетъ новую услугу отечеству, ибо мытье бѣлья, особливо въ госпиталяхъ, есть одинъ изъ важныхъ экономическихъ предметовъ.

Гг. Химики и Физики имѣютъ теперь случай обратить съ пользою вниманіе свое на способъ сей, для вывариванія соли, сахара, селитры, мылъ, масловъ, крашенія шерсти, нитокъ, холста и проч.

ЖИЗНЬ
МЕХАНИКА КУЛИБИНА,
И
ЕГО ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Жизнь и кончина Ивана Петровича Кулибина служатъ пріятнѣйшимъ убѣжденіемъ, что у насъ въ Россіи не одно богатство и знатность возвышаются, торжествуютъ; но что гражданинъ съ дарованіями — въ бородѣ и безъ чиновъ — можетъ быть полезенъ отечеству, почтенъ отъ Монарховъ, уваженъ и любимъ отъ соотчичей, счастливъ и боготворимъ въ своемъ семействѣ!

Въ слѣдующихъ краткихъ, безпристрастныхъ чертахъ представимъ разительныя всему оному доказательства.

Иванъ Петровичь Кулибинъ родился въ Нижнемъ Новѣгородѣ 1735 года 10го Апрѣля, отъ недостаточныхъ родителей посадскаго званія. Въ юныхъ еще лѣтахъ посаженъ онъ былъ торговать въ мучную лавку; но не смотря на уваженіе къ родительской волѣ, которой, по старому благословенному обычаю, дѣти слѣпо повиновалися, которая почиталась ими священною, онъ чувствовалъ, что сердце у него какъ-то не лежало къ сему промыслу, а бывалъ онъ счастливъ тогда только, когда удавалось ему строить флюгера, меленки, толчеи и тому подобное, кои подъ конецъ онъ дѣлалъ уже весьма искусно и похоже на настоящія. Съ возрастомъ и упражненія его въ семъ родѣ становились занимательнѣе и полезнѣе. Видя, что въ пруду у нихъ, отъ стоячей воды, безпрестанно засыпала рыба, онъ искусными плотинами сдѣлалъ небольшой водоемъ на ближайшей горѣ къ саду изъ біющихъ тамъ ключей, и столь же искуснымъ кана-

ломъ провелъ ихъ въ прудъ свой, а изъ него сдѣлалъ спускъ сквозь шлюзъ, такъ, что въ пруду была всегда проточная, свѣжая вода, и рыба начала водиться и шучнѣть. Въ свободныя минуты Кулибинъ любилъ также часто всходить на Соборную колокольню, разсматривать и слушать бой тамошнихъ часовъ. Съ какимъ восторгомъ открылъ онъ, что у сосѣда его были таковыяжь деревянныя часы съ большими дубовыми колесами; восхищеніе сіе удвоилось, когда добрый сосѣдъ рѣшился опустить ихъ съ нимъ на домъ. День и ночь сидѣлъ Кулибинъ за сими часами, стараясь сдѣлать точно такія же; хотя колеса и другія части и удалось ему сдѣлать весьма похожими, но какъ вырѣзывалъ онъ ихъ ножемъ, то по невѣрности они не пошли. Въ семъ отчаяніи своемъ онъ былъ утѣшенъ поѣздкою въ Москву, куда онъ посланъ былъ повѣреннымъ отъ Рашуши по какому-то судебному дѣлу. Здѣсь пѣрвое его посещеніе было къ часовому

мастеру, который, видя страсть молодаго человѣка, позволилъ ему ходить къ себѣ всякой разъ, какъ было ему время отъ хлопотъ, и разсматривать починивающіяся у него стѣнныя и карманныя часы, наконецъ продалъ ему весьма дешево испорченную рѣзальную колесную машинку и токарный небольшій лучковый станокъ. По возвращеніи въ Нижній, Кулибинъ тотчасъ же исправилъ первую и принялся дѣлать деревянныя часы съ кукушкою. Успѣхъ увѣнчалъ труды его, а ревность къ совершенству возбудилась продажею сего издѣлія за дорогую цѣну. Послѣ сего, вырѣзывая и вытачивая самъ изъ дерева цилиндры и колеса, отдавалъ онъ литейщикамъ и слесарямъ дѣлать по нимъ изъ мѣди и изъ стали нужныя вещи, и собралъ такимъ образомъ трои хорошихъ стѣнныхъ часовъ съ кукушкою. На вырученныя за нихъ деньги купилъ онъ старыя, испорченныя карманныя часы; разбирая и собирая оныя нѣсколько

разъ, совершенно понялъ ихъ составъ, и началъ брать чистить и починивать разнаго рода часы отъ пріятелей и знакомыхъ; а когда удалось ему поправить Англійскія столовыя часы съ репетиціею, слава его распространилась въ городѣ, и всѣ начали отдавать ему часы въ починку, не имѣя болѣе нужды посылать ихъ въ Москву. Между тѣмъ дѣятельный умъ его строилъ въ воображеніи планы часамъ, кои бы достойны были поднесенія Государынѣ Императрицѣ, ревностно покровительствовавшей Науки и Художества. Вскорѣ начертилъ онъ имъ и нѣкоторые рисунки.

Однажды въ разговорахъ съ Михайломъ Андреевичемъ Костромины мъ, Черноярскимъ купцомъ, упомянулъ онъ о предпріятіи своемъ и о невозможности выполнить его по недостатку. Честный Костромин ъ тотчасъ же предложилъ ему свое содѣйствіе въ столь добромъ дѣлѣ, взялся содержать

его съ семействомъ въ продолженіе всей работы, платишь нужныя издержки на матеріалы и инструменты, и жалованье работнику, который прежде былъ въ ученикахъ у Кулибина (*). И такъ, благословясь — съ неутомимою ревностію принялся онъ въ Октябрѣ 1764 года за пріуготовленіе нужнѣйшихъ инструментовъ, кои стоили ему несказанныхъ трудовъ, а можетъ быть и болѣе — нежели самыя часы, ибо онъ ихъ также долженъ былъ выдумывать, не имѣя ничего для образца. Между тѣмъ работа шла съ превосходнымъ успѣхомъ: уже принялся онъ собирать основаніе часовъ, какъ удалось ему гдѣ-то увидѣть Электрическую машину, а вскорѣ потомъ Англійскій телескопъ съ металлическими зеркалами и микроскопъ. То и другое обворожило молодаго Кулибина; онъ выпросилъ позволе-

(*) *Пятерикова*, который, научась у Кулибина, былъ послѣ часовымъ мастеромъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ; ему наслѣдовалъ нынѣ сынъ его. —

ніе у сотоварища своего сдѣлать самому подобные симъ инструменты. Можно вообразить, сколько неудачь, затрудненій встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу въ семъ новомъ его предпріятіи; сколько разъ, не смотря на чрезвычайное терпѣніе свое, приходилъ онъ въ отчаяніе; но за то безпрестанно открывалъ новыя для себя понятія, постигалъ въ составѣ сихъ инструментовъ несоображаемыя дотолѣ отношенія и истины; однимъ словомъ, не примѣтно доходя до всего, самъ выучился онъ Физикѣ, Химіи, (*) Оптикѣ, Механикѣ, и съ помощію Божіею сдѣлалъ наконецъ совершенно подобно Электрическую машину, телескопъ, микроскопъ и сверхъ того двѣ зрительныя трубы по 3 аршина въ длину.

Съ сими инструментами и недоконченными еще часами, представленъ онъ

(*) Онъ при семъ открылъ составъ металла, изъ коего сдѣланы были зеркала въ телескопѣ, что дотолѣ было сохраняемо тайною въ самой Англіи.

былъ чрезъ Князя Г. Г. Орлова, коему рекомендовалъ его бывшій въ то время Губернаторомъ въ Нижнемъ Г. Аршеневскій — Императрицѣ Екатеринѣ, во время проѣзда Ея чрезъ сей городъ. Государыня весьма благосклонно изволила принять природнаго Механика и приказала ему по окончаніи часовъ пріѣхать съ ними въ Петербургъ.

Кстати при семъ разскажу любопытный сонъ, который не за долго передъ тѣмъ привидѣлся Кулибину, тѣмъ болѣе, что оный, какъ признавался въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ почтенный старецъ, имѣлъ немалое вліяніе на все поприще его жизни! Однажды, какъ спалъ онъ въ своей свѣшелочкѣ, ему приснилось, что три большіе орла прилетѣли на его окошко; сперва онъ ихъ испугался, а послѣ ободрившись посыпалъ имъ пшена, и когда они начали клевать, то самый большой изъ нихъ проговорилъ человѣческимъ голосомъ слѣдующія слова изъ 19 псалма Давидова: „Услышитъ тя Господь

„ въ день печали, защититъ тя имя „ Бога Іаковля, пошлетъ ти помощь „ отъ Свята́го, и отъ Сіона заступитъ „ тя. Помянетъ всяку жертву твою „ и всесожженія твоя тучна будутъ. „ Дастъ ти по сердцу твоему, и весь „ совѣтъ твой исполнитъ. “ — Послѣ сего онъ спросилъ ихъ: высоко ли вы летаете, орлы? „ Развѣ вы не знаете, „ что мы паримъ близъ солнца. “ — Орлы вспорхнули, а онъ проснулся. — — Сонъ сей не выходилъ изъ памяти Кулибина, и онъ несказанно былъ поражен нѣкоею близостію и сходствомъ, когда по пріѣздѣ Госуда́рыни въ Нижній Новгородъ, обласканъ былъ Княземъ Орловымъ и узналъ, что трое изъ Орловыхъ были очень близки къ Императрицѣ и оказывали у свѣтлаго престола Монаршини сильное покровительство и вспоможенія достойнымъ сообичамъ своимъ. (*)

(*) Что онъ въ послѣдствіи неоднократно испытывалъ и надъ собою отъ всѣхъ трехъ братьевъ Орловыхъ.

Къ концу 1767 года Кулибинъ окончилъ часы свои: они были видомъ и величиною въ среднее гусиное яицо, и заключали въ себѣ слѣдующее механическое дѣйствіе: въ исходѣ каждаго часа отворялися въ срединѣ оныхъ двери и представлялся великолѣпный чертогъ, въ которомъ поставленъ гробъ Господень съ дверью, заваленною тяжелымъ камнемъ. По сторонамъ гроба стояли съ копьями два стража. Черезъ полминуты являлся въ чертогахъ Ангелъ, камень отъ дверей отваливался, двери разрушались, стражи падали ницъ, и чрезъ полминуты приближались къ Ангелу двѣ жены Мироносицы (*), а между тѣмъ въ часахъ слышалась гармонія извѣстнаго напѣва: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, „смертію смерть поправъ и сущимъ „во гробѣхъ животь дарова. “ По трекратномъ повтореніи онаго, двери затворялись. Такимъ образомъ

(*) Фигурки сіи вылиты имъ самимъ изъ серебра и золота.

сшихъ сей повторялся предъ каждымъ часомъ, начиная съ осьми часовъ по полуночи до 4^хъ по полудни, а въ остальные часы замѣнялся другимъ и именно: „Воскресъ Іисусъ отъ гроба, „ яко же проречe, даде намъ животъ „ вѣчный и велію милость", который игрался только по одному разу предъ каждымъ часомъ. Сверхъ того всякій разъ, по пробитіи 12^ти часовъ въ полдень, часы играли прекрасную музыку, имъ положенную на слова имъ же самимъ сочиненной Кантаты на прибытіе Екатерины въ Нижній Новгородъ 1767 года Маія 22го, которая была поднесена имъ и милостиво принята Государынею. (*)

(*) Въ угодность ли Императрицѣ или въ поощреніе молодаго Поэта и художника, газеты тогдашняго времени превознесли сіи стихи сіи похвалами. Мы представляемъ ихъ единственно, чтобъ не упустить ничего касательно описываемаго нами лица, и потому, что онѣ составляютъ часть важнѣйшаго его изобрѣтенія.

КАНТАТЪ

Воспой Россія къ щедрому Богу,
Онъ бо излія милость премногу;
Десницей щедрой во всей вселенной
Возвеличилъ Тя:

* * *

Избралъ онъ Россамъ на шронъ Царицу
И увѣнчалъ самъ Императрицу
Екатерину, милость едину
Предрагимъ вѣнцемъ.

* * *

Тебя едину, о наша Матерь!
Всѣмъ Монархиню послалъ Создатель;
Да Ты царствуешь, владычствуешь
Надъ нами вѣчно.

* * *

Толь процвѣтаешь Твоя Держава,
Вездѣ сіяешь подъ солнцемъ Слава,
Лучь простираешь и досягаешь
До другихъ Державъ.

* * *

Въ Твоей десницѣ скипетръ блистаешь,
Во всей Россіи всѣхъ озаряешь,

Сыплешъ отрады въ низовы грады
Всемилостивно.

* * *

Егда подъ небомъ орелъ летаешъ,
Любезно къ дѣтямъ всегда взираешъ,
Съ высотъ слетѣвши, крылы простерши
Всѣхъ покрываешъ.

* * *

Тако Ты свѣтъ нашъ, Матерь благая,
Сирымъ и бѣднымъ милость драгая,
Къ дѣтямъ грядеши и покрыеши
Какъ орелъ птенцовъ.

* * *

Шествуешь славно въ низовы грады,
Даруешь равно щитъ и ограды
Отъ горделивыхъ и возносливыхъ
Народу всему.

* * *

Не токмо знатныхъ Ты наблюдаешь,
Но и загнанныхъ всѣхъ защищаешь.
Вси рекутъ гласно и поютъ красно:
Послалъ Ю намъ Богъ.

Едина всѣмъ намъ радость и милость,
Боюся сердцемъ, чтобъ не въ противность
Превысочайшей персонѣ Вашей
Что рекъ безъ наукъ.

* * *

Просшру въ томъ руки къ щедрому Богу,
Чтобъ далъ науки и милость многу,
Сердце Царицы въ Его десницы
Хранимо всегда.

* * *

За преблагія Твоя доброты,
И вседрагія ко всѣмъ щедроты
Свыше правишель и покровишель
Той Зиждишель всѣхъ.

Всякую изъ сихъ трехъ музыкъ можно было пустишь по произволу, помощію стрѣлокъ. Кромѣ того они били часы и каждую чешверть. Заводились на одни сушки. Ходъ сдѣланъ въ нихъ съ Гиліомскимъ цилиндромъ.

Съ сими часами Кулибинъ пріѣхалъ въ С. Пешербургъ въ сопровожденіи

своего товарища и благодѣтеля Костромина, и оба вскорѣ представлены были Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ 1769 года Апрѣля 1 числа, чрезъ Графа Владиміра Григорьевича Орлова, бывшаго тогда Директоромъ Академіи Наукъ. Кулибинъ поднесъ при семъ случаѣ еще и Оду, имъ сочиненную въ Нижнемъ, послѣ посѣщенія Государынею сего города. Въ Одѣ сей уже чувствительно, что Авторъ познакомился болѣе съ правилами Стихотворства; есть въ ней мѣста довольно піитическія, какъ то: сравненіе Государыни съ нѣжностію орлицы, которая изъ обители солнца летитъ къ своимъ чадамъ; обращеніе къ Волгѣ и Окѣ; да несутъ онѣ со струями своими радость и восхищеніе Нижняго Новгорода, при лицезрѣніи Государыни, до береговъ Азіи, и проч. Помѣщаемъ ее здѣсь вполнѣ для любопытныхъ!

Благословенна ты Россія
Десницей вышняго Творца,

Въ тебѣ лiешъ Онъ дни злашые
Во многи вѣки до конца.
Премудро строишъ по судьбинѣ,
Вручивъ престолъ Екатеринѣ,
Любезной Отчеству всему,
За истинную добродѣтель
Послалъ къ намъ Самъ ея Содѣтель
Отъ всѣхъ избраннѣйшу ему.

* * *

Вѣнецъ, власть, скипетръ и державу
Самъ вышнiй Богъ Ей даровалъ,
И, оградивъ, облекъ во славу,
Россiи радость всей послалъ.
О коль цвѣтешъ Ея Держава!
Со скипетромъ гремишъ и слава
Во всѣ державы странъ другихъ!
Главы Ея вѣнецъ блистаетъ,
Подданныхъ всѣхъ увеселяетъ:
И такъ живемъ вѣкъ дней злашыхъ.

* * *

Императрица милосерда,
Пучина всѣхъ драгихъ добротъ,
Къ подданнѣйшимъ благоусерда
Лiешъ на всѣхъ блага щедротъ.

Всѣ Россы Матерь предрагую,
Зря въ милости ко всѣмъ благую,
Всякъ щитится гласъ свой возсылаешь
Въ мольбахъ къ Зиждителю и Богу,
Во всемъ послашь Ей помощь многу
И вѣкъ должайшій даровашь.

* * *

Когда орелъ высокопарный
Подъ солнцемъ гдѣ бы ни леталъ,
Всегда бы къ дѣтямъ свыше дальный
Въ любезной радости взиралъ.
Тому подобно льешь отрады
Всѣмъ посѣтившa Росски грады
Россійска Матерь всѣхъ доброшъ,
Любляща чистою душею,
Блестяща милости лучею
На весь подданнѣйшій народъ.

* * *

Потщися Нижній Новъ-градъ нынѣ
Всерадостнѣйшимъ торжествомъ;
Приспѣло время ужъ годинѣ,
Сіявъ Царицынымъ вѣнцомъ.
О мѣсяцъ Май и часъ всезлашый
И день пресвѣтлый двадесятый

Привелъ къ намъ радость не въ примѣръ:
Всѣ жители того желали,
На пристань выщедъ ожидали
По Волгѣ шествія галеръ.

* * *

Въ парадѣ стоя гранадеры,
Метали аршикулъ ружьемъ,
И храбрые чиня примѣры,
Во ожиданьи были всѣ при семъ:
Но вдругъ трубою загремѣли,
И Музовъ гласы полетѣли,
Прерадостный являя знакъ.
На пристань вшедъ Екатерина
Яви лице свѣтлѣе крина,
Презельно щилися видѣшь всякъ.

* * *

Какое щастіе постигло
Во оный часъ блаженный шамъ,
Когда желаніе достигло
Самодержавну видѣшь намъ!
Той свѣшлой радости нѣтъ мѣры
И превозшедшей всѣ примѣры,
Всѣмъ озарившія сердца;
Единъ другаго угнетали

И въ радость видѣть всѣ желали
Ея пресвѣтлаго лица.

* * *

Но какъ во внутрь градскій вступила
Преукрашенная вѣнцемъ,
Творцу и Богу приносила
Благодареніе о всемъ.
Лучею милости сіяла
И награжденіи вручала
Тѣмъ, кто достоинъ былъ принять.
Въ томъ хвалится Градодержатель
Даровъ Ея драгихъ приняшель,
Ея тѣмъ тщится прославлять.

* * *

Какую радость ощущали
Вѣрно-подданнѣйшихъ сердца?
Но такъ, какъ пламенемъ пылали,
Въ желаньи зрѣть Ея вѣнца
И самы красны дни сіяли,
Съ яснѣйшимъ воздухомъ играли,
О славномъ шествіи извѣстясь,
Царицы Росскими градами,
Носимой чистыми водами
До мѣстъ желанныхъ веселясь.

Вы Волга и Ока широка
Разлейтеся по всѣмъ странамъ,
Что Матерь Россовъ превысока,
Явила благости всѣ къ намъ.
О семъ струи играйте съ нами,
Промчите радость межъ горами,
Въ брега ударьте звучный громъ,
Явите славу всей Россіи,
Спѣшите быстро до Азіи,
Вездѣ какъ орліимъ крыломъ.

* * *

Всѣ грады свѣтло торжествуютъ
Стоящіе при тѣхъ рѣкахъ,
Поля и холмы ликовствуютъ
Лежащіе на ихъ брегахъ.
Отъ Твери даже до Симбирска
Прошедъ Монархиня Россійска,
Всѣ грады шествіемъ драгимъ
Премилосердо посѣтила,
Лучею свѣта озарила,
Очей воззрѣніемъ благимъ.

* * *

Небесъ и всѣхъ тварей Зиждителя
Источникъ благости всея

Царицѣ нашей покровитель,
Ты самъ послалъ владѣть Ея
Подсолнечной великой частью
Ушѣшь Ея народы властью,
Преславный вѣкъ Ты Ей подай,
Умножи всезлапыя лѣпы,
Пошли въ народъ мирны совѣпы
Десницей свыше ограждай!

Императрица чрезвычайно милостиво приняла обоихъ, допустила ихъ къ рукѣ и долго съ ними разговаривала, съ первымъ въ отношеніи его страсти къ Механикѣ и Наукамъ, а съ другимъ о хлѣбной торговлѣ по Волгѣ и проч. Отъ Государыни проведены они были къ Цесаревичу Павлу Петровичу, коимъ столько же благосклонно и внимательно были приняты. Послѣ сего каждому изъ нихъ выдано было по 1000 рублей. Кулибина приказано причислить къ Академіи Наукъ Механикомъ съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ, а Костромину, за его великодушное, благород-

ное вспомоществованіе дарованіямъ Кулибина пожалована богатая серебряная эмблематическая кружка, нарочно для сего сдѣланная, съ приличными надписями, которая и донынѣ во всѣхъ празднествахъ сей фамиліи выставляется на столѣ вмѣсто зерцала. Часы и инструменты, работанные Кулибинымъ, тогда же отосланы были въ Кунсткамеру (*).

По вступленіи въ Академію Наукъ, Кулибину поручено было управленіе Академическою мастерскою, при коей отведена ему тогда же и приличная квартира. Имѣя единственнымъ предметомъ быть полезнымъ отечеству

(*) Кромѣ газетъ, часы сіи описаны въ *Essai sur la Bibliotheque et le Cabinet de curiosités et d'Histoire Nat. de l'Acad. des sciences a St. Petersbourg par Jean Backmeister*, 1776. — Въ St. Petersburgisches Journal, May 1777. 8. — Въ Кабинетѣ Петра Великаго, изданномъ по Высоч. повелѣнію Импер. Акад. Наукъ Унтеръ-Библіотекаремъ Осипомъ Бѣляевымъ, въ отдѣленіи второмъ, С П. Б. 1800.

и видя неудобности, каковыя претерпѣваютъ Петербургскіе жители каждую весну и осень отъ прекращенія сообщеній между городомъ и Васильевскою частію во время вскрытія и замерзанія Невы, Кулибинъ долго думалъ о изобрѣтеніи постояннаго моста чрезъ широкую и быструю рѣку сію, и прочтя въ 36мъ N° газетъ 1772 года, что Англійская Академія назначила выдать знатное награжденіе тому, кто представитъ лучшую модель такому мосту, который бы состоялъ изъ одной дуги или свода безъ свай, и утвержденъ былъ концами своими только на берегахъ рѣки, онъ почувствовалъ себя озареннымъ какъ бы нѣкоторою лучезарною идеею, и тщательно занялся ея обработываніемъ. Остановясь на лучшемъ изъ своихъ проэктовъ онъ начертилъ оному рисунокъ и сдѣлалъ маленькую модель; получивъ же въ пособіе отъ щедротъ Государыни тысячу рублей, построилъ таковую же въ 14 сажень длины, что

составляло десятую часть прожектированнаго имъ моста чрезъ Неву, и строго наблюдалъ оную и во всѣхъ частяхъ, какъ въ ширинѣ, такъ и въ толщинѣ.

Кулибинъ, сдѣлавъ математическое исчисленіе о вѣсѣ тягости, которую можетъ поднять построенная имъ модель, представилъ оное на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, а вскорѣ за тѣмъ испросилъ чрезъ Князя Потемкина Высочайшее приказаніе Гг. Профессорамъ и Академикамъ освидѣтельствовать его изобрѣтеніе. Между тѣмъ, какъ Гг., Ученые со всею строгостію готовились разсматривать и судить модель Кулибина, славный Математикъ Эйлеръ повѣрилъ представленное Кулибинымъ трудное исчисленіе, и найдя его совершенно правильнымъ, съ примѣчаніями чрезвычайно лестными для неученаго Математика, напечаталъ оное въ Комменшаріяхъ Академіи Наукъ. Въ то же время посѣтилъ его Князь Потемкинъ и осмотря

модель, спросилъ Кулибина: „что говорятъ Ученые? Г. Эйлеръ одобрилъ мое исчисленіе шягостей," отвѣчалъ Кулибинъ. „А другіе?"— „другіе на счетъ мой забавляются." Князь усмѣхнулся, вошелъ къ Кулибину въ комнашу, и найдя гостей, кои праздновали шогда день Ангела изобрѣшателя, спросилъ рюмку вина, поздравилъ именинника, присовокупивъ, что скоро надѣется поздравить его и съ Царскою милостію за общеполезные шруды его. — Вышедъ на дворъ, еще съ величайшимъ вниманіемъ разсматривалъ модель.

Когда навозили досташочно желѣза, то съ ѣхались къ нему (1776 г. 27 Декабря) Гг. Академики: Леонардъ Эйлеръ (отецъ), Іоганъ Альбертъ Эйлеръ (сынъ), Кошельниковъ, Румовскій, Крафшъ, Лейсель, Адъюнкшы: Иноходцевъ, Фусъ и Головинъ, и приказали класшь оное на верхъ модели и во всѣ рѣшета оной. Легчайшій скрипъ или спукъ подавалъ

случай къ острымъ шуткамъ и насмѣшкамъ на счетъ дерзкаго предпріятія неученаго Механика, который ошдѣлывался однимъ молчаніемъ. Мы уже изъѣздили два моста, станемъ доѣзжать трешій, сказалъ одинъ изъ Профессоровъ. (*) Эдакъ скоро Кулибинъ сдѣлаетъ намъ лѣсницу на небо, подхватилъ другой. Между шѣмъ весь грузъ, по исчисленію, былъ положенъ на модель, и наполнены имъ всѣ ея рѣшета, но она не трогалась; шутки прекратились; Кулибинъ велѣлъ сверхъ желѣза наклашь еще нѣсколько тысячь случившагося тутъ на дворѣ кирпича. Модель пребывала швердою; веселыя лица насмѣшниковъ превратились въ пасмурныя; потомъ Кулибинъ самъ взошелъ

(*) Гг. Академики свидѣтельствовали не за долго предъ тѣмъ, двѣ подобныя модели мостовъ, прожектированныхъ разными Механиками, въ томъ числѣ одну въ Кадетскомъ корпусѣ, но онѣ опять назначенной тягости лопнули и обрушились.

на средину моста, и пригласилъ туда же все собраніе Ученыхъ и даже рабочихъ людей, наконецъ переходили они по нѣсколько разъ съ одного конца на другой; модель все не трогалась — и тогда всѣ единогласно поздравили Кулибина съ благополучнымъ успѣхомъ, а Эйлеръ, подойдя къ нему, съ особеннымъ уваженіемъ сказалъ: „отъ всего „сердца поздравляю васъ, Г. Кулибинъ, „съ желаемымъ успѣхомъ, коего при„знаюсь, не смотря на правильность „исчисленій вашихъ, я не надѣялся ви„дѣть на практикѣ; теперь остает„ся вамъ оправдать пророчество Г. N, „и сдѣлать намъ лѣсницу на небо! — Не смотря на сіе, Гг. Ученые приказали оставить на модели всѣ тягости, и подвѣсили подъ средину ея и подъ концы гирьки на веревочкахъ, коихъ по особой предосторожности вымѣряли длину и записали. Недѣли три навѣщали они модель, примѣчали, не сдѣлаетъ ли она какого нибудь измѣненія, но удостовѣрясь, что ни одна

часть, не смотря на превышающую тягость, нужную для моста, по математическому вычислению, не подалась ни въ которую сторону на волосъ, сочинили рапортъ Государынѣ Императрицѣ о возможности построить по сему размѣру мостъ чрезъ Неву на 140 саженной широтѣ, который весьма легко будетъ поднимать 55,000 пудовъ, и всѣ единодушно подписались. Екатерина съ крайнимъ удовольствіемъ приняла донесеніе, о сколь важномъ изобрѣтеніи отечественнаго Механика, и приказала наградить его 2000 рублями, а модель сдѣлалась пріятнымъ зрѣлищемъ публики, которая ежедневно во множествѣ стекалась удивляться оной. (*)

(*) Модель сія въ послѣдствіи по повелѣнію Государыни перевезена имъ съ Васильевскаго острова въ садъ Таврическаго дворца, гдѣ и донынѣ находится. Перевозъ ея безъ разборки, по тяжести, а болѣе по нѣжности частей свода, представилъ великолѣпное зрѣлище для Петербургскихъ жителей, и вмѣстѣ можетъ быть причи-

Напрасно нѣкоторые утверждаютъ, что Екатерина не приказала построить моста по сей модели, потому что утвержденіе основанія его поколебало бы стопу Петра Великаго. Это по всему несправедливо. Другіе не менѣе ошибаются, говоря, что Государыня не могла издержать на построеніе моста полумилліона рублей, (суммы важной по тогдашнему времени.) Екатерина не меньшую сумму употребила на вышесказанный монументъ для славы отечества: цѣмъ болѣе могла бы пожертвовать оною на пользу общественную. Сколь же неправы и тѣ, кои приписываютъ неисполненіе онаго боязни Императрицы сдѣлать такую важную издержку на деревянный мостъ, который легко могъ быть сожженъ и подверженъ порчи и гнилости; вѣроятнѣе всего, что Екатерина не хотѣла имѣть чрезъ Неву неподвижнаго моста по политическимъ обстоятельствамъ

сленъ къ числу новыхъ изобрѣтеній Кулибина.

со стороны Шведовъ, коихъ границы до послѣдняго мира, не были еще обезпечены для Петербурга.

Не имѣя возможности помѣстить здѣсь подробнаго описанія всѣмъ частямъ сего любопытнаго механизма, скажемъ по крайней мѣрѣ, что главное отличительное свойство онаго состояло въ томъ, что изгибъ верхняго и нижняго края дуги точно такого вида, какъ бы веревки, прибитой по концамъ къ двумъ стѣнамъ; сверхъ того приспособленъ такъ, что малѣйшія части оной дуги подкрѣпляются взаимно, и вся тягость, имѣвшая упираться на срединѣ, отражается къ концамъ. Сверхъ того каждая часть моста, который составленъ былъ болѣе нежели изъ 12,000 деревянныхъ разной мѣры брусковъ и 50,000 желѣзныхъ винтовъ и скобокъ, могла быть особо вынута для починки или перемѣны, не разстроивая всей связи онаго. (*)

(*) Описаніе сего моста съ разными вычисленіями, чертежами и большимъ эстампомъ

Съ сего времени отличныя дарованія Кулибина сдѣлались всѣмъ извѣстными: безпрестанно прибѣгали къ нему за совѣтами, за помощію въ механическихъ производствахъ и поправкахъ, и Кулибинъ съ величайшею готовностію и благороднымъ безкорыстіемъ посужался своими способностями и трудами. Извѣстный Механикъ Собакинъ, предпринявъ сдѣлать большіе Астрономическія часы, кои бы показывали восхожденіе и захожденіе солнца,

издано было изобрѣтателемъ въ 1799 году, и поднесено Государю Императору Павлу I, также помѣщены разныя извѣстія въ St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts von Reimers. 1804. Часть I. Въ 1 части Описанія С. П. бурга Академика Георгія, 1794. *Tableau général de la Russie moderne et de la situation politique de l'Empire par V. *** Paris* 1802. *Tome I.* St. Petersburgisches Journal 3ter Band, Februar 1777. Кулибинъ не только не употреблялъ стараній, но и не думалъ о требованіи важнаго награжденія, обѣщаннаго Англійскою Академіею, которая не могла бы ему отказать въ ономъ.

шеченіе луны, 12 знаковъ небесныхъ, мѣсяцевъ, градусы, числа, седмичные дни, часы, минуты, секунды и проч. неоднократно бесѣдовалъ о семъ съ Кулибинымъ, который съ охотою показывалъ ему даже всѣ свои рисунки съ предполагаемыхъ имъ таковыхъ карманныхъ часовъ съ большими еще подробностями, послѣ чего Собакинъ приступилъ смѣлѣе къ окончанію своего изобрѣтенія.

Левъ Александровичъ Нарышкинъ, желая дать Государынѣ великолѣпный праздникъ на дачѣ своей по Петергофской дорогѣ, приказалъ бывшему при Театральной Дирекціи Механику Бригонцію разобрать имѣющуюся въ городскомъ домѣ его, что у Исакія, статую Корнелія, подаренную ему Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, и поставивъ ее въ томъ же видѣ на мызѣ въ назначенный для того кабинетъ. Машина сія представляла старика, въ Греческомъ плашѣ, сидящаго въ кре-

слахъ за столомъ, на которомъ клались карты и шашки; старикъ въ нихъ очень хорошо игралъ съ присутствующими, отвѣчалъ правильно на всѣ ихъ вопросы, на прим. сколько въ комнатѣ людей? кто вошелъ? кто какъ одѣтъ? что дѣлаетъ хозяинъ? разсказывалъ на часахъ время, считалъ деньги и пр. — Однимъ словомъ, Корнелій говорилъ и дѣйствовалъ, какъ одушевленный! Бригонціи разобралъ статую очень скоро, и доволенъ будучи первымъ успѣхомъ, клялся, что на новомъ мѣстѣ заставитъ ее дѣйствовать еще лучше прежняго. Старался, мучился нѣсколько дней, и наконецъ объявилъ Нарышкину, что никто на свѣтѣ, кромѣ того, кто изобрѣлъ и сдѣлалъ сію машину, не въ состояніи собрать ее и пустить въ дѣйствіе, и что иначе готовъ онъ отдать голову свою на отсѣченіе. Льву Александровичу неудача сія была весьма непріятна, но дѣлать было нѣчего — до праздника оставались одни сутки! По счастію

въ тотъ же день встрѣчаетъ онъ Кулибина на Исакіевскомъ мосту, останавливаетъ свою карету и обращается къ нему съ сими словами: Богъ послалъ мнѣ тебя, Кулибинъ: поѣзжай поскорѣе ко мнѣ на дачу, собери Корнелія и поддержи честь Русскаго Механика! И Русскій Механикъ тотчасъ же ворочается домой, беретъ нужные инструменты, пріѣзжаетъ на мызу, и въ нѣсколько часовъ собираетъ и пускаетъ машину въ дѣйствіе. Левъ Александровичъ въ восхищеніи посылаетъ за Бригонціемъ, который устроивалъ въ саду сельскій домикъ и огнедышущую гору, проситъ его убѣдительнѣйше еще потрудиться собрать Корнелія, и Бригонцій съ чужеземною твердостію повторяетъ свое прежнее заключеніе о невозможности и обѣщаніе дать голову свою на отсѣченіе, если кто другой кромѣ изобрѣтателя соберетъ его! Рубите ему голову! закричалъ вдругъ Корнелій; пораженный внезап-

ностію и увидя Кулибина, Бригонцій догадывается о неудачѣ своего хвастовства, и бѣжитъ вонъ, забывъ даже въ торопяхъ свою шляпу. „Бригонцій! „Бригонцій! возьми свою голову, шакъ „и бышь, вошъ назадъ швоя голова! — “ кричалъ ему вслѣдъ Левъ Алаксандровичь, держа въ рукахъ его шляпу, и помирая со смѣху, но Г. Бригонцій не разсудилъ вернушься за головою своею. Нарышкинъ, разсказомъ сего происшествія, не мало позабавилъ въ тошъ вечеръ Августѣйшую свою Посѣшительницу и всѣхъ госшей.

Между шѣмъ Кулибинъ шакъ усовершенсшвовалъ инсшруменшальную палашу, находившуюся подъ его вѣдѣніемъ, что она не только починивала, но и досшавляла досшаточно въ казенныя мѣсша машематическіе, физическіе, гидравлическіе, астрономическіе инсшруменшы и разнаго рода часы, и удовлешворяла оными нужды часшныхъ людей. Екатерина, увѣдомившись, что сшараніями Кулибина снаб-

жены были по сей часпи ошправленныя Ею экспедиціи для ошкрышій, и въ вознагражденіе прежнихъ его шрудовъ, въ Маѣ 1778 года пожаловала ему золошую медаль на Андреевской голубой леншѣ, по образцу шѣхъ, кои учреждены были для козачьихъ спаршинъ Шшабъ-Офицерскихъ чиновъ, съ перемѣною шолько изображенія на одной сшоронѣ, кошорая предсшавляла Науки и Художесшва, коронующія пишомца своего, съ надписью: достойному и съ именемъ Кулибина. Чрезвычайно лесшно было имѣшь въ шо время сіи шоль знаменишые знаки ошличія, ибо Екатерина, умѣвшая поддерживашь досшоинсшва и цѣну своихъ наградъ, сама возлагала оныя на удосшоившихся полученія ихъ; пришомъ въ цѣломъ Государсшвѣ шаковыхъ медалей розданно было шолько шри, и сопряжено съ ними много лесшныхъ привиллегій, въ числѣ коихъ входъ во дворецъ со Шшабъ-Офицерами и пр. Государыня, изъявляя при семъ случаѣ свое благово-

леніе Кулибину, между другими привѣтствіями, изволила сказать на счетъ его бороды: „что Она уважаетъ „его еще болѣе за таковое почтеніе къ „обычаю предковъ, и что вмѣсто шиш„туловъ будетъ умѣть дать ему ош„личія и награды!“ (Императрица узнала, что Кулибинъ, не смотря на убѣжденія его благодѣтеля Князя Орлова, обѣщавшаго ему чины и ордена, если онъ обрѣетъ бороду, никакъ не хотѣлъ разстаться съ нею. (*)

Сколь лестныя награды воспламенили и поощрили Кулибина къ многимъ трудамъ на пользу общественную. 1779 Года 11 Февраля онъ имѣлъ счастіе представить Государынѣ новый фонарь своего изобрѣтенія, который разсмотрѣнъ былъ предварительно и одобренъ въ общемъ собраніи Академіи Наукъ, и показывать разные опы-

(*) Еще въ 1775 году 10 Января по Высочайшему Указу исключенъ онъ со всѣмъ семействомъ изъ подушнаго оклада.

шы удивительныхъ онаго дѣйствій. Галлерея въ 50 сажень была освѣщена таковымъ фонаремъ посредствомъ одной только свѣчки. Императрица щедро наградила изобрѣтателя столь полезнаго и прекраснаго открытія. Послѣ сего каждый вечеръ собиралось къ нему множество любопытныхъ, кои заказывали дѣлать для нихъ таковые фонари въ разныя цѣны: во 150, во 100 и въ 60 рублей. Фонарь сей сдѣланъ былъ нѣкоторою особою вогнутою линіею, изъ множества частей или кусковъ зеркала, которые, отражаясь отъ одной свѣчки въ безчисленныхъ видахъ, умножали свѣтъ въ пятьсотъ и болѣе разъ противъ обыкновеннаго и представляли вмѣстѣ великолѣпное зрѣлище! Употребленіе его особенно выгодно для освѣщенія длинныхъ коридоровъ и огромныхъ мастерскихъ. Сіе послѣднее тѣмъ болѣе, что свѣтъ его всегда ровенъ и онъ не производитъ отъ себя никакой тѣни. Лучше всего ставишь его на стѣнахъ съ нѣкоторою

наклонностію, такъ какъ зеркала. Не менѣе способны фонари сіи для маяковъ. Однажды въ темную ночь Кулибинъ, выставивъ фонарь свой къ окошку на набережную, переѣхалъ Неву съ пріятелями; они увидѣли, что по Англійской набережной во многихъ мѣстахъ собрались кучи народа, смотрѣвшаго на свѣтлый кругъ, который подобился солнцу, а нѣкоторые изъ Англичанъ, развернувши бумагу, свободно читали мѣлкое письмо, бывъ освѣщены одними лучами отъ сего фонаря съ противнаго берега. Въ другой разъ укрѣпилъ изобрѣтатель фонарь свой за окошко въ четвертомъ этажѣ дома, въ коемъ онъ жилъ, направивши его по линіи на Красное село, и приказавъ засвѣтить его ровно въ 9 часовъ въ вечеру, отправился туда съ компаніею пріятелей для свидѣтельства. Въ исходѣ девятаго часа взошли они на Красносельскую колокольню, и ровно въ 9 часовъ увидѣли на темномъ горизонтѣ Петербургскомъ внезапно родившуюся

звѣзду красноватаго цвѣту, ярко блиставшую, не смотря на 30-верстное разстояніе. (*)

(*) Извѣстный путешественникъ и мореходецъ *Шелеховъ* бралъ съ собой въ Америку шаковый фонарь, и по возвращеніи благодаря Кулибина, сказывалъ ему, что онъ много ему способствовалъ къ покоренію острова *Кыктака*. Сначала, говорилъ онъ, жители нападали на него и онъ принужденъ былъ съ ними драться; наконецъ ласками и хитростями успѣлъ онъ довести ихъ до того, что они почитали его *необыкновеннымъ* человѣкомъ и полюбили искренно! Въ числѣ хитростей, употребленныхъ имъ къ усмиренію дикихъ и привлеченію въ повиновеніе и любовь къ себѣ, былъ *фонарь* однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ. Узнавши, что дикіе покланяются солнцу, онъ увѣрилъ ихъ, что онъ и самъ покровительствуемъ ихъ *богомъ*, въ доказательство чего приказалъ однажды ночью собраться имъ на берегу (распорядясь заранѣе, въ какое время зажечь фонарь на мачтѣ корабля, споявшаго въ довольно большой отдаленности отъ берега) и сталъ призывать солнце для внушенія народу покорности. Чрезъ нѣсколько

Кулибинъ, желая угодить заказывающимъ фонари и безпрестанно торопившимъ его, нанимаетъ рабошниковъ, платитъ имъ большую цѣну, работаетъ день и ночь и когда изготовляетъ всѣ требуемые фонари по реестру, большая половина заказывателей въ сроки не является. Рабочіе требуютъ денегъ, за машеріалы также должно заплатить; но желая лучше претерпѣть убытокъ съ многочисленнымъ семействомъ своимъ, чѣмъ нанести неудовольствіе публикѣ, Кулибинъ напоминаетъ заказывателямъ простымъ объявленіемъ чрезъ газеты, что у него приготовлены фонари разныхъ сортовъ, весьма удобные для освѣщенія каретъ, съ подробнымъ руковод-

минутъ фонарь засвѣтился и дикіе съ крикомъ и страшными кривляніями упали на землю и стали ему молиться. Старшины ихъ увѣряли, что это точно божество ихъ, сошедшее съ небесъ, но Шелеховъ сказалъ, что это не само еще *солнце*, а только его *внукъ*, данный ему въ сопутники.

словомъ какъ обращаться съ ними и проч.; но и сіе мало помогло: у него на рукахъ осталось множество фонарей, сдѣланныхъ по заказу. Выдумывая способы, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія своего и употребить съ пользою оставшіеся фонари, онъ попалъ на счастливую идею, приспособить ихъ къ изобрѣтенному имъ новаго рода фейерверку. — Онъ представилъ его Князю Потемкину, которому весьма понравилось сіе чрезвычайно остроумное и великолѣпное изобрѣтеніе. Князь въ Царскомъ селѣ докладываетъ Государынѣ, что Кулибинъ сдѣлалъ для забавы Великихъ Князей прекрасный оптическій фейерверкъ безъ пороху и дыму, и проситъ дозволенія показать оный Ея Величеству. „Гдѣ же помѣстимъ его?“ сказала Екатерина. — Въ Китайской комнатѣ, отвѣчалъ Потемкинъ. — „Развѣ вы не знаете, чего стоятъ мнѣ украшенія?“ — съ удивленіемъ спросила Государыня. — Мы беремся съ Кулибинымъ по-

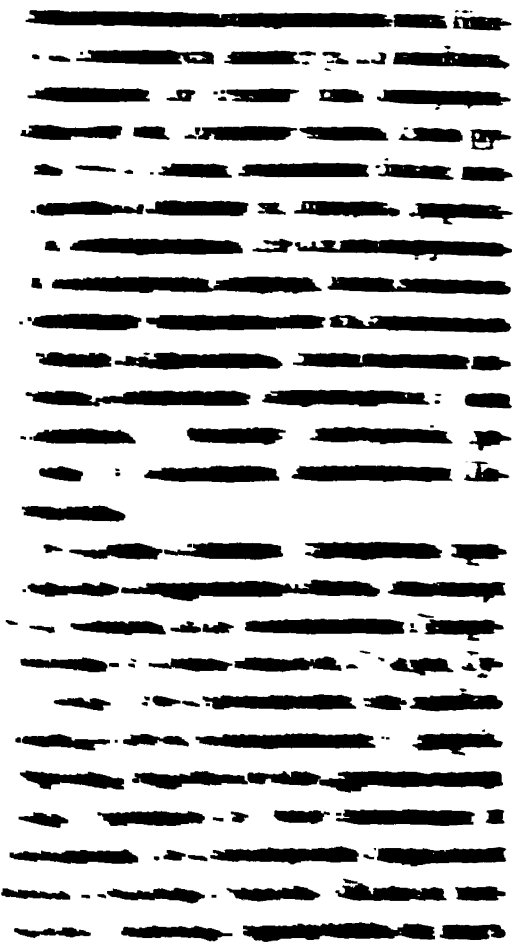
чинить ихъ на свой счетъ, если испортятся, отвѣчалъ Князь. Екатерина улыбнулась и дала позволеніе. Кулибинъ заранѣе былъ готовъ и къ тому же вечеру устроилъ все такъ проворно и хорошо, что Екатерина поражена была симъ совершенно новымъ зрѣлищемъ. — При всякой перемѣнѣ сценъ, какъ то пальмовыхъ деревъ, фонтановъ, разноцвѣтныхъ колесъ, сверкающихъ звѣздъ, сыплющихся искръ, великолѣпнаго щита съ ослѣпляющимъ солнцемъ, посреди коего блисталъ ея вензель, Императрица изъявляла свое удовольствіе громкимъ рукоплесканіемъ, въ чемъ послѣдовали ей всѣ зрители; но восхищеніе Монархини и всѣхъ присутствующихъ еще увеличилось, когда вдругъ поднялся вверхъ павильонъ безчисленныхъ ракетъ. Свѣтъ волшебнаго снопа разлился, казалось, по всей комнатѣ и громъ потрясалъ все зданіе. Государыня любопытствовала, поздаже узнать, чѣмъ производилъ Кулибинъ сіе очаровательное дѣй-

ствіе, и не мало удивилась, найдя нѣсколько простыхъ машинъ, одинъ фонарь, засвѣченный лампою и сковороду, на коей лопались извѣстныя стеклянныя спиртовыя хлопушки, столь хорошо подражавшія разрыву павильона. Изъявивъ изобрѣтателю удовольствіе въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, приказала наградить его 2,000 рублей (*). Не менѣе пріятное и любопытное зрѣлище доставилъ Кулибинъ, представя дѣйствіемъ стекла чрезъ огонь во время празднества Академіи Наукъ 50ти лѣтняго своего существованія, внезапно явившееся въ воздухѣ солнце съ Аполлономъ, движущимся въ облакахъ.

Князь Потемкинъ около того времени купилъ за дорогую цѣну привезенныя изъ Англіи знаменитыя часы съ

(*) Фейерверкъ сей въ другой разъ показанъ былъ Кулибинымъ въ Таврическомъ дворцѣ въ присутствіи Государыни и чужестранныхъ Посланниковъ, и также удостоенъ былъ отъ всѣхъ громогласнаго одобренія.

павлиномъ и слономъ, чтобъ подарить ихъ Императрицѣ для помѣщенія ихъ въ заведенномъ Ею Эрмитажѣ; но открылось, что они были испорчены и никто изъ извѣстныхъ иностранныхъ Механиковъ въ Петербургѣ не брался починить ихъ; одинъ правда вызвался, но требовалъ непомѣрной цѣны 5000 червонцевъ. Наконецъ отданы часы Кулибину для поправки. Три недѣли смотрѣлъ онъ столько на павлина, не находя возможности разобрать его; наконецъ замѣтилъ на спинѣ одно перышко, которое нѣсколько отличалось отъ другихъ, обратилъ на него все свое вниманіе, и по счастію нашелъ, что точно оно было ключемъ къ секрету. Отмотавъ его, увидѣлъ съ перваго взгляду всю связь удивительнаго механизма какъ наружнаго, такъ и внутренняго. Многіе важные члены были совершенно попорваны и испорчены; должно было доходить до всего по одной догадкѣ. Напослѣдокъ онъ все превозмогъ, починилъ часы наилуч-



къ нему и поклонясь еще ниже, сказалъ: Вашей чести! и наконецъ, подвинувшись какъ нельзя ближе и поклонясь въ поясъ, присовокупилъ: Вашей премудрости, мое почтеніе! и взявъ за руку Кулибина, спросилъ дружественно: все ли вы въ добромъ здоровьѣ? послѣ чего оборотясь къ собранію, устремившему на нихъ взоры, произнесъ: помилуй Богъ, много ума! — Онъ намъ изобрѣтетъ коверъ-самолетъ!

Екатеринѣ, какъ первѣйшей и щедрой Покровительницѣ Наукъ и Искусствъ, присылались отъ Ученыхъ и Художниковъ изъ всѣхъ странъ Европы разнаго рода проэкты, изворотія, изобрѣтенія; въ томъ числѣ получила Она однажды чрезъ почту изъ Германіи рисунокъ самодвижной машины (*perpetuum mobile*) съ печатнымъ описаніемъ отъ нѣкоего знаменитаго Механика. Посвящая сію машину Россійской Монархинѣ, онъ писалъ, что заранѣе увѣренъ въ благоволеніи Ея Величества къ

сполъ знаменитому его открытію, которое наконецъ ему посчастливилось обрѣсти, и съ помощію коего уничножается впредь надобность въ лошадяхъ, въ силѣ вѣтра, воды и человѣка. Екатерина, не смотря на сполъ увѣрительную скромность Г. Механика, приказала чертежи отдать на разсмотрѣніе Кулибину. Онъ съ перваго взгляда увидѣлъ неправдоподобность машины, но не довѣряя себѣ, сдѣлалъ по рисункамъ небольшую модель, по коей удостовѣрилося уже совершенно въ шарлатанствѣ ученаго иностранца, и нашъ доложилъ Государынѣ. Для большей еще увѣренности модель Кулибина съ рисунками и описаніемъ Механика препровождены были отъ Императрицы въ Академію Наукъ для разсмотрѣнія, и нашъ единогласно всѣ засвидѣтельствовали справедливость представленій Кулибина.

Во время бытности въ Петербургѣ Австрійскаго Императора Іосифа II подъ именемъ Графа Фалкенштей-

на, данъ былъ великолѣпный праздникъ въ Петергофѣ съ иллюминаціею и маскерадомъ. Кулибинъ приглашенъ былъ въ сіе блистательное собраніе и находился въ своемъ національномъ костюмѣ, т. е. въ богатомъ Русскомъ нарядѣ, какой носили старинные Русскіе Бояре. Вдругъ видитъ онъ, что толпа предъ нимъ раздается; къ нему подходитъ Императрица съ Кавалеромъ въ черномъ домино, коему, указавши на Кулибина, сказала нѣсколько словъ, послѣ чего Кавалеръ, взявъ его за руку, говорилъ ему что-то довольно продолжительно по-Французски; но какъ Русскій Механикъ языка сего не понималъ, то и отвѣтствовалъ одними низкими поклонами. Когда Императрица удалилась, то одинъ изъ приближенныхъ Кавалеровъ Двора объявилъ Кулибину, что то былъ Императоръ Іосифъ, желавшій особенно его видѣть и говорить съ нимъ, почему Императрица и подвела его сама къ нему и рекомендовала какъ великаго Художника.

Столь же лестное вниманіе оказалъ Кулибину Шведскій Король при посѣщеніи Кунсткамеры. Съ особеннымъ любопытствомъ разсматривалъ онъ его изобрѣтенія, тутъ хранящіяся, и входилъ съ нимъ въ малѣйшія подробности въ разсужденіи природной его склонности и дарованій къ Механикѣ. Осыпавъ Кулибина привѣтствіями и пожавъ ему руку, при разставаніи сказалъ Директору: этотъ человѣкъ одаренъ рѣдкими, удивительными талантами!

Скромность всегда неразлучна съ отличнымъ талантомъ: Кулибинъ можетъ быть болѣе, чѣмъ кто либо доказалъ сіе, трудился для пользы а не для славы, а потому врядъ ли десятая часть его изобрѣтеній извѣстна Публикѣ. Конечно соотечественникамъ будетъ пріятно узнать о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

На казенномъ стекляномъ заводѣ одѣланы имъ новыя машины, для перевозки огромныхъ горшковъ съ кипя-

щею стеклянною матеріею. Ими поднимаются они также самымъ легкимъ образомъ вверхъ и льются донынѣ стекла для зеркалъ длиною въ 6 съ половиною, а шириною въ 3 съ половиною аршина.

Нѣкоторые изъ пріятелей Кулибина неоднократно пробовали на опытѣ одноколку, названную имъ самокатною, его изобрѣтенія. Ходъ ея утверждался на двухъ заднихъ и одномъ переднемъ колесѣ. Въ ней могли свободно сидѣть два человѣка, а третій, становясь сзади въ придѣланные къ пружинамъ сапоги или башмаки, и поднимая единожденно одну ногу послѣ другой, давалъ быстрое движеніе коласкѣ, и, когда нужно, столь же свободно поворачивалъ помощію вертикальнаго колеса. Механизмъ самокатки сей такъ былъ остроумно устроенъ, что въ гору она катилась скоро, а подъ гору тихо. По совѣту пріятелей уже онъ намѣревался представить ее начальству, какъ увидѣлъ въ газетахъ,

что нѣкто во Франціи изобрѣлъ подобную коляску, и оспаривалъ свою въ безъизвѣстности. Но зависть изъ тщеславія, или гордости, а не истинно изъ великодушія, не хотя оспоривать славы другаго Художника въ одинаковомъ изобрѣтеніи. Вотъ черта его характера (*)!

То же почти случилось съ другимъ полезнѣйшимъ его изобрѣтеніемъ — съ искусственною ногою, которую сдѣлалъ онъ для Артиллерійскаго Поручика Нейцыма (сына Генералъ-Лейтенанта), у коего на Очаковскомъ штурмѣ оторвана была ножная колѣна. Нога сія сдѣлана была почти такъ натуральная изъ тонкаго металла и обложена пробочною корою и замшею. Носившій ее ходилъ безъ помощи, садился, вставалъ и надѣвалъ шелковый чулокъ и башмакъ, не касаясь до нее руками, ибо она сама въ колѣнѣ и пло-

(*) Таковыя же коляски надѣлали прошедшаго года много шуму въ Миланѣ и Дрезденѣ. — Первая, изобрѣтенія *Брілльзы*, а вторая изобрѣтенія *Барона Дрейса*.

онъ сгибалась и разгибалась, подобно природной, такъ что не зная, что Непейцынъ раненъ, никто не могъ догадаться, чтобъ онъ носилъ искусственную ногу. Послѣ истребительной войны 1807 года, Кулибинъ съ мѣста своего покоя, изъ Нижняго Новгорода, желая сдѣлать услугу для раненыхъ Героевъ, прислалъ сюда двѣ искусно сдѣланныя куклы съ поддѣланными ногами для освидѣтельствованія и введенія ихъ въ употребленіе. Между тѣмъ, какъ Гг. Ученые, иностранные Хирурги и Операторы наши разсматривали, оспоривали, писали разсужденія о безполезности ея, о невозможности употреблять ее, Бонапарте покупалъ у вывезшаго сіе прекрасное изобрѣтеніе Русскаго Механика въ Парижъ и выдавшаго за свое, искусственныя ноги, платя по 1200 франковъ за каждую и дарилъ ими своихъ раненыхъ Офицеровъ (*).

(*) По окончаніи ужасной кампаніи съ 1812 по 1815 годъ, употребленіе искусственныхъ

Изъ отличнѣйшихъ изобрѣтеній Кулибина по части Физическихъ Наукъ, коими онъ сильно любилъ заниматься, замѣчательны: 1) огромный электрофоръ, который представленъ былъ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и хранится нынѣ въ Физическомъ Кабинетѣ при Академіи Наукъ (*). Оный сдѣланъ по Вольфову начертанію и есть, можетъ быть, самый большой изъ извѣстныхъ электрофоровъ, ибо нижняя доска его имѣетъ 9 футовъ длины и 4½ фута ширины; 2) телескопъ, сокращенной длины противу обыкновенныхъ сферическихъ телескоповъ, съ металлическимъ зеркаломъ, которое шлифовалъ и полировалъ онъ самъ

ногъ ввелось повсюду. Мнимый изобрѣтатель обогатился и покрытъ почестями и благодарностію въ Англіи и Франціи.

(*) Онъ съ большею подробностію описанъ во 2 части Гергіева описанія Петербурга и въ Bernoulli Reise durch Brandenburg, Pommern, Preußen, Curland und Rußland, in den Jahren 1777 und 1778, Leipzig 1780.

по параболической линіи; 3) зажигательное зеркало, составленное изъ частицъ, наподобіе Архимедова, въ три сажени въ діаметрѣ; 4) металлическій термометръ, коего градусы теплоты и стужи (раздѣленные на 60 частей) показывались, какъ въ часахъ, стрѣлками. Сверхъ того исправлена имъ машина, извѣстная подъ названіемъ Системы міра, или планетаріума, находящаяся въ Кунсткамерѣ, къ чему никто изъ Механиковъ не смѣлъ приступить, и представлена была Государынѣ, равно какъ и модель изобрѣтеннаго имъ телеграфа, которую можно видѣть тамъ же.

Лѣтомъ въ 1795 году Екатерина получила изъ Англіи большой телескопъ Гершелевой работы, и желая въ него взглянуть на луну, приказала Механику Кулибину и Профессору Румовскому явиться для установленія онаго въ Царское село. Государыня, забавляясь разсматриваніемъ небесныхъ свѣтилъ, шесть разъ: Іюня 27 и 29 и Іюля 2, 4,

5 и 7, была очень довольна и весела, и пожаловала Кулибину золотую табакерку въ 600 рублей, а Астроному часы въ такую цѣну. Весьма замѣчательно, что на второй день, когда Механикъ приготовился повертывать винтъ, коимъ приводился въ движеніе телескопъ, дабы слѣдовать быстрому теченію луны, Императрица изволила сказать ему: „ Не трудитесь, Г. Кулибинъ, я уже познакомилась съ луною и часто буду летать туда. “ — При семъ случаѣ также Кулибинъ, можетъ быть въ жизни въ первый разъ, позволилъ себѣ пошутить на щетъ другаго: когда N., одинъ изъ краснорѣчивыхъ Профессоровъ, направя телескопъ на нѣкоторое созвѣздіе, открывалъ въ немъ множество чудесъ и подробностей, коихъ Кулибинъ не замѣчалъ, то Государыня спросила сего послѣдняго: „ отъ чего же ты, Иванъ Петровичъ, не видишь ничего? “ — „ Вѣроятно ученые глаза зрячѣе моихъ безграмашныхъ! “ отвѣчалъ онъ.

Въ числѣ любопытныхъ часовъ, имъ составленныхъ, нельзя не упомянуть о двухъ, заслуживающихъ особенное вниманіе. Первые были карманныя часы, средней пропорціи: перемѣна атмосферы не имѣла на металлы, ихъ составляющіе, никакого вліянія, какъ то обыкновенно бываетъ отъ разширенія и сжатія паровъ, а потому ни сколько не дѣйствовала на ихъ вѣрность. Въ циферблатѣ двигалися разнообразно 7 стрѣлокъ, и показывали 12 знаковъ небесныхъ, мѣсяцы, градусы, числа (изъ коихъ въ 4 года одно только нужно было переставить) седмичные дни въ планетныхъ знакахъ, часы, минуты, и единоударныя секунды, какъ въ астрономическихъ часахъ; теченіе луны въ шаровидной фигурѣ, теченіе солнца, коего восхожденіе и захожденіе согласовано на цѣлый годъ было съ Петербургскимъ и Московскимъ календарями, и затмѣніе его и луны. Другія часы сдѣланы имъ съ музыкою, подобною Русскимъ гуслямъ. Во время досу-

гонъ, Кулибинъ сдѣлалъ для пріятнаго и полезнаго занятія Великихъ Князей небольшую новаго роду вѣтряную мельницу, коей малѣйшія подробности отдѣланы были съ чрезвычайнымъ искусствомъ, также механическую гору съ куранпами и падающими каскадами, кои всѣ составлены изъ стекла, причемъ двигались прилично весьма живо разныя фигурки. Но главнымъ, полезнѣйшимъ изъ трудовъ его въ послѣдніе годы царствованія Екатерины конечно должны почесться чертежи разныхъ мельницъ, кои бы могли дѣйствовать безъ плотинъ на большихъ, быстрыхъ, судоходныхъ рѣкахъ, каковы Нева, Волга и проч. Онъ также по желанію Императрицы собралъ большое паникадило или люстру, выпоченную Петромъ I.

Государыня, видя его столь великое усердіе и всегдашнее во всѣхъ случаяхъ благородное безкорыстіе, прибавляла ему жалованье, такъ, что въ 1792 году уже онъ получалъ 1200 рублей

(*); а чтобъ совершенно обезпечить его, поощрить болѣе и наклонить единственно весь талантъ его къ пользѣ общественной, приказала ему еще въ 1786 году сказать, что будетъ ежегодно отпускаться ему изъ Кабинета денежная сумма для опытовъ, кои пожирали у него, какъ то обыкновенно бываетъ со всѣми Механиками и Химиками, большую половину его жалованья. Императрица не обманулась: уже одно лестное обѣщаніе сіе произвело большую часть упомянутыхъ изобрѣтеній. Въ надеждѣ сей онъ ежегодно обременялся долгами, зная, что рано или поздно Екатерина вспомнитъ его и все ему возвратится сторицею; но судьба устроила иначе: посреди ле-

(*) Тогожъ года Ноября 20 С. Петербургское Экономическое Общество во уваженіе полезныхъ трудовъ Кулибина, и желая имѣть въ сословіи своемъ столь знаменитаго человѣка, избрало его единогласно своимъ Членомъ.

стныхъ ожиданій Благодѣтельница его внезапно скончалась.

Хотя Кулибинъ лично извѣстенъ былъ Императору Павлу Петровичу, но желалъ заслужить особенное вниманіе Государя новыми трудами своими, и воспользовался первымъ случаемъ, поднеся Его Величеству проэктъ, какъ укрѣплять пополокъ и крышу безъ столбовъ на зданіяхъ въ 60 и болѣе сажень въ ширину. Изобрѣтеніе сіе весьма понравилось Императору, ибо предполагаемо было тогда построеніе по полкамъ экзерциръ-гаузовъ. Кулибинъ составилъ новую теорію сію по примѣру моста, имъ изобрѣтеннаго.

Вскорѣ другимъ подвигомъ показалъ онъ свои дарованія и скромность. — Сто двадцати-пушечный корабль Благодать, при спускѣ своемъ, остановился на стапелѣ. Когда всѣ усилія Ученыхъ были истощены для снятія его; когда знанія иностранныхъ Инженеровъ и Механиковъ оказались недостаточными, когда самые рѣши-

шедьные способы оставались безъ успѣха, крѣпкія сваи ломались какъ тонкія палочки, и завозы изъ самыхъ толстыхъ канатовъ лопались, какъ нитки, въ то время принуждены были послать за Кулибинымъ и просить его снять корабль со стапеля. Цѣлую ночь трудился онъ надъ придумываніемъ легчайшаго способа: чертилъ, вычислялъ, строилъ, вырѣзывалъ, и на другой день со свѣтомъ явился у корабля, опутался его блоками въ противуположную линію и укрѣпилъ въ него канаты на два ворота, привязавъ къ нимъ множество шнуръ. Оба берега покрыты были безчисленнымъ народомъ, дожидавшимся съ нетерпѣніемъ, чѣмъ все сіе кончится. Всякій желалъ участвовать въ этомъ дѣлѣ и просилъ работы. По знаку Кулибина въ одинъ разъ тысячи рукъ тронули ворота и корабль тихонько сошелъ на воду. Народъ былъ въ восхищеніи, и на шу минуту не могъ удержать голоса національной гордости, превозносилъ Куди-

бина похвалами и кричалъ: „спасибо Русачку! каковъ же нашъ бородачь?“ —

Императоръ Павелъ весьма благосклонно былъ расположенъ къ Кулибину. Встрѣчая его во дворцѣ или на улицахъ, привѣтствовалъ его всегда по имени и отчеству — Иваномъ Петровичемъ — спрашивалъ о здоровьѣ, а иногда и останавливался съ нимъ разговаривать. Скоро щедрый Монархъ излилъ на него свои милости, и вошъ по какому обстоятельству.

Однажды ввечеру, когда Кулибинъ въ кругу своего семейства отдыхалъ послѣ дневныхъ трудовъ своихъ за самоваромъ, входитъ Фельдъегерь и объявляетъ волю Государя, чтобъ онъ немедленно явился къ Его Величеству. Поспѣшность и краткость времени нѣсколько встревожили его домашнихъ, но Кулибинъ успокоиваетъ ихъ и является тотчасъ къ Императору. Павелъ принимаетъ его очень ласково, самъ подвигаетъ стулъ и приказываетъ са-

дишься. Кулибинъ откланиваешся, но Государь настаиваетъ и послѣ того самъ садится подлѣ него и спрашиваетъ: „Давно ли вы живете въ Петербургѣ?“ Около тридцати лѣтъ, Ваше Величество. — „Случалось ли быть здѣсь землетрясенію и столь сильной бурѣ какъ вчерашняго дня?“ — О землетрясеніи я не помню, а буря была сильнѣе во время послѣдняго наводненія. — „Комендантъ крѣпости доноситъ мнѣ, что вчерашній день въ домикѣ, въ коемъ хранится ботикъ Дѣдушки, полъ обрушился, въ Соборѣ также онъ повредился и шпиль колокольни покривился. Прошу васъ, Иванъ Петровичъ, потрудиться, если можно, поправить его, чтобъ онъ нечаяннымъ паденіемъ не могъ причинить вреда.“ — Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества я долженъ свято чтить и исполнять, но осмѣливаюсь доложить, что поправленіе и укрѣпленіе шпиля зависятъ болѣе отъ Архитектора, нежели отъ Механика — „А Гваренги

говоришь, что это дѣло Механика. "— Соборъ и колокольню строилъ не Механикъ, а Архитекторъ; но я употреблю всѣ силы исполнить повелѣніе Вашего Величества.— „Очень хорошо, такъ возьми же съ собою Гваренгія, общими силами исправьте поврежденія и мнѣ донесите." — Тутъ Государь звонитъ въ колокольчикъ и приказываетъ позвать Архитектора, но Кулибинъ докладываетъ, чтобы онъ позволилъ ему теперь же идти къ Гваренгію, дабы условиться съ нимъ немедленно начать работу. По вашимъ ли лѣсамъ ходить такъ высоко? возразилъ великодушный Павелъ. (Гваренгій жилъ въ самомъ верхнемъ ярусѣ эрмитажнаго Театра). Я пятый годъ ежедневно всхожу и выше для заведенія и повѣрки дворцовыхъ часовъ во фронтонѣ на площадь; кои Ваше Величество изволили приказать мнѣ поставить тамъ и имѣть въ своемъ смотрѣніи, отвѣчалъ Кулибинъ. „Получаете ли вы за это какое жалованье?" — Никакого. Тутъ

Государь, подумавъ, сказалъ: „я поправлю это, а вы постарайтесь исполнить мое приказаніе.“ На другой день Кулибинъ утромъ беретъ съ собою двухъ человѣкъ, и по рѣкѣ (это было зимою) обходитъ кругомъ всю крѣпость, ставитъ на каждомъ шагу вашерпасъ, смотритъ по оной гирькѣ на шпиль и не находитъ ни малѣйшаго его наклоненія ни въ которую сторону. Съ удивленіемъ идетъ къ Коменданту и докладываетъ ему о своемъ замѣчаніи. „Быть не можетъ, возражаетъ Комендантъ, пойдемте я вамъ докажу, что вы ошибаетесь.“ Послѣ сего отводитъ его въ коридоръ, и указывая на двери, говоритъ: посмотрите на шпицъ въ эти двери; увидите, какъ покривился онъ отъ бывшей бури.“ Вижу, но только не шпицъ, а двери ваши кривы. Потомъ, вынувъ изъ карману гирьку на снуркѣ, повѣсилъ ее противъ шпица у дверей и доказалъ ясно ошибку его. Комендантъ признался въ своей поспѣшности и просилъ

Кулибина въ сильныхъ выраженіяхъ поправишь его неосторожность предъ Государемъ. — На завтра Механикъ и Архитекторъ отправились въ крѣпость, взошли на колокольню въ верхній ярусъ каменнаго строенія. Гваренгій, бывъ шученъ, хотя гораздо моложе товарища своего, запыхался и не могъ итти далѣе. Механикъ, не смотря на старость лѣтъ своихъ, долженъ былъ одинъ съ работникомъ взбираться выше и выше по стоячимъ проволочнымъ лѣсницамъ; потомъ, когда онѣ кончились, пробирается чрезъ висячіе колокола и молотки, и хватается руками за курантныя проволоки. Страшно было со стороны смотрѣть на старца, держащагося въ воздухѣ слабыми руками своими! Сердце замирало, смотря на него! — Наконецъ вошелъ онъ съ работникомъ въ основаніе шпица, приказалъ ослабѣвшіе отъ времени болты привинтить крѣпче, а высохшіе деревянные конпфорсы заклинить и проч. Спусканье въ низъ было еще страшнѣе и опаснѣе; —

однакожь съ Божіею помощію сошелъ онъ невредимъ. Гваренгій несказанно благодарилъ его за избавленіе отъ такого ужаса и трудовъ. Въ силу сего написали отъ общаго имени рапортъ Государю, что шпицъ осмотрѣнъ, найденныя поврежденія исправлены и болѣе опасности не предстоитъ.

Павелъ не забылъ своего Царскаго слова: приказалъ Механику Кулибину производить за содержаніе и смотрѣніе дворцовыхъ часовъ по 1,200 руб. въ годъ, выдавъ ему за четыре года его службы 4,800 рублей.

Вскорѣ послѣ сего поручено было Кулибину отъ Государя осмотрѣть мѣры, принятыя въ подняттю и перенесенію памятника Петра I къ Михайловскому замку. Онъ нашелъ ихъ недостаточными, особливо неудобнымъ оборотъ монумента на вѣсу, по чему прибавилъ что нужно къ первымъ, и повернулъ его напередъ какъ должно ему стоять на піедесталѣ (*).

(*) Какъ сему, такъ и снятію корабля *Бла-*

По восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, Кулибинъ имѣлъ счастіе два раза быть предсталеннымъ Его Величеству. Государь, снисходя его ревности и долговременной службѣ, позволилъ старцу остатокъ дней его провести на родинѣ въ мирномъ уединеніи, превратя ему въ пансіонъ получаемое имъ жалованье и съ квартирными 300 р., и пожаловавъ сверхъ того шесть тысячъ рублей на заплату долговъ.

Пріѣхавъ въ Нижній, на остальныя деньги онъ купилъ маленькій ветхій домикъ, едва могущій помѣстить многочисленное его семейство, и по любви своей къ занятіямъ принялся за приведеніе въ совершенство изобрѣтенной имъ машины къ облегченію судоходства. Первая такого рода машина сдѣлана была имъ еще въ С. Петербургѣ въ 1782 году, свидѣтельствована и апробована по повелѣнію Екатерины,

водать съ мели, сдѣланы были чертежи съ подробнымъ описаніемъ.

Генералъ-Прокуроромъ Княземъ Вяземскимъ и Членами Адмиралтейства, кои на ней катались по Невѣ, при громогласномъ ура! многочисленныхъ зрителей, пропивъ шесченія и сильнаго вѣтра, мимо Зимняго дворца, изъ окошекъ коего смотрѣла Императрица. Двухвесельный яликъ едва могъ держаться съ ходомъ машины. Предвидя, что изобрѣтеніе сіе принесетъ важную пользу внутреннему судоходству въ Россіи и доставитъ дешевизну жизненныхъ припасовъ въ обѣихъ столицахъ, Кулибинъ, на западѣ жизни своей неутомимо старался поспѣшать окончаніемъ его, занимался нѣсколько лѣтъ разными опытами, употребилъ все усиліе своего генія, и, не смотря на слабое свое здоровье, ненастье, дожди, шакъ сказать, жилъ на Волгѣ. Наконецъ, доволенъ будучи успѣхомъ своего предпріятія, представилъ машинное судно свое на разсмотрѣніе мѣстному Начальству. Нижегородскій Губернаторъ, почетное Дворянство и богатѣй-

шее купечество на опытѣ единогласно признали изобрѣтеніе его чрезвычайно полезнымъ и обѣщающимъ великія выгоды Казнѣ и Государству, о чемъ отъ Губернатора и донесено было Министру Коммерціи. Съ таковымъ свидѣтельствомъ Кулибинъ въ 1806 году просилъ Государя Императора приказать принять машину, куда слѣдуетъ, для разсмотрѣнія употребленія ея по Государству, предлагая услуги свои показать строеніе ея безъ всякой платы, всякому желавшему завести таковыя суда, а себѣ просилъ единственно заплаты издержекъ, употребленныхъ имъ на построеніе оной. Прозьба сія чрезъ Министра Коммерціи Графа Румянцева съ рисунками и описаніемъ препровождена была на разсмотрѣніе въ Департаментъ Водяныхъ Сообщеній. Весьма любопытны и важны по многимъ отношеніямъ возраженія Кулибина, писанныя собственною его рукою на замѣчанія Г. Генералъ-Лейтенанта Деволанта, коему

поручено было отъ Департамента разсмотрѣніе сего изобрѣтенія.

1) На счетъ необходимости содержать на всякой машинѣ особеннаго Механика — Кулибинъ приводитъ, что не имѣя ни одного пальцоваго колеса, ни одной шестерни, машины сіи такъ легки, что мѣсто Механика можетъ занять и смотрѣть за ними всякій плотникъ, каковые бываютъ и на обыкновенныхъ судахъ, и кои не рѣдки, чему служатъ примѣромъ вѣтряныя и пильныя мельницы, кои въ наблюденіи своихъ размѣровъ гораздо затруднительнѣе, а дѣлаются, управляются и починиваются простыми мужиками.

2) Прошивъ замѣчанія, что во время прошивныхъ и боковыхъ вѣтровъ останутся суда сіи въ бездѣйствіи — возражаетъ слѣдующимъ образомъ: прошивные вѣтры не только препятствовать не могутъ, но еще ускоряютъ ходъ машиннаго судна, вопервыхъ потому, что они гонятъ ско-

рѣе въ низъводу, а шѣмъ дѣлаютъ ее быстрѣе и дѣйствіе машины сильнѣе; а вопторыхъ потому, что, при обращеніи водяныхъ колесъ, висящія на желѣзныхъ цепляхъ легкія лопашки въ верхней части колеса, отклоненіемъ своимъ пропускаютъ стремленіе вѣтровъ между собою и, склонясь къ самой водѣ, составляютъ надъ оной крыло, въ которое до погруженія его въ воду, дующій вѣтръ также помогаетъ; въ прочія же части машины хотя также можетъ дуть вѣтръ, но едва ли больше того, сколько бы на обыкновенномъ суднѣ въ плаванье другой половины числа работниковъ дуть могъ, а еще болѣе удостовѣряютъ въ безопасности хода машинныхъ судовъ отъ вѣтровъ, ходящія безопасно весною съ хлѣбомъ изъ Нижняго Новгорода до Рыбинска барки, имѣющія на поверхности палубы вышиною до 4 аршинъ, въ кои вѣтръ конечно ударяетъ болѣе чѣмъ въ машины. Въ большія же бури и всякія суда останавливаются.

3) Сомнѣніе, что постройка, содержаніе и возвратная доставка машинъ не дороже ли будетъ стоить самыхъ транспортовъ бичевою, — Кулибинъ опровергаетъ такъ: издержки на машины суть слѣдующія: на обыкновенное новое судно, стоющее 3000 р., поднимающее грузу 12,000 пудовъ, машина сія не будетъ дороже 1500 р. и можетъ служить отъ 8 до 10 лѣтъ; рабочниковъ на каждые 1000 пудъ полагается нынѣ для бичевы по 3 съ половиною человѣка, слѣдовательно на 12,000 — 42. На машинѣ же съ такимъ грузомъ потребна только половина, т. е. 21 человѣкъ. Изъ жалованья оставальной половины, полагая по 60 р. (*) на человѣка, за взвозъ отъ Камышкина до Нижняго 1260 р. въ лѣто, съ вычетомъ процентовъ на сумму, расходовъ на починку и проч. остается чистаго барыша болѣе 1000 р., возвратная же доставка машинныхъ судовъ

(*) Нынѣ этимъ же самымъ работникамъ платятъ до 200 рублей.

не можешъспоишь дорого, потому что они могутъ бѣжать внизъ однимъ теченіемъ.

4) Несправедливость замѣчаній о невозможности машиннымъ судамъ итти караванами по причинѣ медленнаго и ненадежнаго ихъ хода — Механикъ доказываетъ свидѣтельствомъ, которое дѣлано было многократно пробному судну его, шедшему на равнѣ съ бичевыми, увѣряя притомъ, что онъ имѣетъ въ головѣ со временемъ гораздо улучшить его по сей части, облегча уничтоженіемъ излишностей.

5) Наконецъ, на заключеніе, что принужденіе купечества къ дѣланію машинныхъ судовъ было бы затруднительно и несправедливо — Кулибинъ объявляетъ, что никогда не имѣлъ того въ предметѣ, но полагалъ единственно познакомить всѣхъ съ выгодами оныхъ подробнымъ описаніемъ и съ публикованіемъ, равномѣрно позволеніемъ всякому разсма-

привашь образцовое судно и брашь съ него чертежи, послѣ чего собственныя выгоды каждаго заставятъ вводить ихъ и употреблять постепенно, и оканчиваетъ разсчетомъ, что Казна перевозкою одной соли на сихъ судахъ можетъ выиграть на Волгѣ въ лѣто болѣе милліона рублей.

Послѣ сего Кулибину заплачены были употребленные имъ на сооруженіе машинъ шесть тысячъ рублей съ копейками, а судно отдано въ сохраненіе городской Ратуши, которая въ послѣдствіи продала его съ аукціона — на дрова! Горько было Кулибину видѣть исполненіе шаковаго приговора надъ любимѣйшимъ, полезнѣйшимъ изъ его изобрѣтеній; но онъ повиновался и молчалъ: ибо трудился не для собственныхъ выгодъ своихъ, а для отечества! Кто въ сей чертѣ скромности не узнаетъ духа истиннаго Русскаго патріотизма, коего символъ — быть полезнымъ, а лавры — довольствіе совѣсти!

Видя такимъ образомъ, что труды его не соотвѣтствовали той цѣли, какую предполагалъ онъ, Кулибинъ обратился на устроеніе домашняго своего хозяйства: продалъ нѣкоторыя вещи, безъ коихъ могъ обойтися въ скромномъ уединеніи своемъ, и возлѣ сидарой хижины своей, пришедшей въ ветхость, началъ строить на горѣ по собственному плану своему новый деревянный домъ въ два этажа, дабы удобнѣе помѣститься со всѣмъ многолюднымъ семействомъ своимъ; но для окончанія его должень былъ войти въ долгъ. Уже мечталъ онъ объ удовольствіи, съ какимъ проведетъ остатокъ дней посреди дѣтей своихъ, помѣстя ихъ вкругъ себя покойнымъ образомъ; уже воображалъ, что будетъ жить если не въ красивыхъ, то въ теплыхъ комнатахъ, каковыхъ досель не имѣлъ. Однажды, какъ бесѣдовалъ онъ о сей любимой мапіерѣ и распоряжалъ, гдѣ чему быть, сказываютъ ему, что вблизи большой пожаръ. Встревожившись,

выбѣгаютъ всѣ вонъ, но нѣтъ опасности: пожаръ довольно далеко; всѣ успокоиваются! Немного погодя сказываютъ, что пожаръ приближается: огонь бѣжалъ быстро и былъ уже не далеко. Едва Кулибинъ успѣлъ собрать и вынесть свои бумаги, опыты и нѣсколько мебелей, какъ загорается старый его домикъ. Вѣтръ сильно дулъ на новый, и сколько ни старались отстоять его, но и онъ сдѣлался жертвою пламени! Это случилось въ 1814 году.

Лишенный всего имущества, которое нажилъ онъ долговременными трудами своими, Кулибинъ провелъ съ семействомъ своимъ всю ту ужасную ночь у исплѣвающихъ развалинъ хижинъ своихъ! Не льзя равнодушно было смотрѣть на почтеннаго съ открытою головою старца, убѣленною лѣтами, сидящаго на пожарищѣ и утѣшающаго словами Священнаго Писанія супругу и старшихъ дѣтей своихъ; каково было слышать ему стоны и

рыданіе малюшокъ его, кои въ испугѣ не отходили отъ него; слезы ихъ раздирали его сердце! Упромъ, уступя усильнымъ прозьбамъ часовыхъ дѣлъ мастера Пятерикова, помѣстился онъ у него съ многочисленнымъ семействомъ своимъ, но видя, что чрезвычайно его стѣсняетъ, переселился скоро въ село Карповку, къ зятю своему С. Совѣтнику Попову, въ 7 верстахъ отъ Нижняго, гдѣ и гостилъ онъ около полугода. Хозяинъ всѣ силы употреблялъ, чтобъ гости его были довольны всѣмъ, и чтобъ тесть его хотя сколько нибудь забылъ о несчастіяхъ своихъ и поправился въ здоровьѣ. Однакожь сей послѣдній, по крайней совѣстности своей, лишь только почувствовалъ нѣкоторое облегченіе своимъ недугамъ, то отправился въ городъ искать себѣ хижины. Нашелъ полуразвалившуюся избушку съ маленькимъ мѣстомъ для садика, за которую просили 600 рублей, а у него не было ни полушки. Деньги, кои могъ скопить онъ въ послѣдніе полгода —

роздалъ кредиторамъ своимъ. Что дѣлать? — По счастію узналъ объ этомъ Г. Губернаторъ и приказалъ заплатить требуемые 600 рублей изъ суммы Общественнаго Призрѣнія съ вычетомъ изъ его пансіона. Получивъ такимъ образомъ во владѣніе свое избушку, переселился онъ въ нее со всѣмъ своимъ семействомъ, и не смотря на тѣсноту, сырость, холодъ, вновь почувствовалъ въ душѣ обыкновенное свое спокойствіе, спокойствіе Христіанина, испытуемаго Всевышнимъ Промысломъ, и принялся за любимыя свои упражненія, за механическія изобрѣтенія. Не имѣя возможности строиться, онъ копался въ садикѣ и огородѣ, кои въ скорости отъ его рукъ и пота явились въ пріятномъ и изобильномъ видѣ.

Такъ Кулибинъ служилъ всякому примѣромъ терпѣнія и упованія на Бога; но больно было видѣть семейство столь знаменитаго старца нуждающимся даже крова, принужден-

нымъ помѣщаньемъ въ сѣняхъ и на чердакѣ. Стыдно было Русскому видѣть родныхъ одного изъ почтеннѣйшихъ и полезнѣйшихъ сограждан въ такой крайности, когда иностранные танцоры, комедіанты, модныя торговки, портные, не говоря уже объ артистахъ, живутъ въ его отечествѣ не только въ изобилiи, но и въ пышности! Только слеза, иногда катившаяся по изсохшей ланитѣ его, измѣняла его твердости, и краснорѣчиво говорила, что происходило въ душѣ его! — Когда болѣзненные припадки болѣе трехъ лѣтъ предъ смертію не позволяли ему вставать съ постели, то занимался онъ лежа въ ней столь же неутомимо разными черченіями и выкладками. Какъ будто предчувствуя близкую смерть свою, онъ торопился окончаніемъ проэкта желѣзнаго моста о трехъ аркахъ для Невы, и изысканіемъ тайны вѣчнаго движенія, *(perpetuum mobile.)* Чертежи для перваго онъ успѣлъ почти кончить, а разныя модели

или опыты второй хотя не совершены имъ, но всякому, знакомому нѣсколько съ сею частію, доказываютъ великія познанія Кулибина въ Механикѣ, доказываютъ его глубокомысліе, его геній, вдохновенный Природою и изощренный долговременною опытностію. Жаль, что не удалось ему кончить сего важнаго изобрѣтенія. Можетъ быть, онъ былъ бы счастливѣе своихъ предшественниковъ, останавливавшихся на семъ камнѣ преткновенія; можетъ быть, онъ доказалъ бы, что вѣчное движеніе не есть химера Механики, какъ утверждалъ Даламберъ, подобно Философскому камню — въ Химіи — безкорыстной любви — въ нравственности! Любопытно замѣтишь, что Кулибинъ поощренъ былъ къ сему открытію знаменитымъ Математикомъ Эйлеромъ, который на вопросъ его, какого онъ мнѣнія на счетъ вѣчнаго движенія, отвѣчалъ, что онъ почитаетъ его существующимъ въ Природѣ, и думаетъ, что оно обрѣтет-

ся какимъ нибудь счастливымъ образомъ, подобно многимъ откровеніямъ, почитаемымъ до того невозможными! Замѣчательно также, что съ тѣхъ поръ, болѣе 35 лѣтъ, Кулибинъ тайно отъ всѣхъ занимался симъ открытіемъ, и что въ 1816 году удача нѣкотораго опыта такъ польстила его, что въ послѣднія минуты жизни своей онъ единственно обращалъ все вниманіе свое на предметъ сей и надѣялся успѣть еще подарить онымъ отечество свое, страстно имъ любимое. (*)

Не менѣе того построеніе моста на Невѣ также было однимъ изъ постро-

(*) Въ бумагахъ его найдены слѣдующія два любопытныя примѣчанія на чертежахъ *perpetuum mobile*, написанныя собственною его рукою: 1) Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижется во вѣкъ! 2) Моя насѣдка клохтала болѣе 50 лѣтъ, ломала голову и кружила, и такъ меня объѣла, что привела въ немалые долги, и во все то время разъ до двадцати обманывала насиженными яйцами, изъ всѣ оказались — болтунами.

янныхъ, пламенныхъ его желаній. Когда ушвердился онъ на послѣдней мысли и начертилъ нужные рисунки, то препроводилъ ихъ къ Государю съ убѣдительнѣйшею прозьбою употребить его предпочтительно къ произведенію проэкта сего въ дѣйство, не смотря на старость и дряхлость его. Мостъ сей предполагалъ онъ изъ трехъ рѣшетчатыхъ желѣзныхъ арокъ, каждую въ 30 сажень, утвержденныхъ на четырехъ каменныхъ быкахъ, также одѣтыхъ желѣзомъ, для отраженія льду. Подлѣ береговъ назначилъ онъ провесши каналы въ 6 сажень ширины, для пропуску мачтовыхъ судовъ, съ подъемными мостами, а на ближнихъ быкахъ построить домы для служителей. Быки ушвердить въ рѣкѣ Кулибинъ почиталъ возможнымъ сколько по собственному своему разсужденію, сколько по представленному гидравлическому мосту въ 12 арокъ, котораго модель хранится въ Кунсткамерѣ; со всѣмъ тѣмъ изъ крайн й скромности и осторожности

просилъ, чтобъ употребили для того знающихъ совершенно сію часть, а ошвѣшествовалъ единственно за швердость и легкость моста, для коего имъ не только составлены рѣшетки и связи, по новой системѣ, но изобрѣтены нарочныя машины и инструменты для литья металла и удобнаго нарѣзыванія на немъ гнѣздъ. Внутренность освѣщалась бы фонарями его изобрѣтенія.

Но Богу угодно было воззвать его къ Себѣ прежде исполненія его желаній. Въ 1818 году Іюня 30 Кулибинъ, почувствовавъ истощеніе своихъ силъ и приближеніе кончины, призвалъ къ себѣ жену и дѣтей, благословилъ ихъ и ушѣшая сказалъ: Богъ и Государь сиротъ моихъ не оставятъ! — То были послѣднія слова, имъ произнесенныя. Смерть его, хотя и давно ожидаемая, поразила семейство его, родныхъ и знакомыхъ неописанною горестію. Первые лишились въ немъ чадолюбиваго отца, единственной подпоры и надежды, а вторые мудраго со-

вѣшника и искренняго друга. — Лишь только распространилась вѣсть о его кончинѣ, жилище его наполнилось рыдающими и благословляющими его благодѣянія. — Послѣ покойника не осталось ни копейки денегъ: неутѣшная вдова принуждена была заложить послѣднія стѣнныя часы за триста рублей, да нѣкоторые друзья принесли ей 175 рублей. Часовой же мастеръ Пятериковъ, самъ недостаточный человѣкъ, при помощи родственниковъ покойнаго, взялся предать землѣ тѣло его съ подобающею честію. 4 Іюля, въ день погребенія, стеклось такое множество народа, что не только домъ, но и дворъ не могъ вмѣстить посѣтителей. Въ то же время являются, безъ приглашенія, Учители Нижегородской Гимназіи съ учениками, въ мундирахъ, и просятъ дозволенія проводить покойнаго на мѣсто погребенія изъ уваженія къ его талантамъ. Старшій изъ нихъ взялъ подушку съ медалью, а другіе съ Пятериковымъ и имяни-

шыми купцами понесли гробъ на себѣ. Честь и слава благороднымъ наставникамъ юношества, почтившимъ память истинныхъ достоинствъ! Хвала гражданамъ, умѣющимъ гордиться такимъ сочлѣнемъ! Миръ праху твоему, добрый, почтенный Кулибинъ! — Онъ скончался на 83 году.

Въ домашней жизни Иванъ Петровичъ былъ столь тихъ и скроменъ, что не давалъ замѣчать, что онъ былъ глава въ домѣ, хотя любилъ заниматься хозяйствомъ, любилъ гостепріимство и водишь, какъ говорится у насъ, хлѣбъ и соль съ пріятелями. Обижавшимъ его онъ не только не мстилъ, но даже не сердился на нихъ, и убѣждавшимъ его вступиться за обиду, говаривалъ со вздохомъ: Богъ съ ними! При всѣхъ недостаткахъ своихъ, онъ выдалъ многихъ сиротъ за мужъ, наградивъ ихъ приданымъ по возможности, и никогда нищій не отходилъ отъ него, не получивъ чего нибудь въ подаяніе. Никого не осуждалъ ни въ ка-

комъ случаѣ, заступался за виновныхъ и не слушалъ злословія. Посты и церковныя постановленія сохранялъ свято и ненарушимо: былъ кротокъ, вѣжливъ, привѣтливъ и независтливъ (*), и потому всѣ его любили и уважали. Не только порокамъ, но и слабостямъ не былъ причастенъ. Въ карты не любилъ и не умѣлъ играть. Горячихъ напитковъ и даже винограднаго вина отъ роду не употреблялъ, кромѣ того, что по предписанію Доктора выпивалъ самую малую рюмочку предъ обѣдомъ и ужиномъ сладкой водки, и то тогда только, когда былъ здоровъ. Мастеровые, употребляемые имъ, всегда были довольны платою его, такъ, что нѣкоторые сами признавались, что того не-заслуживаютъ, и всегда получали въ отвѣтъ: впредь заслужишь. Въ часы отдохновенія Кули-

(*) Кулибинъ, услышавъ о прядильной машинѣ Гладкова, сказалъ: жаль, что я отсталъ отъ дѣлъ, а то съѣздилъ бы въ Москву обнять моего собрата.

бинъ любилъ играшь на гусляхъ, которыя подарилъ ему Графъ Орловъ, и на форшепіанѣ, хотя самоучкою, но очень порядочно, а иногда и припѣвалъ, акомпанируя себѣ. Почтеніе его къ Русскому національному костюму, котораго онъ не хотѣлъ перемѣнишь ни на какой другой, почитая его по справедливости удобнѣйшимъ и красивѣйшимъ, многіе относили къ старообрядческому суевѣрству, но онъ весьма далекъ былъ отъ этого. (*) Въ молодости своей любилъ ходишь въ шеатры, маскерады, посѣщашь дружескія весе-

(*) Случалось ему даже получашь и насмѣшки на счетъ его одежды и бороды; но онъ остроумно умѣлъ отклоняшь ихъ отъ себя. Одинъ молодой франтъ, желая подшутишь, сказалъ: Дѣдушка одолжи меня своимъ платьемъ въ маскарадъ. — Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Кулибинъ, только доживи до моихъ лѣтъ. Въ другой разъ, во время прогулки, въ Лѣтнемъ саду, подходишь къ нему еще насмѣшникъ и, подставя руку, проситъ благословенія, — не моя недѣля, отвѣтствуетъ Кулибинъ.

лыя собранія, и писалъ стихи. Однимъ словомъ, Кулибинъ обновлялъ въ нашей памяти пріятныя мечты патріархальной жизни нашихъ предковъ. Иванъ Петровичь былъ посредственнаго росту, статный мущина и въ походкѣ являлъ достоинство, во взглядѣ умъ и осторожность; объяснялся краснорѣчиво. Бѣлая окладистая борода, пожелтѣвшая отъ старости, придавала ему нѣкоторую почтенную степенность и важность. (*)

Родители Ивана Петровича, по смерти своей, въ наслѣдство оставили ему на попеченіе малолѣтнаго брата и сестру, и долгу болѣе семи сотъ рублей, сумму значительную по тогдашнему времени. Открывъ въ брашѣ способ-

(*) Учитель Нижегородской Гимназіи Веденецкій списалъ весьма удачно портретъ съ Кулибина въ послѣдній годъ его жизни. Онъ представленъ размышляющимъ за столомъ съ циркулемъ въ рукахъ, а на столѣ видны телескопъ, часы въ лицѣ, рисунки и модели разныхъ его изобрѣтеній.

ность къ живописи, онъ воспиталъ его хорошимъ Живописцемъ (*), сестру съ изряднымъ приданымъ выдалъ замужъ, а долгъ заплатилъ.

После себя оставилъ Иванъ Петровичъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей: отъ первой жены, на которой женатъ былъ 24 лѣтъ въ Нижнемъ Новгородѣ, сына и трехъ дочерей; отъ второй, на которой женился будучи 50 лѣтъ въ Санктпетербургѣ, изъ фамиліи Щербаковыхъ, четырехъ сыновьевъ и дочь;

(*) Онъ сперва учился въ Санктпетербургской Академіи Художествъ, и успѣхами своими обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго Мецената Ив. Ив. Шувалова, коего ходатайствомъ и отправленъ былъ потомъ въ Италію на счетъ Императрицы, для усовершенствованія. Тамъ прожилъ онъ 13 лѣтъ и возвратился сюда богатый искусствомъ своимъ, что доказываютъ малые остатки его кисти; но получивъ простуду, къ сожалѣнію всѣхъ знающихъ его — скоро умеръ. Онъ былъ также поэтъ и писалъ [illegible] стихи, особливо на Италіянскомъ языкѣ.

отъ прешьей — прехъ дочерей. Съ сей послѣдней, изъ фамиліи Докукиныхъ, сочетался онъ брачными узами въ Нижнемъ Новгородѣ, бывъ около семидесяти лѣтъ. Небесная благодашь: миръ, согласіе, любовь и уваженіе къ старшимъ никогда не только не измѣнялись въ его семействѣ, но пребывали въ немъ неколебимо, и послѣ смерши его осшались лучшимъ единсшвеннымъ наслѣдіемъ! (*)

(*) Поперя сего почшеннаго семейсшва увеличилаоь еще вскорѣ смершію А. Ѳ. Сколовскаго, одного изъ зяшьевъ покойника и ревносшнѣйшаго покровишеля его сиропъ. Родсшвенники его и друзья ушѣшаются однако шѣмъ, чшо кончина сего добродѣшельнаго человѣка была ошходомъ праведника ошъ сей жизни въ вѣчную, — смершь, завидная для Хрисшіанина! Онъ боленъ былъ пять только дней слабосшію, въ шесшой откры лась горячка. Въ полдень, по желанію своему, исповѣдался и причасшился онъ *свяшыхъ таинъ*, бывъ все

время на ногахъ и въ совершенной памяти; казалось, ему сдѣлалось лучше, но въ 10 часу вечера онъ попросилъ послать за Священникомъ, чтобъ *особороваться масломъ*. Его уговаривали, представляли, что онъ не такъ еще худъ, что успѣетъ еще..... Онъ потребовалъ настоятельно. Первыя молитвы: „Господи услыши молитву рабовъ Твоихъ, молящихся Тебѣ“ — онъ пѣль со Священникомъ вмѣстѣ и стоя на ногахъ; потомъ сѣлъ и пѣлъ такие и пи-ше., и на 11 Евангеліи, когда легъ, чтобъ совершили надъ нимъ муропомазаніе — скончался!

СМѢСЬ.

I.

Замѣчанія о несгараемомъ Испанцѣ Жели-Латурѣ.

На сихъ дняхъ ходилъ я смотрѣть съ извѣстнымъ Русскимъ Химикомъ Власовымъ, такъ называемаго несгараемаго Испанца Жели-Лашура, и спѣшу сообщить публикѣ нѣкоторыя замѣчанія, основанныя на Физическихъ законахъ и удостовѣренныя самыми опытами.

Первый опытъ Лашура состоялъ въ томъ, что онъ водилъ раскаленною желѣзною лопаткою по рукамъ и ногамъ своимъ, а послѣ по головѣ и по лицу. — Способъ сей основанъ на простыхъ Физическихъ законахъ, и всякій, кто захочетъ, можетъ водить по тѣлу своему раскаленнымъ широкимъ острымъ желѣзомъ безъ всяка-

го вреда. Хотя желѣзо есть лучшій проводникъ теплоты; но скоро теряетъ возвышенную температуру отъ прикосновенія къ частямъ тѣла, и по быстротѣ, съ которою водилъ Лашуръ острою широкою лопаткою — она не могла сообщить тѣлу чувствительнаго жара. Г. Власовъ удачно показалъ сіе въ послѣднее его представленіе надъ собою и надъ многими желавшими испытать оное.

Потомъ ходилъ Лашуръ по каленому желѣзу поперегъ полосы. Г. Власовъ весьма удачно производитъ сіи опыты, намачивая ноги растворомъ солей, содержащихъ излишнюю кислоту, и потомъ напирая ихъ Испанскимъ мыломъ. Средство сіе основано на томъ, что отъ прикосновенія къ горячему масло и вода разлагаются и переходя въ газообразное состояніе, уносятъ съ собою теплоту; но и для сего, замѣшно было, Лашуръ употреблялъ возможную скорость. —

Способъ его водить раскаленнымъ

крюкомъ по языку основанъ также болѣе на ловкости, подобной первой штукѣ, чѣмъ на несгараемости; впрочемъ вышесказанными веществами можно пріуготовить и самый ротъ.

Хотя Лашуръ объявилъ публикѣ, что онъ станетъ въ растопленное олово голыми ногами, но онъ едва прикасался къ поверхности пятою, не смотря на замѣчаніе нѣкоторыхъ зрителей; притомъ и металлъ сей не былъ настоящее олово, а нѣкоторая смѣсь, состоящая изъ олова, свинца и висмута, которая плавится гораздо скорѣе чистаго олова, а потому не содержитъ въ себѣ столько жару. Примѣтно было, что на деревянной доскѣ, на которую металлъ сей былъ вылитъ, не оставилъ онъ никакого знака или воспламененія.

Послѣ сего металлъ сей, довольно уже остывшій, хваталъ Лашуръ намазанными упомянутымъ веществомъ руками, въ ротъ, наполненный слюною; и фокусъ сей также основы-

палъ сверхъ того на скорости и ловкости. Въ семъ же сомнѣнiи и способъ его къ кипячимъ масломъ.

Онъ бралъ въ зубы полосу не раскаленную, а уже угасшую, и въ семъ случаѣ показалъ также болѣе ловкости.

Симпатическое солнце его есть не что иное, какъ *составъ* селитры, опилокъ, сѣры и антимонiи въ просѣломъ горшкѣ! И неизвѣстно, какiе опыты сдѣлалъ онъ, какъ обѣщалъ, и что разумѣлъ подъ именемъ жара и огня? Желательно знать также, почему онъ не напирался фосфоромъ, какъ обѣщалъ то въ афишкѣ своей 6го Февраля? Въ пиротехническомъ костюмѣ сидѣлъ онъ, вѣроятно, въ фуфайкѣ, напитанной квасцовымъ раствоpомъ, а голову, какъ *многiе замѣтили*, покрывалъ шаковымъ же плащкомъ.

Г. Власовъ занимается ученымъ и подробнымъ разсмотрѣнiемъ способовъ несгараемости и не въ продолжительномъ времени представитъ его на судъ просвѣщенной публики. Же-

лашельно, чтобъ онъ и другіе ученые люди приглашены были къ освидѣшельствованію печки, въ которую Г. Лаппуръ обѣщается сѣсть при 180 градусахъ жара по Реомюрову шермометру.....

II.

Великанъ и карлица.

Увидя по афишкѣ благополучное прибытіе въ Петербургъ великана съ карлицею, на другой же день явился я въ Морскую, чтобъ отдать имъ долгъ удивленія. Мнѣ много случалось видѣть большихъ людей, но ни одинъ еще не поражалъ меня столько своею огромностію и, кажется, ни одинъ не имѣлъ такой пропорціональности въ всѣхъ частяхъ, какъ новоприѣзжій гость нашъ. Онъ ростомъ 3 аршина съ вершкомъ: голова, лице, туловище, ноги, однимъ словомъ все — отвѣчаетъ сему необычайному росту, даже до зубовъ и голосу, и поражаетъ тѣмъ болѣе, что подлѣ него видишь

другую игру Природы — въ противномъ видѣ, карлицу вышиною не съ большимъ въ аршинъ, которая также чрезвычайно пропорціональна и не имѣетъ даже отвратительности обыкновенныхъ карловъ. Исполинъ сей родомъ изъ Брауншвейга и родился отъ бѣднаго земледѣльца, который, какъ сказываютъ, чрезвычайно маленькаго росту: около 2 аршинъ и 2 вершковъ, равномѣрно и мать его также женщина небольшая. Въ молодости переломилъ онъ себѣ ногу, которая, вѣроятно, помѣшала ему достигнуть совершенной возмужалости, предназначенной ему чудесною Природою. Объ этомъ можно судить по чрезвычайно большимъ рукамъ его, которыя величиною своею даже превосходятъ и не соотвѣтствуютъ теперешней его огромности. Болѣзнь сія не позволила ему заниматься никакою работою, и онъ принужденъ былъ въ отечествѣ своемъ питаться милостыною, которую подавали ему изъ жалости къ его росту!

Одинъ предпріимчивый человѣкъ взялъ его на откупъ: показывать по 70 талеровъ въ годъ, и возитъ теперь по бѣлому Свѣту. — Каждый день сбирается смотрѣть его до 50 человѣкъ, платя по 2 рубля за входъ. Въ числѣ зрителей я замѣтилъ весьма небольшаго росту человѣка, разсматривавшаго съ величайшимъ вниманіемъ сего великана. Это былъ N. N. Представя себѣ услуги, оказанныя отечеству симъ Патріотомъ, его благородный характеръ твердости и непоколебимости, его глубокія познанія и добродѣтели — я не вольно вспомнилъ острый отвѣтъ Наполеонов великану: „вотъ разница между большимъ и великимъ человѣкомъ (*entre un grand homme et un homme grand*). Но отъ чего, думалъ я, такое противорѣчіе чувственныхъ способностей съ душевными, отъ чего силы тѣлесныя рѣдко, почти никогда не согласуются съ душевными? Отъ чего Всещедрый Владыка не создалъ человѣка совершеннымъ? — Для счастія, для гармоніи

Свѣта. Недостатки, слабости людей дѣлаютъ ихъ зависимыми одного отъ другаго — не менѣе различныхъ способностей и наклонностей, они равняютъ состоянія и положенія людей и поддерживаютъ связь обширной цѣпи созданія! Но Графъ N. можетъ назваться совершеннымъ! Онъ здоровъ, уменъ, добръ, богатъ, знатенъ, любимъ и уважаемъ всѣми — такъ, но заглянувше въ сердце его и увидѣвше змѣю честолюбія, гложущую бѣдное сердце, которое нерѣдко ставитъ его въ рядъ обыкновенныхъ, несовершенныхъ смертныхъ. А Князь N. N. при знатности, при богатствѣ, скроменъ, великодушенъ! Такъ, но ..... (Вы слишкомъ удалились отъ великана и карлицы, г. мечтатель съ вашими умствованіями. Кто сего нечувствуетъ? за чѣмъ повторять то, что всѣмъ извѣстно? Виноватъ, признаюсь..... Но имѣйте терпѣніе выслушать еще нѣсколько Философіи моей, можетъ быть, не столь скучной.) Иностранцы, путешество-

ванніе не съ большимъ за сію лѣтъ по Россіи, ошзывались съ удивленіемъ о чрезвычайномъ ростѣ и мужественности Русскихъ. Давно ли Наполеонъ предъ кровопролитнымъ сраженіемъ съ Русскими предупреждалъ войска свои, что они будутъ сражаться съ легіонами исполиновъ? Давно ли видѣли мы множество у насъ гайдуковъ въ три аршина? Знаемъ по Исторіи, что Императрица Анна Іоанновна подарила Фридерику, любившему чрезвычайно солдатъ большаго росту, 40 гренадеръ, изъ коихъ каждой былъ не менѣе 6 футовъ: они восхитили Прусскаго Монарха. — Въ 1814 году близъ Берлина одинъ Пасторъ показывалъ мнѣ мѣста, которыми замѣченъ былъ ростъ Русскихъ бомбардировъ, стоявшихъ въ семъ домѣ на квартирѣ во время семилѣтней войны; многіе изъ нихъ были болѣе 3 аршинъ. Пасторъ спрашивалъ меня, отъ чего у насъ люди помелѣли нынѣ? Я промолчалъ ему, но самъ себѣ сказалъ: отъ развращенія

нравовъ, отъ удаленія съ часу на часъ отъ всего отечественнаго, отъ излишняго обезьянства нашего! Перенимая нравы, обычаи и *одежду* южныхъ жителей, не только разстроили мы здоровье наше, но моральными усиліями къ подражанію *ослабили* умственныя силы. И не мудрено. . . . Посмотрите: самый бѣдный мѣщанинъ пренебрегаетъ уже нынѣ квасомъ, напиткомъ полезнымъ по климату, и жаждетъ разслаблять себя чаемъ. Жена его стыдится выпити въ трескучій морозъ въ теплой ферязи и шапкѣ или платкѣ, а покупаетъ шляпку и капотъ во Французскомъ магазинѣ — она не встанетъ безъ кофе; ядъ сей сильно распространяется, къ несчастію, и по деревнямъ.

Первый иностранный великанъ въ Россіи, сдѣлавшійся извѣстнымъ, былъ Французъ Буржуа, находившійся при Петрѣ Великомъ: онъ былъ ростомъ 3 аршинъ и 3 вершковъ, и родился отъ женщины небольшаго росту. По при-

бывшіи его въ Петербургъ, Государь женилъ его на Чухонкѣ чрезвычайнаго же роста, съ которою и имѣлъ онъ одного сына и двухъ дочерей. Онъ умеръ скоропостижно, и чучела его находится донынѣ въ Кунсткамерѣ. Замѣчательно, что черепъ головы его найденъ былъ безъ шва, а грудь безъ хряща.

Въ царствованіе Екатерины II привозили въ Петербургъ для показу великана, который былъ 3 арш. и 5 вершковъ, а при Императорѣ Павлѣ I — великаншу, ростомъ болѣе 3 арш. Разумѣется, что необыкновенная величина въ женщинѣ казалась поразительнѣе и чрезвычайнѣе.

Страсть къ карламъ и карлицамъ попухаетъ у насъ вмѣстѣ съ охотою къ дуракамъ и шутихамъ, и сіи поколѣнія, кажется, дѣлаются часъ отъ часу рѣже, мѣста ихъ заступили нынѣ — калмычки, козаки и проч.

III.

Разсмотрѣніе двухъ книжекъ.

Почтенный Сочинитель прекрасной сказки про Луку да Марью и неоцѣненнаго подарка Русскому солдашу, показалъ намъ способъ, открылъ дорогу какъ писать для поселянъ и воиновъ нашихъ, какъ пріохотить ихъ къ чтенію; сими небольшими книжками сдѣлалъ онъ большій подарокъ отечеству, посѣтилъ духъ Правительства, коего главною цѣлію, нѣжнѣйшимъ попеченіемъ есть содѣйствовать повсемѣстному просвѣщенію и посѣвать сѣмена благодатной Вѣры. Сочинитель не пугаетъ селянина ученостію, не грозитъ солдату нравоученіями; но разсказываетъ имъ обязанности ихъ, должности, какъ другъ, какъ отецъ — языкомъ внятнымъ, чистымъ, доходящимъ прямо до сердца. Точно по коньѣла сказать добрая мать, благословляя милаго сына своего на службу Царскую; заслуженый воинъ видитъ въ книжкѣ какъ въ зеркалѣ

свои двадцать лѣтъ послушанія, храбрости и благонравія, снискавшія ему уваженіе Начальниковъ и знаки почести, коими украшена грудь его. — Жаль бѣднаго Луку, скажетъ крестьянинъ: вотъ до чего доводитъ пьянство и лѣность, повторитъ онъ, и — будетъ бояться кабака какъ огня, и полюбитъ трудъ и свое состояніе. Тотъ и другой просвѣщаются, читая сію книжку, видятъ лучшее, чувствуютъ совершенное; но они желаютъ и чувствуютъ только то, что можетъ составить блаженство и ъ состоянія: мечтанія ихъ не пойдутъ за предѣлы сферы, начертанной Природою и законами ихъ положенія.—Остается пожелать, чтобъ почтенный Сочинитель взялъ на себя трудъ написать въ семъ же смыслѣ что нибудь для дворовыхъ людей и служителей, для класса людей, имѣющаго болѣе всѣхъ другихъ нужду въ наставленіи и успѣшеніи: ибо они ближе всѣхъ другихъ къ соблазну и пороку, имѣя предъ собою все-

гда на глазахъ вышнихъ себѣ и столько времени для праздности! Въ Англіи и Америкѣ уже давно постигли важность таковыхъ изданій. Въ числѣ добрыхъ подвиговъ Методистовъ можетъ почесться стараніе ихъ не сухимъ проповѣдываніемъ, а совѣтами и печатаніемъ книжекъ, кои раздаются ими даромъ, дѣйствовать на нравственность слугъ. Въ печатаемыхъ ими для сего книжкахъ они не только стараются пояснять иносказанія и глубокія истины Священнаго Писанія — понятнымъ для всякаго образомъ, но и примѣрами толковать заповѣди Божественныя. Истина въ наготѣ ея или надутости и съ самой высокой каѳедры не столь поучительна, какъ иногда, когда доказана происшествіемъ, въ жизни съ подобными намъ случившимся.

Предо мной лежитъ одна изъ таковыхъ книжекъ подъ заглавіемъ: *Servants friend*, Другъ слугъ. Разверну на удачу и переведу что попадется.

Награжденная честность.

„ Мальчикъ, находившійся въ услуженіи у богатаго господина, посланъ былъ имъ съ корзиною вина къ одному больному, бѣдному человѣку. Дорогою отъ рѣзвости, уронилъ онъ корзину и разбилъ вино. Боясь наказанія, вздумалъ онъ сказать господину своему, что вино доставлено имъ въ цѣлости и что больной велѣлъ благодарить и надѣется получить отъ него облегченіе. Мальчикъ былъ очень доволенъ своею выдумкою, но у самаго уже дому — совѣсть и добрыя правила, поселенныя въ немъ отцемъ и матерью, воспоржествовали: мальчикъ рѣшился признаться въ винѣ своей, и лишь только окончилъ свое признаніе, какъ пришли сказать господину его о смерти того больнаго, къ которому былъ посыланъ онъ съ виномъ. Сіе сильно подѣйствовало на добраго мальчика, и онъ положилъ никогда не лгать и не обманывать господина. Наконецъ за че-

стность и справедливость свою сдѣланъ онъ былъ въ молодыхъ еще лѣтахъ дворецкимъ: чрезъ него плашились всѣ домашнія издержки. Однажды, въ выданной ему суммѣ для заплаты по мѣсячному счету, нашелъ онъ сто-фунтовую ассигнацію (2000 руб.) болѣе чѣмъ слѣдовало ему получить. Наперед подумалъ онъ оставить въ свою пользу сіи деньги: „сумма эта ничего не значитъ для господина моего, думалъ онъ, а для меня сдѣлаетъ большое пособіе, и вѣрно Господь Богъ посылаетъ мнѣ ее невидимо;“ но шаже совѣсть, которая остановила его отъ первой лжи, и въ семъ случаѣ спасла его отъ погибели душевной. Можетъ быть это Божеское искушеніе, а не милость, твердила она ему на ухо: онъ пошелъ къ господину своему и объявилъ, что между деньгами, имъ выданными, нашелъ 100 фунтовъ лишнихъ. Добрый господинъ въ радости обнялъ добраго слугу и признался, что, желая поручить ему важныя денежныя дѣла

— нарочно положилъ сію бумажку для искушенія его въ послѣдній разъ, — и сдѣлалъ его главнымъ своимъ управителемъ.

Весьма полезно было бы переводить сіи книжки, но полезнѣе и легче набрать шаковыхъ примѣровъ между своими. Благодаря Бога, намъ нѣтъ нужды занимать у другихъ доказательствъ честности, благодарности и безкорыстія! Сколько добрыхъ слугъ разительнымъ образомъ показали сіи правила даже въ послѣднюю отечественную войну нашу и за границею!

IV.

Отчетъ предъ Издателемъ Вѣстника Европы.

Участіе, изъявленное вами, М. Г., при помѣщеніи въ 18 N° издаваемаго вами Журнала, романическихъ бѣдствій Ѳедора и Ангелики, описанныхъ мною, какъ дикповало мнѣ сердце, возлагаетъ на меня обязанность,

извѣстишь васъ и объ успѣхѣ онаго. — Для вспоможенія сей несчастной четѣ, получено уже мною 375 рублей, изъ коихъ 50 руб. отъ Е. С. К. Е. М. Хованской, 25 отъ Е. П. Ал. С. Хвостова и 300 руб. отъ одного почтеннаго сословія благотворителей. Несчастливцы не погибнутъ по крайней мѣрѣ отъ холода въ предстоящую зиму! Благодаря Бога, соотечественникамъ нашимъ не нужно краснорѣчія, чтобъ подвигнуть ихъ къ доброму дѣлу: стоитъ только сказать: — „какой-то несчастной терпитъ нужду“ — и тысячи пособій найдутъ его. Послѣ сего можно ли отказать себѣ въ удовольствіи, можно ли не чувствовать пріятности быть орудіемъ къ столь добрымъ подвигамъ. Скажу болѣе — безпрестанно лестными доказательствами поощряюсь я въ скользкомъ предпріятіи быть Историкомъ отечественнаго, безпрестанно увѣряюсь въ любви Русскихъ ко всему отечественному, если только убѣждены они бы-

ваютъ въ достоинствѣ онаго. Вина Писателей нашихъ, а въ предметахъ недостатка нѣтъ. Въ свидѣтельство онаго приведу вамъ примѣръ, случившійся недавно съ извѣстнымъ каменосѣчцемъ Сухановымъ, мною описаннымъ. Одинъ изъ богатыхъ Князей нашихъ имѣлъ надобность въ какой-то значительной работѣ: по-утру докладываютъ его с-ву, что пришелъ каменьщикъ для подряду. Велѣно подождать, и черезъ часъ позванъ онъ въ кабинетъ. Князь долго разговаривалъ съ нимъ, и замѣтя необыкновенную толковость, умъ и живость въ рѣчахъ Русскаго мужика, полюбопытствовалъ узнать его имя. Суханов называетъ себя. „Какъ! это ты Самсонъ Семеновичъ Сухановъ, описанный Св....?“ воскликнулъ Князь, и, вскоча съ мѣста, подаетъ ему стулъ и проситъ садиться. Вотъ торжество мое, М. Г., торжество свыше всѣхъ одобреній и похвалъ, притупляющее стрѣлы критики и оправдывающее цѣль мою и виды!

Пусть болтаютъ баричи по-Французски, пусть ѣздятъ въ худой Французскій театръ, лишь имѣли бы сердце Русское, лишь знали бы себѣ цѣну!

Извините мое отступленіе: перо невольно увлекло меня. Не оставлю и впредь извѣщать васъ о пособіяхъ, кои получу для Ѳедора и Ангелики.

(1818, 1 Декабря) Съ удовольствіемъ можемъ увѣдомить почтенныхъ благотворителей, что пособіями ихъ — примѣрная чета сія соединена узами брака. Ѳедоръ обезчещенный, обремененный тяжкими для него долгами, лишенный всякой надежды, оставленный — самою судьбою — едва вѣритъ нынѣ своему счастію — сомнѣвается въ бытіи своемъ, воображаетъ блаженство свое — называть своею, раздѣлять существованіе съ милою Ангеликою — наградою, мечтаемою имъ въ будущей жизни! Ѳедоръ, не имѣвшій

пристанища — возвращаешся по дневнымъ трудамъ своимъ въ чистую, уютную комнашу, къ милому другу своему, гошовому дѣлишь его горе и радосши! Вошъ награда вамъ добрые люди, — сладкая награда — за благодѣяніе ваше!

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА
ВЕЛЬМОЖЪ
ЕКАТЕРИНИНА вѣка.

Вельможу должны сосшавляшь
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дашь,
Чшо званіе его священно,
Чшо онъ орудье власши есшь,
Всѣхъ царсшвенныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
Должны бышь — польза, слава, чесшь.

Державинъ.

„Я не вѣрю шой любви къ Ошечесшву, копорая презираешъ его лѣшописи или преданія!“ сказалъ знамениший Исшорикъ нашъ Н. М. Карамзинъ. Я

не вѣрю также съ моей стороны достоинствамъ тѣхъ людей, которые съ презрѣніемъ или равнодушіемъ говорятъ о прошедшемъ, и восхищаются однимъ только настоящимъ! Если послушаешь сужденія сихъ просвѣщенныхъ, строгихъ судей, что откроешь, что Менщиковы, Долгорукова, Румянцовы, Панины, Суворовы, Безбородки и прочіе мужи, коихъ пустая молва называетъ великими, были люди безъ всякихъ познаній, шалантовъ и вовсе безъ характера. Хотя приговоры сіи не ужасны для славы знаменитыхъ Россіянъ, но распространеніе таковой моды грозитъ утратою многихъ изустныхъ преданій ихъ современниковъ, преданій важныхъ для будущихъ Историковъ.

Чувствую ничтожество мое предъ сими лучезарными Геніями, и признаюсь, что никогда не престану восхищаться, слушая славныя дѣянія нашихъ предковъ. Вотъ нѣкоторыя изъ оныхъ черты, кои недавно удалось

мнѣ слышать отъ одного почтеннѣйшаго и знаменитаго нашего Патріота.

I.

Екатерина, окончивъ сочиненіе одного важнаго проэкта (кажется о заводахъ), надъ которымъ трудилась Она долгое время съ величайшею тайною, пріѣзжаетъ въ Сенатъ, и съ торжествомъ приказываетъ читать о семъ Манифестъ. По окончаніи чтенія, старшій Сенаторъ встаетъ съ своего мѣста, и отъ лица всего Сената благодаритъ Монархиню за новый знакъ ея попеченія о благѣ отечества. — „Садись, Р...нъ, садись!“ воскликнулъ Петръ Ивановичъ Панинъ патріотическимъ голосомъ Долгорукова: „я тебя не уполномочивалъ благодарить Государыню, да и другіе Сенаторы, если подумаютъ хорошенько, вѣрно будутъ со мною согласны.“ Послѣ сего подымается онъ съ кресель, обращается къ Императрицѣ, и въ сильныхъ, ясныхъ, разительныхъ доводахъ представляетъ Ей неудобства и вредъ сего

новаго учрежденія. — Примѣтно было, что Екатерина, не смотря на удивительную власть управлять собою, поражена была неожиданностію противорѣчія; многіе изъ Сенаторовъ трепетали за Панина. Но умъ великой Монархини взялъ верхъ надъ уязвленнымъ самолюбіемъ; Екатерина уважила благородный духъ Патріота, и съ обыкновенною благосклонностію сказала: „хорошо, Графъ Петръ Ивановичь, я подумаю и пересмотрю еще это дѣло, а теперь займемся другими.“ По окончаніи присутствія, обратилась Она къ Панину съ сими словами: „если вы, Графъ Петръ Ивановичь, не дали ни кому сего дня слова обѣдать, то прошу васъ ко Мнѣ.“ Послѣ сего посадила его съ собою въ карету — и Манифестъ уничтоженъ.

Мнѣ кажется, что терпѣніе Петра Великаго опять противорѣчій Писарева и Долгорукова, судя по чрезвычайно пылкому и самовластному Его нраву, можетъ служить лучшимъ сви-

дѣпельствомъ Его величія. Приведенная мною здѣсь черта не менѣе разительна; скажу даже — она преимущественнѣе, важнѣе, славнѣе для обоихъ: Екатерины и Панина, судя по характеру того вѣка.

II.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, былъ человѣкъ самой строгой добродѣтели. Его упрекаютъ въ надмѣнности; но политическія обстоятельства въ послѣдней Государственной ролѣ его въ Польшѣ, заставляли его быть такимъ; впрочемъ гордость его происходила отъ чувствованія собственныхъ его достоинствъ. Князь Николай Васильевичъ всегда готовъ былъ ко всякому доброму дѣлу, и могъ похвалишься, что не сдѣлалъ въ жизнь свою никого несчастнымъ. (Великая, почтенная увѣренность Вельможи!)

По окончаніи Польской войны, Государыня пожаловала ему 50,000 рублей, и приказала получить деньги сіи отъ

одного чиновника, которому вверена была казенная сумма. Сей послѣдній пріѣзжаетъ къ Князю и признается, что деньги онъ проигралъ. Репнинъ, помня строгое правило свое, не дѣлать никого несчастнымъ, даетъ приказаніе своему Адъютанту, покойному Кіевскому Губернатору Панкратьеву, получить деньги отъ сего чиновника въ запечатанномъ ящикѣ, и въ благодарность за то требуетъ, чтобы онъ содержалъ сіе въ тайнѣ. Уже по кончинѣ Князя, чиновникъ сей облегчилъ свое сердце, объявивъ пріятелямъ своимъ о столь разительномъ примѣрѣ великодушія Князя Николая Васильевича.

III.

Фамилія Князей Репнинныхъ имѣла продолжительную тяжбу въ трехъ тысячахъ душахъ съ Князьями Х..... небогатыми помѣщиками. Наконецъ всѣ присутственныя мѣста присудили единогласно отказать деревни сіи Князю Николаю Васильевичу Репни-

ну; оставалось только сдѣлать въ Сенатѣ рѣшительный о томъ приговоръ, который также не могъ иначе быть какъ въ его пользу. Вскорѣ по заключеніи Тешенскаго мира Князь Н. В. Репнинъ пріѣхавъ въ Петербургъ, призываетъ къ себѣ одного изъ славныхъ тогдашняго времени законоискусниковъ, проситъ его разсмотрѣть со вниманіемъ сіе дѣло, и сказать ему по совѣсти, правъ ли онъ или виноватъ. — Увѣрившись какъ отъ него, такъ и по другимъ справкамъ, что справедливость дѣйствительно была на его сторонѣ, Князь Николай Васильевичь прекращаетъ тяжбу и даритъ тысячи душъ своимъ соперникамъ! Какъ пріятна черта сія въ славномъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе, что интересъ не рѣдко помрачалъ память самыхъ великихъ характеровъ.

IV.

Справедливо говорятъ, что Екатерина воспитывала Министровъ своихъ и Генераловъ: Она не только знала

лично всякаго въ Гвардіи Офицера, но испытавъ способности и характеръ каждаго какимъ нибудь порученіемъ, предназначала всякому изъ нихъ будущее его поприще: одного возводила въ званіе Полководца, другаго сажала за зерцало, третьему вручала правленіе цѣлой области, и на всякое мѣсто имѣла она всегда въ виду способнаго чиновника. Только по смерти Ивана Ивановича Меллера-Закомельскаго, убитаго при осадѣ Киліи, сказала Она, что съ Нею случилось то, чего никакъ не ожидала, что есть не знала кѣмъ замѣнить его. — Екатерина уважала талантьі и снисходила къ слабостямъ, никогда почти неразлучнымъ съ талантами. Александръ Васильевичъ Храповицкій, мужъ извѣстный своими счастливыми, необыкновенными способностями и безпечностію — получилъ однажды повелѣніе Монархини написать и представить на другой день къ подписанію Манифестъ по нѣкоторому важному дѣлу, требовавшему

большаго соображенія и нетерпящему промедленія. На другой день, идучи уже съ докладомъ къ Государынѣ, Александръ Васильевичъ вспоминаетъ Ея приказаніе, и, не имѣя времени, на оборотѣ листа вписываетъ единственно послѣднія строки, которыми оканчиваются обыкновенно Манифесты. Съ симъ является онъ къ Екатеринѣ, и на вопросъ: готовъ ли Манифестъ? докладываетъ, что написанъ. Государыня приказываетъ ему прочесть его — и Храповицкій читаетъ внятно, твердо, безъ малѣйшей остановки. Будучи крайне довольна изложеніемъ воли Своей и мыслей, и изъявя за то Александру Васильевичу благодарность, Екатерина беретъ изъ рукъ его читанную имъ бумагу, что бы имѣть удовольствіе прочесть её Самой еще одинъ разъ — но какъ удивляется Монархиня, когда видитъ въ ту минуту Храповицкаго, падающаго къ ногамъ Ея и просящаго помилованія; удивленіе Ея увеличивается, когда

узнаетъ, что прекрасный Манифестъ не былъ написанъ, а читанъ имъ — изъ головы. Екатерина прощаетъ виновнику, но узнавъ чрезъ такой неожиданной случай необыкновенные его таланты, усугубляетъ къ нему Свое благоволеніе.

V.

Графъ Никита Ивановичь Панинъ, не получивъ, по какимъ-то непріязненнымъ для него обстоятельствамъ, удовлетворенія по докладу своему, коимъ испрашивалъ онъ деревни въ награжденіе трем Секретарямъ своимъ: Фонъ Визину, Бакунину и Убри, за оказанные ими труды и усердіе при раздѣлѣ Польши — отдаетъ имъ пожалованныя ему при семъ случаѣ 4,000 душъ.

КОНЕЦЪ.

ЭРАТА.

Стра.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
31	3	оспавилъ	оспавилъ
45	24	выписапься	выписапься
53	19	любимымъ	любиму
120	25	адъ	ядъ

QP4
S5

AUG 26 1958